

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА»**

На правах рукописи

Борисова Катерина Александровна

**РОЛЬ АМЕРИКАНО-ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СОЗДАНИИ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В 1960-Х – НАЧАЛЕ 1970-Х ГОДОВ.**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Манькин Александр Серафимович

Москва - 2016

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Причины выдвижения проблем европейской безопасности на авансцену политической жизни ФРГ и США в конце 1950-х - начале 1960-х годов:.....	39
1. Трансформации военных концепций США на рубеже двух десятилетий и реакция ФРГ.....	39
2. Проблема европейской безопасности в свете уроков Берлинского кризиса: позиция США и ФРГ	67
3. Эволюция взаимодействия США и ФРГ на закате «эры Аденауэра» (1961-1963 гг.)	87
Глава 2. Подготовка почвы для перехода к практическим шагам в сфере европейской безопасности в середине 1960-х годов	112
1. Переосмысление доктрины Хальштейна в Бонне и реакция Вашингтона (1963-1966 гг.).....	112
2. От планов создания «многосторонних ядерных сил» к договору о нераспространении ядерного оружия 1968 года.....	126
3. Становление «разрядки по-боннски» и реакция США во второй половине 60-х годов.....	142
Глава 3. Противоречия в позициях ФРГ и США относительно созыва общеевропейского совещания на рубеже 1960-1970-х годов	161
1. Реакция ФРГ на советско-американские переговоры (1969-1972 гг.)	161
2. Американско-западногерманские отношения в ходе подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе: от идеи к практическим шагам (1972-1974 годы).....	182
3. Эволюция подходов США и ФРГ к проблеме европейской безопасности: общее и особенное (1972-1974 гг.)	205
Заключение	229
Библиография.....	241
Приложение.....	259

Введение

Актуальность темы исследования. Поиски устойчивой формулы международной безопасности, объективно отвечающей на вызовы постоянно меняющихся реалий современного мира – одна из ключевых задач человечества на сегодняшний день. Безопасность в ее общепринятом понимании является крайне многогранным явлением. Однако все чаще это понятие ассоциируется у нас со сводом определённых правил поведения государств на международной арене.

На протяжении многих веков с развитием государственности, общественно-политической и правовой мысли происходила постоянная трансформация восприятия основ как личной, так и государственной безопасности. В сфере личной безопасности возобладали принципы, направленные на предотвращение преступлений против индивидуальных прав и политических свобод человека и гражданина. В первую очередь, подразумевалась защита неотъемлемых и естественных прав человека на жизнь, свободу, неприкосновенность личности, его жилища, защиту чести, достоинства, семьи.

В плане понимания международной безопасности государств речь стала идти, прежде всего, о создании условий, гарантировавших их целостность и суверенитет. И в этой сфере понятие «безопасность» стремительно эволюционировало по мере усложнения содержания международных отношений. Долгое время основой для любых концепций безопасности неизменно выступало так называемое «активное вовлечение», то есть укрепление обороноспособности и военного потенциала государства или союза государств, направленное на подавление агрессора ответным или превентивным ударом. Однако с началом ракетно-ядерной эпохи эти концепции во многом потеряли свою актуальность.

В середине XX века в основе послевоенного мироустройства лежали непримиримые противоречия двух сверхдержав, и весь мир был разделен на

два конфронтационных лагеря, сконцентрированных вокруг США и СССР. На смену прошлым коллизиям шло противостояние двух военно-политических блоков – НАТО и ОВД. В условиях ракетно-ядерного века их конфликт мог иметь фатальные последствия для европейской цивилизации.

После Второй мировой войны мировое сообщество трактовало проблемы безопасности еще не так обширно как сегодня, но они уже и не сводились к простому противопоставлению состояния «войны» и «мира». «Безопасность» перестала носить сугубо национальный характер. Так, страны Западного мира все чаще стали связывать гарантии своей безопасности с устойчивым развитием сотрудничества в рамках НАТО и укреплением обороноспособности альянса.

Важно однако отметить, что такая системы европейской безопасности была выгодна, прежде всего, Соединенным Штатам, которые таким путем стремились обеспечить неприкосновенность своих интересов в регионе. Но уже в начале 1960-х годов, после того как человечество за короткий срок дважды оказалось на грани ядерной войны, понятие «безопасности» постепенно начинает трансформироваться в сторону его договорного характера на многосторонней основе, в том числе с привлечением стран социалистического блока. Таким образом, к началу 1970-х годов страны западного мира приходят к справедливому выводу, что система европейской безопасности, которая была направлена «против» Советского Союза, оказалась намного проигрышнее идеям безопасности, которые предусматривали создание такой системы «вместе» со странами социалистического блока. В конечном счете именно этот принцип лег в основу общеевропейского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1970-е годы.

Ясно, что эволюция понятия «безопасность» в огромной мере зависела от того, как его будет трактовать лидер Западного блока – США. В свою очередь, политика США на европейском направлении определялась многими факторами. В Вашингтоне хорошо понимали, что эффективность их политики

в Европе будет зависеть не только от их успехов в сдерживании «советской угрозы», но и от того, как будут складываться их взаимоотношения с ведущими государствами Североатлантического альянса, в первую очередь с ФРГ.

Созданное в 1949 году западногерманское государство за короткий срок превратилось в одну из наиболее развитых стран западного блока. Как следствие, американско-западногерманские отношения также стремительно развивались.

Мы неслучайно сконцентрируем наше внимание на изучении двусторонних отношений именно этих двух ведущих держав Западного блока. Сочетание таких факторов, как крупнейший в Западной Европе экономический потенциал, сосредоточение на территории страны главных ударных сил НАТО, а также факт того, что ФРГ – единственная из западноевропейских участников альянса непосредственно граничила с двумя социалистическими странами, придавали Западной Германии чрезвычайно важное значение в биполярной системе международных отношений.

Испытав серьезный экономический подъем в середине 1950-х годов, Западная Германия не хотела мириться с условиями своего поствоенного положения и судьбой исторической столицы Германии – Берлина - не только в силу личных амбиций, но и из-за объективно возросшей роли ФРГ в НАТО. Германская и Берлинская проблема носили далеко не национальный характер, так как подвижки в этой области непосредственно затрагивали основы биполярной системы.

Правительство ФРГ фактически определилось с основными доминантами своей внешней политики и их иерархией еще в середине 50-х годов.

Первое место во внешней политике ФРГ безусловно занимала «политика в области безопасности» с ее «атлантической солидарностью» и упором на развитие особых отношений с США.

На втором месте стояла западноевропейская интеграция с акцентом на укрепление франко-западногерманского сотрудничества.

Третье место западногерманской внешней политики отводилось развитию двусторонних отношений ФРГ с другими странами в допустимых пределах доктрины Хальштейна¹.

Что касается американской внешнеполитической линии, то, вне всяких сомнений, ее основополагающим вектором, определяющим всю стратегию Соединенных Штатов на международной арене в 1950-е годы, являлась конфронтация со странами социалистического блока. В основе тогдашней военной доктрины США – доктрины «массированного возмездия» - была заложена идея американского мирового превосходства в ядерных вооружениях. Однако после того как в 1957 году Советский Союз вывел на околоземную орбиту свой искусственный спутник, ситуация кардинально меняется. Доктрина «массированного возмездия» начинает терять свою актуальность не только в глазах политической элиты США, но и их партнеров по НАТО. Неадекватность прежних американских внешнеполитических установок новым реалиям ставила под сомнение роль США как безусловного гаранта безопасности стран капиталистического блока. Осознавая это, в начале 60-х годов западноевропейские государства начинали проявлять все большую самостоятельность в вопросах обеспечения безопасности региона. Чтобы предотвратить дальнейшее развитие подобной тенденции, Вашингтон неизбежно был вынужден задуматься о качественно новом уровне своего внешнеполитического планирования и ревизии устаревших военно-стратегических концепций.

¹См. подробнее: глава 2 параграф 1. Суть доктрины сводилась к тому, что установление третьими странами дипломатических отношений с ГДР рассматривалось Бонном как «недружелюбный акт» в отношении ФРГ и вело к разрыву отношений с этой страной. Исключение из доктрины составляли дипломатические контакты с СССР в силу их международно-политической значимости. Таким образом, взаимоотношения ФРГ со странами Восточного Блока обрели откровенно негативный окрас во всех их проявлениях.

В этой ситуации Вашингтону было необходимо не только сохранять свое первенство в гонке вооружений, но и поддерживать свой статус лидера и беспрекословный авторитет внутри НАТО.

В начале 1960-х годов в отношениях стран-членов Североатлантического альянса стали просматриваться две основные тенденции. С одной стороны, страны Западной Европы начинают все активнее искать наиболее приемлемую форму дальнейшего развития, которая в первую очередь обезопасила бы именно их от очередного мирового кризиса. С другой стороны, западноевропейские государства стремятся еще более яростно укреплять свои позиции в глазах их атлантического союзника – США. Пожалуй в наиболее сложном положении в этот период оказалась ФРГ, так как наиболее серьезные узлы противоречий региона располагались именно на ее территории.

Таким образом, в ходе нашего исследования мы сосредоточим внимание на рассмотрении динамики взаимодействия США и ФРГ в сфере обсуждения вопросов, связанных с созданием надежной системы европейской безопасности и эволюции их подходов к этой поистине судьбоносной проблеме в 60-е годы прошлого века.

Объектом настоящего исследования выступают политические процессы, вызванные созданием системы европейской безопасности, **предметом** – влияние американо-западногерманского взаимодействия на создание системы европейской безопасности в 1960-е – начале 1970-х годов. При этом под американо-западногерманским взаимодействием мы понимаем не только сугубо двусторонние отношения США и ФРГ в этот период, но и их роль в выстраивании целостной внешнеполитической стратегии всего североатлантического альянса.

Цели и задачи исследования. Основная цель настоящего исследования заключается в изучении того, как отношения двух ведущих держав Западного блока эволюционировали в ходе зарождения основ системы безопасности в

Европе в 1960-е годы и как они повлияли на процесс ее становления в ходе подготовки созыва СБСЕ в первой половине 1970-х годов.

Для осуществления исследовательского замысла потребовалось решить следующие конкретные задачи:

- изучить внешнюю политику США и ФРГ в обозначенный период, выделить основные векторы, составляющие ее суть, проследить динамику стратегических и тактических линий;

- определить, какое место в шкале внешнеполитических приоритетов двух стран занимал вопрос коллективной безопасности;

- понять какую роль США и ФРГ играли в процессе создания системы безопасности в Европе в указанный период и как их двустороннее взаимодействие сказывались на развитии общеевропейского процесса в целом;

- проанализировать меняющиеся приоритеты внешнеполитического курса Федеративной Республики и Соединенных Штатов в отношении обеспечения собственной безопасности;

- выявить сходства и различия в подходах двух стран к решениям ключевых внешнеполитических проблем в контексте подготовки общеевропейского совещания.

Научная новизна. Степень научной новизны нашего исследования определяется, во-первых, источниковедческой базой. В своей работе мы вводим в научный оборот материалы, которые ранее не использовались в отечественной историографии. Среди них, например, ряд архивных документов центра по изучению международной безопасности, посвященных программе ядерной истории, документы из архива внешней политики ФРГ или архивов западногерманских политических партий. Эти материалы позволили нам в ряде случаев по-новой взглянуть на характер международных отношений на европейском континенте в рассматриваемый период.

Во-вторых, несмотря на очевидную актуальность данной проблематики, в отечественной историографии отсутствуют комплексные исследования,

посвященные становлению системы европейской безопасности в контексте американско-западногерманских отношений в ключевой для этого сюжета период - 1960-1970-е годы.

В-третьих, данная работа преследует цель уточнения целого ряда оценок и установок относительно интересующих нас сюжетов, которые давались в отечественной историографии ранее. Так, например, это касается слишком прямолинейной и относительно схематичной оценки фигуры Вилли Брандта, к которой были склонны авторы большинства отечественных исследований, посвященных данной тематике. Это также касается и оценок всего комплекса американско-западногерманских отношений. Ранее отношения между этими двумя государствами чуть ли не повсеместно было принято воспринимать как взаимодействие неизменно верных друг другу союзников по НАТО. Мы же попытаемся показать, что в их отношениях все же присутствовали определенные противоречия по вопросам, которые прежде всего касались понимания сути государственных интересов двух стран. В ходе нашего исследования мы постараемся показать эту динамику американско-западногерманских отношений.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала 1960-х годов XX века, когда внимание основных акторов международных отношений было привлечено к резко обострившейся ситуации вокруг Западного Берлина. Берлинский кризис 1961 года наглядно продемонстрировал, что установившийся европейский порядок был достаточно хрупким и шатким. Верхним маркером нашего исследования является начало 1970-х годов, когда окончательно завершился подготовительный этап Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе, аналогов которому прежде не существовало. Помимо этого, начало 1970-х годов знаменательно сразу двумя громкими отставками: президента США Р. Никсона вследствие «уотергейтского скандала» и В. Брандта из-за вскрывшегося дела о шпионаже Г. Гийома в пользу ГДР. После смены руководства двух стран, несмотря на преемственность курсов своих

предшественников, в отношениях США и ФРГ начался новый этап взаимодействия.

Методологическая основа исследования. Методологическую базу нашей работы составляет комплексная методология исследования проблем международных отношений и включает в себя принципы историзма, научной объективности, всесторонности, системности и научной объективности. Их использование обеспечивает нам критичность суждения при анализе источников, сопоставлении различных фактов, при учете ретроспективы прошлого и всей внешнеполитической конъюнктуры в целом². Этих общих принципов, однако, недостаточно для анализа такой специфической проблематики, как влияние американо-западногерманских отношений на становление системы европейской безопасности.

Для того, чтобы определить место проблемы европейской безопасности в иерархии системы международных отношений XX века, на наш взгляд, необходимо, прежде всего, обратиться к суждениям представителей школы реализма и неореализма. Основные постулаты теории международной безопасности реалистов небезосновательно сводятся к тому, что главным субъектом международных отношений неизменно выступает государство, которое стоит на страже своего благополучия и обеспечивает военно-политическую безопасность за счет собственной мощи.

Более того, один из ярчайших представителей школы реализма, Г. Моргентау, был склонен рассматривать природу мировой политики с точки зрения ее конфликтности³. Он считал, что, несмотря на определенную хаотичность международных отношений, именно желание сохранить достигнутые результаты в той или иной области заставляют государства договариваться между собой, то есть прибегать к дипломатии. Одним из основных правил дипломатии в условиях хаотичности международных

² См. Подробнее: Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

³ The future of Diplomacy.//International Politics. Enduring Concepts and Contemporary Issues. / Ed. By R.J. Art, R. Jervis. 7th NY. 2005. P. 104, 107; Donnelly J. Realism and International Relations. Cambridge, 2000. P. 32-50.

отношений он называл стремление государств-участниц международных отношений к компромиссу, то есть к «балансу сил» на основе дипломатии⁴.

Тем не менее, склонность представителей школы реализма рассматривать международные отношения прежде всего с точки зрения их непредсказуемости, подтолкнула нас обратиться к представителям структурного реализма (неореализма).

В отличие от сторонников классической теории неореалисты берут за основу своих исследований международные отношения как целостную систему взаимосвязанных элементов. Они не стремятся сравнивать субъекты международных отношений с точки зрения их государственной «мощи» или ранжировать их по каким-либо еще критериям функциональной дифференциации⁵. То есть место государства в системе международных отношений определяется, в первую очередь, структурой этой самой системы, ее сбалансированностью, а не интересами отдельно взятых стран⁶. И, как следствие, проблемы безопасности изначально ограничены рамками той или иной системы, ее особенностями и характеристиками.

Не менее важным элементом для представителей этой научной школы является вопрос мотивации тех или иных внешнеполитических решений в рамках системы. Один из ярчайших представителей этого направления, К. Уолтц, даже выдвинул стратегию трёхуровневого анализа мотивации(решения, принятые на уровне индивида – государства - межгосударственной системы). Более того, он склонен рассматривать в качестве дифференцирующего знаменателя еще и само стремление стран к «выживанию», то есть способность адаптации конкретного государства к

⁴ Morgenthau Hans J. Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace. Second Edition. NY., 1955; Nobel J.W. Morgenthau's Struggle with Power: The Theory of Power Politics and the Cold War // Review of International Studies. 21(1). January, 1995. P. 61-86.

⁵Donnelly J. Realism and International Relations. Cambridge, 2000. P. 51-54.

⁶Манькин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Манькина. М., 2009. С. 40.

меняющимся условиям внешнеполитической конъюнктуры⁷. Тем самым Уолтц оправдывает определенным уровнем мотивации те внешнеполитические действия субъектов международных отношений, которые Моргентау называет «иррациональными» и склонен считать скорее «случайным выбором из неограниченного числа вариантов»⁸. Тезис Уолтца о том, что любые внешнеполитические решения государств принимаются, прежде всего, во благо своей страны и национальных интересов, безусловно дополняют концепцию реалистов. Теория Уолтца особенно полезна нам при анализе проблем безопасности в контексте мировых кризисов.

Не менее важные теоретические положения для анализа интересующих нас проблем были разработаны учеными, разделяющими ключевые положения концепции «восприятия». Р. Джервис одним из первых стал учитывать фактор субъективности восприятия угроз и его искажения⁹. Его наблюдения были крайне важны при анализе ряда сюжетов из истории взаимоотношений США и ФРГ, например в начале 1960-х годов, когда Кеннеди в ходе своего визита в Берлин предпочитал вести дела напрямую с бургомистром Западного Берлина В. Брандтом в обход Аденауэра, в силу личной неприязни к старому канцлеру. Отсутствие взаимопонимания американского президента с Аденауэром и, напротив, продуктивный диалог с Брандтом оказали безусловное влияние на дальнейшую судьбу политических партий ФРГ.

Как показывает практика, в ходе разрешения конфликта, в который втянуто более двух государств, те или иные решения принимаются

⁷ Waltz K. Realist through and the neorealist Theory //Jornal of Intarnational Affairs. 1990. P. 67-82; Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge. Ed. by Charles W. Kegley. NY., 1995. P. 76.

⁸ Morgenthau H. The international and political functions of theory.//International theory. Critical investigation. Ed. By J. DerDerian. London, 1995. P. 36-52.

⁹ Jervis R. Perception and misperception in international politics. Princeton, 1976. См.: Idem. Realism, Neoliberalism and Cooperation // International Security. Summer 1999, Vol. 24, No 1. P. 48-49. См. также: Крылов М.М. “Концепция восприятия” Р. Джервиса в теории и историографии международных отношений (последняя четверть XX - начало XXI в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. N 5, 2008. С. 48.

заинтересованными акторами не только исходя из объективных внутривнутриполитических соображений, но и субъективного лидерами данных государств «восприятия» угрозы¹⁰. Нередко участники международных отношений неадекватно оценивают уровень возникшей угрозы, несоразмерно отвечая на действия агрессора, чем только провоцируют дальнейшее разгорание конфликта. Американский ученый Дж. Стоссинджер в этой связи отмечает, что в основе большинства конфликтов XX века лежит проблема неправильного восприятия реальных угроз как с точки зрения недооценки или переоценки противника, так и -собственных сил¹¹. В контексте нашего исследования, примером подобного поведения служит эпизод, связанный с внешней политикой Аденауэра после возведения Берлинской стены. Отстаивая официальную политику Бонна в глазах США и не желая мириться с итогами Берлинского кризиса, канцлер идет на диалог с Францией. Как показала история, на деле этот маневр лишь усугубил положение ФРГ в глазах американцев. Однако в тот момент союз с неприятной для американцев фигурой де Голля виделся канцлеру и его сторонникам крайне эффективным способом повлиять на позицию Вашингтона в Берлинском вопросе и тем самым укрепить безопасность ФРГ¹².

В целом, по мнению большинства ученых, проблемы обеспечения безопасности в международных отношениях продиктованы, прежде всего, интересами защиты своих государственных интересов силовыми методами, а не стремлением к международному сотрудничеству и созданию всеобщей безопасности¹³. При этом они, на наш взгляд, уделяют недостаточно внимание

¹⁰ Поздняков Э.А. Нация, национализм, национальные интересы. М., 1994. С. 11.

¹¹ Stoessinger J.G. Why Nations Go to War. NY., 1974.

¹² Примечательно, что именно в ФРГ в этот период времени начинают разрабатываться концепции «пропорциональности» принятия решений, которые сводились к тесту на уместность, необходимость и соразмерность принятия тех или иных публично-правовых решений государства. См. подробнее: Weinrib L. The Postwar Paradigm and American Exceptionalism // The Migration of Constitutional Ideals / Ed. by S. Choudhry. Cambridge, 2006. P. 84.

¹³ Stoessinger J.G. Why Nations Go to War. New York. 1974. Waltz K.N. Theory of International Politics. NY., 1979; Walt. S.M. What Would a Realist World Have Looked Like? // Foreign Policy, 8 January 2016; Donnely J. Realism and International Relations. Cambridge, 2005.

«невоенным» аспектам системы безопасности. Поэтому при анализе основных направлений развития концепции европейской безопасности необходимо обратиться к позициям институционалистов. Так, например, один из ярких представителей этой школы Р. Коен склонен видеть в качестве основной тенденции в этой сфере рост стремления стран к сотрудничеству, то есть к созданию надгосударственных образований¹⁴. Совместно с американским политологом Дж. Наем они разработали «концепцию комплексной взаимозависимости», в соответствии с которой появление таких институтов, как международные организации, ни в коей мере не ограничивает возможности более слабых субъектов международных отношений к выживанию, а напротив, обеспечивает вариативность и плюрализм каналов политических связей, сглаживая межгосударственные противоречия¹⁵.

Позиция Коена ценна для нас и его приверженностью к правовому обоснованию безопасности. Он является сторонником договорной политики в этой области, где особая роль в обеспечении устойчивой безопасности должна отводиться международным соглашениям¹⁶.

Сочетание суждений вышеупомянутых школ наиболее целостно, на наш взгляд, отражено в теоретических наработках, созданных специалистами по проблемам европейской безопасности, принадлежащими к копенгагенской школе конструктивизма. Согласно их теории, безопасность – социальная конструкция и стратегия по нейтрализации возникающих угроз мирной жизни¹⁷. Представленная этой школой концепция секьюритизации¹⁸ рассматривает вопросы международной безопасности как синтез

¹⁴ Koehane R. *International Institutions and State Power: Essays in International Relation Theory*. Boulder, 1989. P. 135-140.

¹⁵ См. Подробнее: Р. Коохейн, Дж. Най. *Сила и взаимозависимость. Переходный период мировой политики*. М. 3 изд. 2000; Krasner S. *Structural causes and regime consequence; regimes as intervening variables*. // *International organization*. 1982. Vol. 36. P 186.

¹⁶ Koehane R. *International Institutions and State Power: Essays in International Relation Theory*. Boulder, 1989.

¹⁷ Barry Buzan, Ole Wæver, Jaap de Wilde. *Security: A New Framework for Analysis*. Boulder, 1998. P. 53.

¹⁸ На английском языке “securitization” (от security — безопасность).

политического конструктивизма и классического реализма. По мнению основных представителей копенгагенской школы, Б.Бузана и О. Вайвера, безопасность опирается, прежде всего, на достигнутый баланс политических, экономических, социальных и военных достижений страны, а в международном смысле – это договор нескольких держав о нейтрализации любых рисков, которые могут привести к дестабилизации этих государственных успехов. Более того, Бузан, разработчик теории «комплекса региональной безопасности», неоднократно подчеркивает в своей работе, что понятие «безопасности» крайне нестабильно¹⁹. Основополагающее и образующее этот термин слово – опасность, которая по своей природе очень многолика и не может быть основой для какой-либо точной дефиниции. Согласно рассуждениям Бузана, оптимальным способом придать безопасности более-менее однородную форму является ее разделение на безопасность национальную (государственную) и международную (всеобщую). В своем исследовании мы сделали акцент на международный аспект этого явления, сконцентрировав внимание на европейском регионе.

Подводя итоги, следует сказать, что в современном мире, с учетом стремительно меняющихся реалий международных отношений, сложно оставаться приверженцем какой-либо одной концепции. Особенно сложно оставаться в рамках одной теории при рассмотрении такого сравнительно молодого явления, как европейская безопасность. На наш взгляд, только синтез различных концепций позволяет выработать оптимальный подход к пониманию процесса становления системы европейской безопасности в 1960-1970-е годы в контексте американо-западногерманских отношений.

Источниковая база. Для решения поставленных задач нами был привлечен обширный круг опубликованных и неопубликованных источников. Они включают в себя несколько основных блоков исторических материалов: архивные данные, официальные и неофициальные публикации документов

¹⁹ Barry Buzan. People, State and fear: The National Security Problem in International Relations. Brighton, 1983.

законодательных и исполнительных органов власти, прессу различных стран, в частности, США, ФРГ, Великобритании и Франции, и мемуарную литературу.

Прежде всего, данное исследование основано на архивных материалах и на опубликованных американских и западногерманских документах.

В исследовании были использованы архивные материалы Центра изучения международной безопасности в Мэриленде, посвященные истории ядерной программы ФРГ, которые частично размещены на базе Марбургского университета. Данная коллекция содержит рассекреченные документы по ядерной политике министерства обороны ФРГ 1957-1966 годов. Эти материалы позволили нам подробно изучить позицию первых двух канцлеров ФРГ в отношении проекта создания многосторонних ядерных сил НАТО, осветить немецкую позицию по отношению к американским предложениям по разделению «ядерной ответственности» в альянсе²⁰. Эти документы довольно четко демонстрируют заинтересованность западногерманского государства в данном проекте.

Также мы использовали стенограммы съездов и пленарных заседаний двух крупнейших партий ФРГ, почерпнутых в архиве социал-демократии²¹ и в архиве христианско-демократической политики в Бонне. Разделы этих двух архивов позволяют ознакомиться не только с основными стратегиями и программными документами партии, но и подробно изучить позиции ведущих западногерманских политиков, оказывающих решающее влияние на выработку внешнеполитической парадигмы западногерманского правительства. Проведение компаративного анализа материалов этих двух фондов, позволяет сделать вывод, что процесс формирования позиции ФРГ по вопросам европейской безопасности в 1960-е годы всецело базировался на жесткой антитезе «атлантистов» и «голлистов».

²⁰ Nuclear History program (NHP). Aktenmaterial des Bundesministeriums der Verteidigung. 1955-1966, (documents from the Center for International Security Studies at Maryland).

²¹ Archive für Christlich-Demokratische Politik (ACDP), Bonn 1953-1964; Archive der sozialen Demokratie (AdsD), Bonn, 1956-1962, 1969-1974.

Важные документы о внешней политике ФРГ содержатся также в сборнике Федерального архива Германии «Die Dokumente zur Deutschlandpolitik»²². В первую очередь, этот сборник привлекателен для нас тем, что он считается одним из основополагающих источников по германской проблематике, который консолидировал в себе почти весь пласт документов, связанных с Берлинским и Германским вопросами вплоть до падения Берлинской стены. С 1961 года он издавался под редакцией Федерального министерства внутригерманских дел (до 1969 г. – общегерманских). Мы обратились к этому источнику, в первую очередь, потому, что кроме широкой подборки резолюций Бундестага и заявлений Федерального правительства в сборнике публиковались различные сопроводительные записки и критические описания известных ученых и публичных деятелей в отношении этих документов. Изначально они предназначались сугубо для внутреннего пользования, однако с недавних пор весь спектр этих материалов доступен читателям для использования в научных целях.

Мы также использовали частично открытые материалы Федерального архива в Кобленце. Особый интерес для нас представляли фонды ведомства федерального президента, федерального канцлера, федерального министерства обороны, министерства экономики и министерства по атомным вопросам²³. Ввод в научный оборот этих материалов имеет важное значение для понимания процессов, связанных со становлением ФРГ как основного центра силы в Европе. Помимо различных меморандумов, протоколов, стенограмм встреч и заседаний, архив включает в себя еще и развернутые комментарии. Так например, незаменимыми для настоящего исследования оказались размышления министра обороны ФРГ Кай-Уве фон Хасселя о проекте многосторонних ядерных сил или Э. Майоника относительно

²² Bundesarchiv (BA). Die Dokumente zur Deutschlandpolitik. III-IV Reihe (1955-1959). Frankfurt-am-Main, 1961-1972.

²³ Bundesarchiv (BA). Akten zu den Bundesministerium für Wirtschaft; Bundeskanzleramt; Bundespresidentialamt; Akten zu den Bundesministerium für Atomfragen; Akten zu den Bundesministerium der Verteidigung. Koblenz, 1958-1973.

доктрины Хальштейна. Крайне полезными оказались документы из архива министерства иностранных дел Германии и парламентского архива немецкого бундестага. Они содержат важную информацию по двусторонним контактам США и ФРГ по вопросам ядерного планирования, Германскому, Берлинскому вопросам, а также вопросам национальной безопасности и оборонной политики страны. В основном эти документы представлены в виде стенограмм заседаний профильных комитетов, текстов заявлений ведущих политиков в законодательном органе ФРГ, а также материалов заседаний руководящих органов Западноевропейского Союза, парламентских конференций стран НАТО²⁴.

В ходе нашего исследования мы также обращались к американским архивным данным, частично размещенным на сайте Джонсоновского архива ядерного оружия, которые помогли нам уточнить ряд принципиальных моментов военного планирования НАТО и роли США, начиная от разработок проектов коллективных многосторонних ядерных сил, заканчивая ролью американо-советских соглашений об ограничении стратегических вооружений на ход подготовки СБСЕ²⁵.

Использование источников официального характера ФРГ способствовало более глубокому пониманию проблем взаимодействия этой страны со своим старшим партнером.

Проанализированные и использованные нами западногерманские источники данного типа можно разделить на следующие группы:

- Информационно-справочные материалы и электронные ресурсы ведомства федерального канцлера, министерств внутренних, иностранных дел и министерства обороны ФРГ;
- Документы политических партий, ведомств, а также речи, декларации, выступления, интервью, статьи отдельных их представителей.

²⁴ Politisches Archiv des Auswaertiges Amt Bestand (PAAA), B14. ПA7,301. Verteidigungsfragen, NATO; Bestand B.32.ПA6. USA, Kanada; Bestand B2. Buro Staatssekretaere. Berlin, 1960-1966.

²⁵ Johnston's Archive Nuclear Weapons (URL. <http://johnstonsarchive.net/nuclear/>)

Основными источниками, безусловно, являются документы государственных структур ФРГ, прежде всего ведомства федерального канцлера, министерства внутренних дел, министерства иностранных дел и обороны. В подобных сборниках представлено подавляющее большинство текущих документов, комментарии к ним, различные протоколы и телеграммы. Прежде всего хотелось бы отметить сборник «Deutsche Politik. Tätigkeitsbericht der Bundesregierung»²⁶ в котором Федеральное правительство ФРГ ежегодно публикует свои отчеты и текущие материалы. Он содержит выступления, интервью, пресс-релизы, новости и справочные доклады о политике федерального правительства.

Обширную информацию для исследования внешнеполитического курса ФРГ можно почерпнуть в официальном издании правительства «Bulletin des Presse – und Informationsamtes des Bundesregierung»²⁷, которое вобрало в себя выступления государственных и партийных деятелей во время их официальных визитов в те или иные страны²⁸.

Среди других опубликованных документов большой интерес для нашего исследования представляет издание «Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland» – материалы из фондов архива МИД ФРГ. Они помогли нам реконструировать процесс выработки политических решений западногерманского руководства относительно перспектив участия Западной Германии в международной политической жизни, особенно широко в издании представлена подборка по Новой восточной политике ФРГ²⁹.

²⁶ Deutsche Politik. Tätigkeitsbericht der Bundesregierung für das Jahr 1960-1969. Herausgegeben von dem Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn. 1960-1969. Erscheinungsdatum -1994.

²⁷ Bulletin des Presse – und Informationsamtes des Bundesregierung, Bonn. 1960-1971.

²⁸ Deutsche Aussenpolitik 1959-1969. Eine Dokumentation, hrsg. vom Auswärtigen Amt, Bonn. 1963-1969; Dokumentation des Auswärtigen Amtes, Bonn, 1966-1969; Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Vom Kalten Krieg zum Frieden in Europa. Dokumente von 1949-1989. Bonn. 1994.

²⁹ Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAP) 1963-1967. München: R. Oldenburg Verlag. 1994-1998. (Das Politische Archiv. URL. http://www.auswaertigesamt.de/DE/AAmt/PolitischesArchiv/Uebersicht_node.html, <http://www.archiv.diplo.de>).

Уместно также упомянуть о программных документах немецких политических партий, представленных в бундестаге, на базе которых формировался внешнеполитический курс правительства, в частности, коалиционные договоры ХДС/ХСС-СДПГ, СДПГ-СвДП.³⁰ Более того, нами были изучены специализированные публикации, не обладающие статусом официальных изданий западногерманского правительства, такие как «Internationale Politik», «Zeitschrift für Deutsche und Internationale Politik»³¹. В подобного рода источниках представлена не только официальная позиция государства, но также и текущие документы с комментариями ведущих политологов или историков того времени.

Что касается изученных нами американских материалов, то основополагающим источником информации для нас являются документы государственных органов власти Соединенных Штатов. Большая часть материалов, изученных нами, относится к публичным документам. Подобные источники содержат уже окончательные решения по тем или иным вопросам, без изложения предварительных обсуждений. Они являлись неким фасадом внешнеполитической линии государства, выставляемым на показ общественному мнению США, а также других держав. В основном это документы исполнительной власти, которые предоставляют нам информацию о западноевропейской политике Соединенных Штатов, в частности, отношений с ФРГ.³²

³⁰ Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. 9 Bd. Berlins Dokumenten Verl. Wendler, 1962-1971; Bd.I. 1962, S. 576; Bd.2. 1963, S. 511; Bd.3. 1963, S. 500; Bd.4.- 1965, S. 632; Bd.5. -1966; Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik.- München, Beck Verl.,1975; Die Geschichte der CDU: Programm und Politik der Christlich Demokratischen Union Deutschlands seit 1945. Bonn. 1980; Bruno Heck. Die CDU und ihr Programm. Programme Erklärungen Entschlie Bunden. Verlag Ernst Knoth. Melle. 1989.

³¹ Internationale Politik 1961-1969. (URL. <https://zeitschrift-ip.dgap.org/de/archiv/>).

³² American foreign policy. Current documents. Washington DC Gov. print off; The Department of State bulletin [The official monthly record of United States foreign policy], Washington Gov. print off: Office of Public Communication, Bureau of Public Affairs. Washington DC Gov. print off; U.S. Congress. Congressional Record. Proceeding and debates. Washington DC Gov. print off. (URL. <http://www.archive.org>).

Важную роль в подготовке данной работы сыграли документы, опубликованные в издании «Public Papers of the Presidents of the United States».³³ Этот сборник содержит тексты, заявления, официальные письма, речи президента за время его пребывания на своем посту, ежегодные послания Конгрессу, а также совместные заявления американских президентов с главами других государств, в частности ФРГ. Подобные материалы позволяют нам сделать вывод об основных векторах внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов.

Особый интерес для нас представляло издание Государственного департамента США «The Department of State Bulletin»³⁴, которое является сборником базовых документов за 1958–1975 годов, подготовленный специальным отделом Государственного департамента. Ценность этого издания заключается в том, что в нем представлены речи и доклады ведущих политических деятелей США, дающих свою оценку тем или иным событиям, а также официальная позиция Вашингтона.

В процессе исследования мы также обратились к материалам «American foreign Policy. Current documents» за 1959-1970 годы³⁵. Это издание, в отличие от других вышеназванных, представляет собой сборник текущих документов двусторонних отношений США по регионам, которые выражают лишь официальную позицию как Вашингтона, так и других стран в контексте двусторонних отношений.

Актуальная для нас информация по вопросам внешней политики, дебаты, выступления отдельных депутатов содержатся в «Congressional

³³ Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight David Eisenhower - Richard Milhous Nixon. Washington, D.C. U.S. Gov. print off: Office of the Federal Register, National Archives and Records Administration: For sale by the Supt. of Docs., U.S. Gov. print off., 1956–1974.

³⁴ The Department of State bulletin, Vol. 41, Oct- Dec 1959 - vol. 61, Oct-Dec 1969.

³⁵ American foreign policy. 1960-1965. Basic documents. Vol. 1-2. Washington, D.C. U.S. Gov. print off., 1957; American foreign policy. Current documents. 1961, 1962, 1966-1969. Washington, D.C. U.S. Gov. print off., 1962-1970.

records»³⁶ и справочнике «Congress and the Nation»³⁷, объединяющие материалы конгресса США по вопросам национальной безопасности, бюджетного финансирования военных программ Пентагона, американо-советских переговоров, организации военных баз в Европе и проблем Западного Берлина. Документы конгресса являются составными компонентами единого политического механизма США, в связи с чем их целесообразно рассматривать в сравнении с документами Госдепартамента. Это позволяет выявить общие и противоречащие моменты во взаимоотношениях американских ведомств и более наглядно понять реальную подоплеку тех или иных решений.

В качестве источников нами также были привлечены официально опубликованные сборники документов с комментариями Национального разведывательного совета, обосновывавшие необходимость создания в США национальной системы противоракетной обороны и целого ряда ядерно-пусковых установок на территории Западной Европы³⁸. Помимо этого, мы использованы рассекреченные материалы ЦРУ, опубликованные в Интернет-ресурсах сайта Центрального разведывательного управления. Подобные документы отличаются от остальных именно своей целевой направленностью, как правило, они предназначались для информирования президента и членов СНБ по исключительно актуальным вопросам³⁹.

Помимо официальных источников существует и другой тип документов государственных органов власти, которые изначально не были рассчитаны на широкую огласку. Содержащаяся в них информация носила конфиденциальный характер, и лишь спустя некоторое время они придавались

³⁶ U.S. Congress. Congressional Record. Proceeding and debates of the 87th-91th Congress, vol. 101-115. Washington, D.C. U.S. Gov. print off., 1957-1969.

³⁷ Congress and the Nation Vol. 1 1945-1964 – vol. 2. 1965-1968. Congressional Quarterly Service, Washington, D.C. U.S. Gov. print off., 1965, 1969.

³⁸ Foreign Missile Developments and Ballistic Missile Threat the United States through the 2015. National Intelligence Council. September 1999.

³⁹ Страница коллекций электронных документов ЦРУ (поиск – по названию или дате документа) URL.
http://www.foia.cia.gov/search.asp?pageNumber=1&freqReqRecord=nic_prod_nie.txt

гласности в соответствии с законом. Среди них объектом нашего пристального внимания стали документы сборника «Foreign Relations of the United States»⁴⁰, издаваемого Государственным департаментом. Этот сборник максимально обширно представляет нам те или иные события американской внешней политики того периода. Этот сборник вобрал в себя документы администрации Президента, Совета национальной безопасности, Государственного департамента, а также текущие материалы, не имеющие официального статуса: телеграммы и отчеты посольств США. Сборник формируется по тематическому принципу (конкретным направлениям внешнеполитической деятельности США) в хронологическом порядке. Для решения поставленных в работе задач были использованы тома, содержащие информацию о политике Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Л. Джонсона и Р. Никсона в отношении стран Западной Европы, прежде всего ФРГ.

Не менее ценную информацию для нашего исследования мы получили при изучении неофициальных источников. Как известно, негосударственные организации Соединенных Штатов играют немаловажную роль при выработке внешнеполитической линии этого государства. Подобного вида источники позволяют нам взглянуть на тот или иной вопрос многосторонне,

⁴⁰Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955-1957. United States and general international matters. Vol. XI, 1961-1963; 1958-1960. Western European integration and security, Canada: Volume VII, Part I, Washington, D.C. U.S. Gov. print off; 1958-1960. Western Europe: Volume VII, Part II; 1958-1960. Berlin Crisis, 1959-1960, Germany, Austria: Volume IX; 1961-1963, Volume VI: Kennedy-Khrushchev Exchanges; 1961-1963, Volume VII: Arms Control and Disarmament; 1961-1963, Volume VIII: National Security Policy; 1961-1963, Volume XIV: Berlin Crisis, 1961-1962; 1961-1963, Volume XV: Berlin Crisis, 1962-1963; 1961-1963, Volume XXV: Organization of Foreign Policy; Information Policy; United Nations; Scientific Matters; 1964-1968, Volume X, National Security Policy; 1964-1968, Volume XI, Arms Control and Disarmament; 1964-1968, Volume XII, Western Europe; 1964-1968, Volume XIII, Western Europe Region; 1964-1968, Volume XIII, Western Europe Region; 1964-1968, Volume XV, Germany and Berlin; 1969-1976, Volume I, Foundations of Foreign Policy, 1969-1972; 1969-1976, Volume II, Organization and Management of U.S. Foreign Policy, 1969-1972; 1969-1976, Volume V, United Nations, 1969-1972; 1969-1976, Volume XL, Germany and Berlin, 1969-1972; 1969-1976, Volume E-1, Documents on Global Issues, 1969-1972; 1969-1976, Volume E-2, Documents on Arms Control and Nonproliferation, 1969-1972. Washington, D.C. U.S. Gov. print off., (URL. <http://history.state.gov/historicaldocuments/volume-title-search>).

проанализировать не только фактические решения, но и дать оценку самому процессу их принятия. Одной из таких организаций является расположенный в Нью-Йорке Совет по международным отношениям (Council on Foreign Relations), который раз в два месяца издает научный журнал «Foreign Affairs»⁴¹.

Изучение прессы обеих стран дало нам возможность проанализировать интересующие нас события, так сказать «по горячим следам», с эмоциональной окраской в изложении событий. Этот тип источников позволяет нам проследить критичную оценку событиям, которые особенно волновали общественное мнение события. В нашей работе мы использовали ряд периодических изданий различной политической направленности за интересующий нас период.

Среди западногерманских изданий следует упомянуть общественно-политический журнал “Spiegel”, известный своими просоциал-демократическими настроениями, или журнал “Stern”, напротив, приближенный к правящим кругам христиан-демократов. Из крупных американских журналов, безусловно, особого внимания заслуживает уже вышеупомянутый и наиболее авторитетный в вопросах внешней политики США журнал “Foreign Affairs”.

Из прессы Западной Германии следует отметить, например, информационную газету консервативного толка “Die Welt”, “Frankfurter Allgemeine Zeitung” или “Berlin Morgenpost”, последовательно выступавшую за объединение Германии, а также «бульварную» газету типа “Bild”, выражавшую популистскую оценку, так сказать «по горячим следам», событиям, которые особенно волновали общественное мнение. К наиболее влиятельным американским газетам, близким к правящим кругам, к которым мы обращались в ходе исследования, следует отнести “The New York Times” или “The Washington Post”. Достаточно многоплановое представление о политических и экономических процессах на этом историческом отрезке дают

⁴¹ Foreign Affairs. 1960-1963, 1967-1971.

также ежедневные газеты “New York Herald Tribune”, “New York Post” или еженедельники, такие как “The Economist”, “Newsweek”, “Business Week”⁴².

Немаловажный исследовательский пласт нашей работы составляют источники личного характера, в нашем случае особый акцент был сделан на мемуарную литературу. Эти источники носят субъективный характер, несмотря на это, подобные материалы придают исследованию более динамичный характер. В ходе исследования мы использовали мемуары первого канцлера ФРГ К. Аденауэра⁴³, лидера ХДС/ХСС Х. Острехельда⁴⁴, представителя ФРГ в НАТО В. Греше, видного деятеля ХСС Ф.Й. Штрауса⁴⁵, а также министра иностранных дел Г. Шредера⁴⁶. Особое внимание мы уделили мемуарам В. Брандта, который наглядно продемонстрировал процесс эволюции внешнеполитической стратегии ФРГ и с точки зрения оппозиции, и с точки зрения лидера государства⁴⁷. Как признавался сам Брандт, будучи активным политическим деятелем на протяжении всего правления христианско-демократической партии, он всегда критически подходил к решениям, принимаемым руководством страны. Тем не менее, он никогда не был сторонником голословной критики западногерманского руководства. Его оценки политическим событиям ФРГ крайне важны для нас с точки зрения механизма принятия тех или иных дипломатических решений ФРГ.

В процессе исследования мы использовали и мемуары американских политиков, таких как Д. Эйзенхауэра, а также воспоминания государственного секретаря Г. Киссинджера⁴⁸. Президент Д. Эйзенхауэр в своих воспоминаниях «Воюя за мир» довольно подробно описывает ту миссию, которая, по его

⁴² Полный список периодических изданий см. В разделе “Библиография”.

⁴³ Konrad Adenauer. Erinnerungen 1945-1953, 4 Bd., Stuttgart, 1968.

⁴⁴ Osterheld H. Ich gehe nicht leichten Herzen... / K. Adenauer. Eine biografisches Essay. Berlin, 1993.

⁴⁵ Strauss F.-J. Entwurf für Europa. Stuttgart, 1966.

⁴⁶ Konrad Adenauer. Erinnerungen. B. 1-4. Stuttgart, 1965-1968; Grewe W. Rückblenden, 1951-1976. Frankfurt/M, Berlin, Wien, Propylaen, 1979; Штраус Ф.Й. Воспоминания. М., 1991; Schroeder G. Decision for Europe. London, 1964.

⁴⁷ Brandt W. My life in politics, London, New York, 1992; Brandt W. Friedenspolitik in Europa. Stuttgart, 1969; Brandt W. Der Wille zum Frieden. Perspektiven der Politik. Yamburg, 1971.

⁴⁸ Киссинджер Г. Дипломатия. М. 1997; Kissinger H. American Foreign Policy. N. Y., 1977.

мнению, была предназначена для США, что во многом объясняет политическую линию его администрации⁴⁹. К сожалению, эти источники затрагивают вопросы отношений США и ФРГ лишь в контексте более крупных политических событий. Тем не менее, источник важен для нас с точки зрения восприятия роли ФРГ в контексте американских внешнеполитических приоритетов не просто современником, а одним из основных действующих лиц международных отношений того времени. Достаточно широкое освещение в американской мемуарной литературе получил военный аспект двусторонних отношений. Это позволяет нам судить об особой значимости этого сюжета американо-западногерманских отношений для Вашингтона.

Воспоминания ответственных сотрудников администрации Дж Кеннеди и Л. Джонсона У. Росту и Д. Болла, которые поддерживали инициативу создания многосторонних ядерных сил, представляют большую ценность, особенно в области дебатов о создании МЯС в американских правящих кругах⁵⁰.

Для того, чтобы понять реакцию атлантического сообщества на те или иные шаги США и ФРГ, в исследование были также вовлечены протокольные документы Североатлантического Альянса⁵¹. Корпус этих документов позволяет нам оценить процесс оформления официальной позиции НАТО по тем или иным вопросам, выявить различные мнения, аргументацию сторон. В основном этот источник исходит от Военного комитета и представлен в виде директив, меморандумов, докладов и других подобных документов. Помимо этого, важные материалы, относящиеся к военным планам НАТО, различные декларации по созданию Многосторонних Ядерных Сил содержатся в сборнике «NATO Strategy Documents»⁵².

⁴⁹Eisenhower D. Waging peace, 1956-1961. Washington, 1962.

⁵⁰Rostow W.W. The Diffusion of Power. An essay in Recent History. N. Y.: Macmillan 1972; Ball G. Diplomacy for crowded World. L.: Bodley Head, 1976.

⁵¹ URL. http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts.htm

⁵² NATO Strategy Documents. Ed. by G. Pedlow. Brussels, 1997. (URL. <http://www.nato.int/archives/strategy.htm>).

Также мы рассмотрели ряд уставов, соглашений, директив и договоров других международных организаций, членом которых являлась ФРГ (в частности ЕЭС, ООН): решения Генеральной Ассамблеи ООН, некоторые официальные отчеты заседаний Совета безопасности, материалы по Московскому Договору о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах и Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 года⁵³. Были изучены материалы сессии Европейского совета, размещенные на официальных сайтах в Интернете⁵⁴.

Итак, все вышеперечисленные материалы дают возможность составить многоплановую картину событий, происходивших в области американо-западногерманских отношений в 1960-е годы, а также разобраться в деятельности механизмов по выработке и принятию внешнеполитических решений той и другой стороной.

Историография. Изучение проблемы взаимоотношений США и ФРГ опирается на определённый пласт уже опубликованных научных исследований. К настоящему времени написан целый ряд монографий, посвященных исследованию отдельных аспектов истории двусторонних отношений Бонна и Вашингтона. Прежде всего, необходимо отметить неоценимый вклад в развитие отечественной историографии таких российских ученых, как В.И. Батюк, А.Д. Богатуров, Манькин, В.О. Печатнов, А.А. Сидоров, А.В. Торкунов, и других⁵⁵. Благодаря их усилиям были созданы

⁵³ Reform der Europäischen Union: Materialien zur Revision des Maastrichter Vertrages, Weidenfeld W. (Hrsg.), Bonn, 1996; Материалы ООН на русском и английском языках (материалы Совета Безопасности ООН, документы о ядерных и специальных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН)

URL. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml;

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf;

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf;

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/seabed_wmd_prohibition.shtml;

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/abm.pdf.

⁵⁴ <http://www.conventions.coe.int/Treaty/Commun/ListeTraites.asp?CM=8&CL=RUS>;

⁵⁵ Батюк В. И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945 – 2010). Саарбрюкен, 2011; Мировая политика / под ред. С.В. Кортунова. М., 2007; Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М., 2012; Системная история международных отношений. В 4 т. / Под ред. А.Д. Богатунова. М., 2000;

фундаментальные труды по истории и теории международных отношений в годы Холодной войны, история эпохи конфронтации стала рассматриваться с точки зрения системности, получив значительное расширение географических рамок и масштабов проблематики.

При рассмотрении конкретных задач, поставленных нами в исследовании, было непросто найти работы, которые давали бы, с одной стороны, целостную картину взаимоотношений США и ФРГ на интересующем нас временном отрезке, а с другой - показывали бы эволюцию их подходов к проблемам европейской безопасности.

Для удобства анализа разделим изученную нами литературу на тематические блоки.

1. Работы по вопросам атлантического сотрудничества.
2. Исследования по вопросам восточной политики.
3. Труды, посвященные изучению проблемы европейской безопасности.
4. Работы, характеризующие отношения двух стран в области военной политики.

Знакомство с работами первой группы помогло воссоздать общую ситуацию международных отношений в 60-е годы. В отечественной историографии эти сюжеты получили освещение в монографии Г.А. Воронцова и совместном труде В.Ф. Давыдова, Т.В. Оберемко, А.И. Уткина. Указанные авторы в своих исследованиях исходят из тезиса о восприятии Вашингтоном Западной Европы как совокупности государств с единым экономическим пространством, но с разными внутренними и внешнеполитическими приоритетами.

Современные международные отношения и мировая политика / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2004; Шаклеина Т.А., Печатнов В.О. США в международных отношениях // Современные международные отношения. М., 2012; Егорова Н.И. Понятие разрядки в 1950-е годы: советская и западная интерпретация // Холодная война и политика разрядки: Дискуссионные проблемы. М., 2003; Усачев И.Г. Международная разрядка и США. М., 1980.

Так, в монографии Г.А. Воронцова «Атлантические отношения и современность»⁵⁶ автором проводится анализ американо-западноевропейских связей, который имел целью определить место атлантизма в системе международных отношений, выявить его характерные черты. Основное внимание в работе автор уделяет изучению центробежных и центростремительных сил в западноевропейской политике, переплетение которых составило в 70-е годы динамичную основу партнерства и соперничества между США и странами Западной Европы. Хотелось бы также отметить работу А.В. Пилько⁵⁷. В своем хорошо фундированном исследовании автор останавливается на ключевых моментах развития НАТО, анализируя те или иные узлы противоречий в достаточно критический период существования Североатлантического альянса, когда вырабатывалась та модель взаимодействия между союзниками по блоку, которая во многом сохранилась до сих пор. Для нас эта работа привлекательна тем, что автор многопланово рассматривает интересующие нас сюжеты, такие как Берлинский кризис или проект создания МЯС, и дает оценку действиям стран-партнеров по НАТО, в частности, США и ФРГ. В исследовании В.Ф. Давыдова, Т.В. Оберемко, А.И. Уткина⁵⁸ комплекс взаимоотношений США с Западноевропейскими центрами силы показан в более обобщенном плане, что дает возможность представить общую картину международной обстановки в 60-е годы. Однако не будем забывать, что исследования Воронцова, Давыдова, Оберемко и Уткина были изданы в 1970-е годы по горячим следам, и политическая конъюнктура того времени сказывалось на оценках авторов. Так, например, Новая восточная политика Брандта получила очень ограниченное звучание в интерпретации ученых, что не могло не сказаться на выводе исследований, в котором ФРГ к началу 1970-х годов представлялась по-прежнему как один из основных форпостов политики Холодной войны.

⁵⁶ Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность. М., 1977.

⁵⁷ Пилько А.В. Кризис доверия в НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966). М., 2007.

⁵⁸ Давыдов В.Ф., Оберемко Т.В., Уткин А.И. США и западноевропейские "центры силы". М., 1978.

Следует отметить также ряд монографий, в которых анализируется эволюция внешнеполитической концепции Вашингтона по отношению к западноевропейским странам.⁵⁹ Особый интерес для нас представляет работа Ю.М. Мельникова⁶⁰, в которой он рассмотрел эволюцию американских внешнеполитических концепций, отметив в них общее и выделив отличия. Он не без оснований приходит к выводу, что смена одной «доктрины» другой вызывалась необходимостью приспособливаться к изменению условий в мире. Автор подчеркивает, что основной линией преемственности внешнеполитических доктрин США является их агрессивный, наступательный характер.

Здесь же хотелось бы отметить работу Н.В. Павлова и А.А. Новикова⁶¹, посвященную анализу сходных сюжетов, но уже по отношению к ФРГ. Благодаря этому исследованию мы воссоздали внутривосточную ситуацию в ФРГ, обусловленную внешнеполитическими реалиями на протяжении нескольких десятилетий. Ценность работы заключается в том, что авторы последовательно рассматривают позицию всех западногерманских правительств, начиная с К. Аденауэра. Каждому отдельному периоду авторы дают подробную характеристику, построенную на выявлении приоритетных направлений деятельности кабинетов и их сравнении.

Исследование взаимоотношений США и ФРГ в контексте восточной политики составляют следующий блок изученных нами работ, в которых прослеживаются этапы формирования восточноевропейского направления и трансформация политической активности двух стран в этой области. Особый интерес среди них вызывает труд Н.А. Нарочницкой⁶², в котором анализируется воздействие изменений в международной обстановке на формирование нового подхода ФРГ к решению важных для нее

⁵⁹ Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. М., 1983; Дмитриев Б. Пентагон и внешняя политика США. М., 1961; Обременко Т.В. Отношения США и ФРГ в комплексе американо-западноевропейских связей (1969-1978). М., 1979.

⁶⁰ Мельников Ю.М. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970.

⁶¹ Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М., 2005.

⁶² Нарочницкая Н.А. США и «новая восточная политика ФРГ». М., 1977.

внешнеполитических задач. Взаимоотношения США и ФРГ исследуются в связи с истоками Новой восточной политики и охватывают довольно обширный временной отрезок. Этот подход позволяет показать не только сотрудничество двух держав после второй мировой войны, но и ограниченность сферы совпадения их важнейших политических интересов. Важное место в этой работе занимает выяснение причин и сущности противоречий США и ФРГ по поводу масштабов и темпов Новой восточной политики, которые отражали разногласия между ними по вопросам отношения к разрядке.

Также мы обратились к ряду работ, которые позволили нам более тщательно проанализировать эволюцию формирования «восточной политики» внутри ФРГ и позицию ее главных партий по «восточной» проблематике.⁶³

Не менее важным аспектом восточной политики при анализе взаимодействия США и ФРГ является Германский вопрос, который требует отдельного рассмотрения. Детальный анализ переговоров по Германскому вопросу дан в работе А.А. Галкина и Д.Е. Мельникова «СССР, западные державы и Германский вопрос»⁶⁴. В данном исследовании ученые приходят к выводу, что отсутствие прогресса по данному блоку международных противоречий было вызвано отказом Запада от любых компромиссов с СССР и ГДР.

Особую группу составляют исследования, в центре внимания которых находится разрядка как особый феномен международных отношений в период существования биполярного мира⁶⁵. Наибольший интерес в этом плане у нас

⁶³Шестов К.П. Позиции социал-демократической партии по внешнеполитическим вопросам (1959-1966). М., 1969; Овчаров Г.А. Развитие концепции «восточной политики» СДПГ 1963-1966. Томск, 1990; Ладыжников И.М. Позиция СДПГ в Германском вопросе. СПб., 1989; Власов С.Н. Внешнеполитическая концепция социал-демократической партии (1968-1982). Киев, 1985.

⁶⁴Галкин А.А., Мельников Д.Е. СССР, западные державы и Германский вопрос(1945-1965). М., 1966.

⁶⁵Вощенков К.П. СССР в борьбе за мир. М., 1975; Егорова Н.И. Понятие разрядки в 1950-е годы: советская и западная интерпретация // Холодная война и политика разрядки:

вызывают работы Н.И. Егоровой и И.Г. Усачева. Первая рассматривает явление разрядки в целом, причем на достаточно широком хронологическом отрезке. Как правило, термин «разрядка» относится к политике конца 1960-х - начала 1970-х годов, но в своем исследовании Егорова обращается к более раннему периоду, интерпретируя ее как политику «ранней разрядки», анализируя позицию Запада и Москвы по отдельным направлениям. Что же касается работы И.Г. Усачева, то особую ценность для нас представляет авторская интерпретация позиции США о необходимости сохранения военной конфронтации и международной напряженности. Он отмечает наличие в США двух подходов к проблеме разрядки, сторонники одного из которых стояли на более умеренных и реалистических позициях, считая разрядку целесообразным процессом, тогда как сторонники другого подхода выступали за интенсификацию силового давления на СССР.

Следующий блок исследований посвящен проблемам формирования политики европейской безопасности в 1960-е годы. В нашей стране детальное освещение вышеуказанных проблем содержится в работах Ю.Н. Рахманинова и Г.В. Уранова⁶⁶. Европейская безопасность в данных исследованиях воспринимается как динамическое явление, подверженное постоянной трансформации в условиях объективно-новых реалий. Исследователями на вооружение берется тезис о возможности и необходимости создания и развития системы европейской безопасности, однако, как считают авторы, двигаться в этом направлении в годы Холодной войны не позволяла позиция Западных государств, не желавших идти на переговоры по данному вопросу⁶⁷.

Дискуссионные проблемы. М., 2003; Усачев И.Г. Международная разрядка и США. М., 1980.

⁶⁶ Рахманинов Ю.Н., Уранов Г.В. Европа: безопасность и сотрудничество. М., 1974; Рахманинов Ю.Н., Проблема европейской безопасности: исторический опыт ее решения. 1917-1977. М., 1979.

⁶⁷ Дурникова Т. И. СДПГ: концепция «совместной безопасности». М., 1989; Калужников В.М. Эволюция концепции СДПГ по вопросам европейской безопасности и «молодые социалисты» (1966-1976). М., 1977; Обременко Т.В. Отношения США и ФРГ в комплексе американо-западноевропейских связей (1969-1978). М., 1979; Руссков В.В. «Политика ФРГ и США по вопросам развития европейской системы безопасности». Томск, 2007.

Стоит отметить, что, на наш взгляд, именно советские ученые первыми заговорили о европейской безопасности как о действенном инструменте разрешения имеющихся противоречий, тогда как их западноевропейские и американские коллеги долгое время придерживались тезиса об «атлантической солидарности» на базе НАТО как основе для достижения прогресса в этой сфере.

Еще одним не менее важным блоком изученных нами работ являются исследования, посвященные вопросу гонки вооружений и распространения ядерных вооружений⁶⁸. В частности, необходимо отметить труд А.Г. Арбатова, который подробно повествует о том, как сложилось военно-стратегическое равновесие между СССР и США и что оно означает для современной международной обстановки⁶⁹. Также примечательны монографии А.Е. Ефремова и А.А. Рошин, в которых проблема разоружения рассматривается как один из наиболее важных аспектов международной жизни, начиная с конца 1950-х годов. Разоружение, по их мнению, являлось одним из основополагающих принципов создания европейской безопасности и стабильности в мире, основанном на балансе и взаимном ослаблении военно-стратегического потенциала противоборствующих блоков.

При подготовке данного исследования мы использовали работы по проблемам распространения ядерного оружия. Военное строительство западного блока рассматривается в ряде работ, посвященных ремилитаризации ФРГ и проблеме ядерного оружия в Европе. Еще одна работа А.Е. Ефремовой «Европа и ядерное оружие» представляет нам достаточно развернутую картину военного потенциала НАТО, помогает проанализировать, как в действительности выглядела коллективная безопасность западных стран⁷⁰.

⁶⁸Гордон А.Е. ФРГ и НАТО (1966-1969). М., 1972; Ефремова А.Е. Ядерное оружие. М., 1976; Рошин А.А. Международная безопасность и ядерное оружие. М., 1980; Халоша Б.М. НАТО и атом. М., 1975.

⁶⁹ Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984.

⁷⁰ Ефремова А.Е. Европа и ядерное оружие. М., 1972.

К сожалению, явным изъяном отечественных работ является не критичное отношение к политике Советского Союза и недостаток объективности в аргументации тех или иных явлений исторического процесса. Тенденции к замалчиванию, а порой и к необъективной оценке внешнеполитических действий СССР, приводили к тому, что отдельные сюжеты американо-западноевропейских отношений получали явно одностороннюю интерпретацию.

Использованную нами зарубежную историографию мы также разделили на четыре основных категории, содержательно несколько отличающихся от градации отечественной историографии.

- 1) Исследования, представляющие анализ и сопоставление внешнеполитической активности США и ФРГ в 60-е - 70-е годы;
- 2) Работы, характеризующие роль Германского и Берлинского вопросов в отношениях двух стран;
- 3) Труды, посвященные проблемам ядерной ответственности и формированию концепций европейской безопасности;
- 4) Монографии по вопросам распространения ядерного оружия.

Одно из наиболее интересных исследований, касающихся внешнеполитического курса ФРГ в 1960-е годы, принадлежит перу Дж. МакГи⁷¹. Автор в своей работе проанализировал преемственность внешнеполитической линии ФРГ с момента создания Федеративной Республики до правления В. Брандта. Большая часть работы посвящена непосредственной характеристике эволюции основных направлений политики ФРГ и анализу внутривнутриполитических предпосылок, имеющих косвенное, но, тем не менее, важное значение для формирования «Новой Германии».

Также нас привлекла работа К. Путца «Введение во внешнюю политику США»⁷². Она интересна тем, что вся внешняя политика Вашингтона

⁷¹ McGhee G.C. At the creation of a new Germany From Adenauer to Brandt : An ambassador's account. New Haven, 1989.

⁷² Putz K.H. Die Aussenpolitik der USA. Eine Einfuhrung. Hamburg, 1974; Czempiel E. O., Schweitzer C.Ch. Weltpolitik der USA nach 1945. Berlin, 1987.

рассматривается немецким исследователем в проекции на внешнеполитический курс Федеративной Республики, что помогло нам воссоздать видение международной обстановки тех лет с точки зрения Бонна.

Здесь же хотелось бы отметить труд еще одного западногерманского исследователя А. Шертца⁷³, в котором ученый выясняет основные задачи, стоящие перед администрацией Дж. Кеннеди и Д. Эйзенхауэра в диалоге с ФРГ, и дает оценочные характеристики их германской политики. Относительно этапа пребывания у власти Л. Джонсона привлекательна монография американского исследователя Т.А. Шварца⁷⁴. Она основана на материалах архива библиотеки Л. Джонсона, в частности посвящённых внешнеполитической деятельности президента на европейском континенте в период Вьетнамской войны.

Второй блок работ посвящён рассмотрению роли советского фактора в американо-западногерманских отношениях. Особое внимание зарубежной историографией в этом контексте отводится Германскому вопросу, в частности, Берлинскому кризису.

Подробное описание хода кризиса содержит работа Д. Шика⁷⁵. Автору удалось не только воссоздать полномасштабную картину кризиса, но и подвергнуть анализу важные аспекты американской внешнеполитической стратегии в Германском вопросе. Более того, он подробно анализирует не только мнения основных участников конфликта: США, СССР, ФРГ и ГДР - относительно Германского вопроса, но и дает характеристику позиций других стран. Однако стоит отметить, что источниковедческой базой этой работы явились в основном периодические издания. Определенный интерес для нас представляет труд А. Туза об истории Берлинского вопроса⁷⁶. Работа хороша тем, что автор использовала значительное количество малодоступных

⁷³ Schertz A. Die Deutschlandpolitik Kennedys und Johnsons: Unterschiedliche Ansätze innerhalb der amerikanischen Regierung. Köln, 1992.

⁷⁴ Schwartz T.A. Lyndon Johnson and Europe: in the Shadow of Vietnam. Cambridge, 2003.

⁷⁵ Schick J.M. The Berlin Crisis. 1958-1962. Philadelphia, 1971.

⁷⁶ Tusa A. The Last Division. A History of Berlin. Reading, 1997.

источников. Она описывает широкий спектр военных, политических и дипломатических сюжетов Берлинского кризиса и дает очень яркую оценку политике основных действующих лиц события. Тьюз представляет читателю реакцию простых граждан и видных политических деятелей на возведение Берлинской стены, используя большое количество доводов как «за», так и «против». Здесь же хотелось бы отметить и труд Франка Нинковича⁷⁷. В его работе подробно рассматривается процесс эволюции Германского вопроса с 1945 года в контексте американо-западногерманских связей, что позволяет нам в значительной степени определить иерархию ценностей в отношениях двух стран, выделив основополагающие элементы их сотрудничества.

Исследования политики безопасности в 1960-е годы составляют третью группу интересующих нас работ. Как известно, на данном этапе эти вопросы звучали особенно громко. Работы, посвященные ядерной политике США в НАТО, помогают понять, с какими сложностями сталкивалось западноевропейское сообщество при оценке существующего баланса сил. Фундаментальный труд по истории развития ядерной стратегии в годы Холодной войны был написан Л. Фридменом.⁷⁸ В своей работе он продемонстрировал, как расширение ядерных возможностей отдельных стран влияло на трансформацию их политических концепций.

Большое значение для изучения проблемы европейской безопасности имеют исследования стратегии Организации Североатлантического договора и внутриблоковой политики. Общий обзор истории блока с акцентом на роль США или ФРГ был дан в работах У. Парка, Р. Размуса, У. и А. Фоксов⁷⁹.

⁷⁷Ninkovich F. Germany and the United States. The transformation of the Germ. question since 1945. Boston, 1988; Nerlich, Uwe a. James A. Thomson. The Soviet problem in American-German relations. NY., 1985; Daum Andreas W. Kennedy in Berlin. Washington, 2008; Mayer Frank A. Adenauer and Kennedy: a study in German-American relations, 1961-1963. NY., 1996; Smyser W. R. Kennedy and the Berlin Wall : "a hell of a lot better than a war". Lanham, 2009.

⁷⁸Freedman L. The evolution of Nuclear Strategy. London, 1989.

⁷⁹Rasmus Ronald D. West German NATO policy: the next five years. Santa Monica, 1989; Fox W.T.R., Fox A.B. NATO and the range of American choice. NY., London, 1967.

Многосторонность проблемы разделения ядерной ответственности в НАТО отразилась в работе британской исследовательницы Б. Хойзер⁸⁰. В ней автор обращается к проблеме соотношения конвенциональных и ядерных сил в стратегии НАТО. Она указывает на усиливавшееся размежевание между США и западноевропейскими государствами, стремившимися к увеличению «ядерного потенциала» в стратегии блока. Исследователь отводит особое место попыткам формирования многосторонних ядерных сил, подробно описывает дискуссию по разработке данного проекта. На эту же тему пишет и Ш. Грегори⁸¹, который подробно останавливается на описании существовавших противоречий между странами Западной Европы и США в рамках НАТО в ходе обсуждения плана создания многосторонних ядерных сил. Еще один известный ученый Л. Каплан акцентирует свое внимание на изучении деятельности администрации Дж. Кеннеди по созданию ядерного флота НАТО⁸², а американские авторы П. Гейлин и П. Хаммонд⁸³ акцентируют внимание на процессах выработки решений по МЯС уже с точки зрения администрации Л. Джонсона.

К последней группе работ мы относим те монографии, в которых преобладающее значение имеет вопрос ядерного планирования, прежде всего в Европе. В работе У. Бедера⁸⁴ отмечается, что после того, как западноевропейские союзники США, такие как Великобритания и Франция, обзавелись национальным ядерным оружием, внутриблоковые противоречия стали особенно ярко проявляться в области политики его дальнейшего распространения. Автор справедливо отмечает, что проблема доступа к ядерному оружию играла весьма большую роль в отношениях между

⁸⁰ Heuser B. NATO, Britain, France and the FRG: nuclear strategies and forces for Europe, 1949-2000. Hampshire, 1999.

⁸¹ Gregory Sh. R. Nuclear Command and Control in NATO: Nuclear Weapons Operations and the Strategy of Flexible. Response. N.Y., 1996.

⁸² Kaplan L. The MLF debate// John F. Kennedy and Europe. Brinkley D., Griffiths R. (eds.), Baton Rouge, 1999.

⁸³ Geyelin P. Lyndon B. Johnson and The World. NY: Praeger, 1996; Hammond P. LBJ and the Presidential Management of Foreign Relations. Austin, 1992.

⁸⁴ Bader W. The United States and the Spread of Nuclear Weapons, NY., 1968.

союзниками по НАТО, поскольку именно обладание ядерным оружием было одним из основных показателей влиятельности и авторитета государства. М. Трахтенберг и М. Гала⁸⁵ рассмотрели ядерную политику США в НАТО в глобальном контексте Холодной войны.

Особое внимание в зарубежной историографии уделяется последствиям распространения ядерного оружия в Европе. Начало рассмотрению этих сюжетов было положено в 1970-х годах американским и западногерманским авторами К. Келлехер и Д. Манке. К сожалению, в своих исследованиях они опирались только на опубликованные к тому моменту документы, газетные статьи и интервью, так как доступ к архивным документам был еще закрыт. К. Келлехер особенно подробно пишет о смене курса ФРГ, проделавшей долгий путь от стремления приобрести собственное ядерное оружие и получить непосредственный доступ к нему до переориентации на коллективную ядерную стратегию.⁸⁶ В своей работе он подробно анализирует причины, вынудившие ФРГ изменить свой внешнеполитический курс. О дальнейшей эволюции внешнеполитического курса ФРГ в области ядерного вооружения довольно подробно пишут также Б. Кроуфорд и С. Блюмер⁸⁷.

Подводя итог нашему историографическому обзору, хотелось бы отметить, что в настоящее время существует достаточно большой объем работ, затрагивающих различные аспекты взаимоотношения США и ФРГ. Однако исследований, посвященных анализу двусторонних отношений этих стран в контексте развития европейской безопасности на данном временном отрезке, в настоящее время явно не хватает, что не позволяет создать полноценную картину эволюции этой проблемы в интересующий нас период.

⁸⁵ Trachtenberg M.A. *Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945-1963*. Princeton, 2001; Gala M. *The Multilateral Force: A Brief history of the American efforts to maintain the nuclear status quo within the Atlantic alliance/Anno XII*, 1998, №1.

⁸⁶ Kelleher C. *Germany and Politics of Nuclear Weapons*. London, 1975; Manke D. *Nukleare Miteirkung: Die Bundesrepublik Deutschland in der atlantischen Allianz 1954-1970*. Berlin, 1972.

⁸⁷ Crawford B. *Power and German foreign policy: embedded hegemony in Europe?*. NY., 2007; Bulmer S. *The Changing agenda of West German public policy*. Dartmouth, 1989.

Глава 1. Причины выдвижения проблем европейской безопасности на авансцену политической жизни ФРГ и США в конце 1950-х - начале 1960-х годов:

1. Трансформации военных концепций США на рубеже двух десятилетий и реакция ФРГ

50-е годы XX века продемонстрировали мировому сообществу нарастающую угрозу бесконтрольной гонки вооружений между СССР и США, которая неоднократно ставила весь мир на грань ядерной войны. Характерной особенностью этого исторического отрезка было возвращение на авансцену мировой политики ведущих западноевропейских государств, оправившихся от разрушительных последствий Второй мировой войны. Прежде всего это касалось Франции и ФРГ. Политическая активность Франции во главе с Ш. Де Голлем и «экономическое чудо» Западной Германии укрепили позиции этих стран, делая их все более независимыми от США. Постепенная активизация процессов европейской интеграции все сильнее угрожала лидерским позициям Соединенных Штатов в Западном блоке, что не могло не беспокоить американское руководство⁸⁸.

Не удивительно, что европейское направление в 50-е годы занимало одно из центральных мест во внешней политике Соединенных Штатов, а развитие западноевропейского единства под эгидой США стало основополагающей целью американской внешней политики. «Объединение Европы» мыслилось американцами как важнейший шаг, способствующий усилению атлантического союза и «сплочению» западного мира.

⁸⁸ В 1951 был подписан Парижский договор между Францией, Западной Германией, Италией и тремя странами Бенелюкса, в результате чего было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС); в 1957 году в результате подписания Римского договора между ФРГ, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом были ликвидированы все преграды на пути свободного передвижения людей, товаров, услуг и капитала, а также было создано Европейское сообщество по атомной энергетике (Евроатом) и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС).

В этот период в США у власти находилась республиканская партия во главе с Д. Эйзенхауэром. Его карьера военного в период второй мировой войны и послевоенный период в значительной мере определяла характер его внешнеполитической стратегии и военной доктрины «массированного возмездия». Эта доктрина была взята на вооружение американским руководством в 1953 году. Госсекретарь Дж. Ф. Даллес презентовал ее как необходимую меру в условиях эскалации Холодной войны. Смысл ее заключался в том, что в случае возникновения угрозы развязывания «горячей войны» на европейском континенте, американские военно-воздушные силы, оснащенные стратегическим ядерным оружием при поддержке союзнических военных формирований на земле нанесут массированный ядерный удар по стратегически важным объектам противника. Причем выбор целей должен был определяться Вашингтоном единолично.

Разумеется, администрация Эйзенхауэра не могла реализовывать озвученную ими доктрину в полном объеме без учета позиций союзников по НАТО, чьи интересы на европейском континенте были гораздо более предметными и насущными. Поэтому предполагалось установить некий долевого баланс участия США и Западной Европы в системе коллективной обороны Запада, что и было зафиксировано в резолюции СНБ – 162/2. Этот документ заслуживает особого внимания еще и потому, что в нем предполагалось создать единую систему оборонной политики НАТО путем повышения ее эффективности за счет оснащения американцами уже существующих европейских баз дополнительным ядерным оружием⁸⁹.

Однако на практике эта стратегия была подвергнута серьезной критике, прежде всего внутри самих Соединенных Штатах, за неспособность в достаточной мере обеспечить американские интересы в противостоянии с СССР, главным образом на европейском континенте. Так, председатель комитета сената по международным отношениям демократ У. Джордж

⁸⁹ Стратегическая концепция «Новая политика».

URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm?selectedLocale=ru#

неоднократно говорил, что документ не отвечает ряду реальных потребностей США в современном мире, в котором на США возложена важная миссия по сохранению мира, и они не могут даже частично перекладывать ее на кого-либо другого⁹⁰.

Было очевидно, что из-за упорного нежелания Вашингтона делиться ядерным оружием со своими партнерами по НАТО и его стремлением сохранить свои «эксклюзивные» позиции в регионе, положения СНБ–162/2, изначально не могла рассматриваться в качестве базиса военной стратегии НАТО. Тем не менее, госсекретарь США Дж.Ф. Даллес настаивал на том, что данная стратегия не является проявлением слабости. Напротив он делал акцент на то, что «перед лицом угрозы наступления Советов весь Западный мир должен осознать ее и объединиться на самой прочной основе... и этой основой должно стать ядерное сдерживание, которое предлагает США в своей концепции «Нового взгляда»⁹¹.

Следует отметить, что американская внешнеполитическая стратегия в этот период не отличалась последовательностью⁹². Несмотря на устоявшееся мнение, что СССР представляет несомненную угрозу безопасности «свободному демократическому миру», во внешнеполитической стратегии США все чаще появлялись ссылки на то, что «растущая угроза взаимного уничтожения все интенсивнее диктует Москве и Вашингтону необходимость найти компромисс и руководствоваться интересами мира»⁹³. Так например, согласно рассуждениям советника по национальной безопасности Р. Катлера, ради «сохранения безопасности и стабильности США и СССР следует выступать гарантами эффективной системы обороны своих блоков, чтобы

⁹⁰ Records of the U.S. Senate. The committee on foreign relations. Subcommittee on Disarmament. 16 ft. 1956-1962. URL. <https://catalog.archives.gov/id/743>

⁹¹ Frederick W. Marks III. Power and Peace: The Diplomacy of John Foster Dulles. Westport, 1993. P. 158.

⁹² FOIA CIA. Main trends in soviet capabilities and policies, 1957-1962 (NIE 11-4-57) URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000269245.pdf

⁹³ FRUS. 1958–1960. Vol. III, National Security Policy; Arms Control and Disarmament, Document 27. P. 1119-124. URL. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v03/d22>

предотвратить случайности и недоразумения, которые могут исходить со стороны третьих стран...»⁹⁴. Определять интенсивность процесса формирования оборонной политики, по логике советника, должны были сами сверхдержавы. Такая концепция вполне вписывалась в американскую доктрину «массированного возмездия» и оправдывала вышеупомянутую стратегию СНБ-162/2, где западноевропейским государствам, отводилась бы стратегически важная роль форпоста и индикатора степени угрозы со стороны стран восточного блока.

Чтобы реализовать подобную стратегию, Вашингтону было необходимо постоянно поддерживать у союзников ощущение своей высокой заинтересованности в европейских делах и одновременно проводить реальную военную политику «по обеспечению потребностей своих партнёров в этой зоне ответственности»⁹⁵. По этой причине США активно поддерживали развитие атомной промышленности западноевропейских стран. Но это неизбежно вело к стремлению последних заполучить полноценный ядерный комплекс и стать самостоятельной ядерной силой.

Особенно наглядно подобный сценарий воплотился в двусторонних отношениях США и ФРГ. С середины 50-х годов роль ФРГ на европейском рынке значительно увеличилась в результате «экономического чуда». Среднегодовые темпы роста промышленного производства ФРГ с начала 50-х годов возросли на 9,2%⁹⁶. Помимо этого, комплекс мер западногерманского руководства, направленный на углубление интеграции с западноевропейскими партнерами, сделали ФРГ ценным союзником США в НАТО.

В ФРГ с 1949 года у власти находился К. Аденауэр, отличавшийся жесткостью своих позиций в отношениях со странами социалистического блока. Он был, так же как и Эйзенхауэр, ярким представителем политической

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ FRUS. 1958–1960. Vol. III, National Security Policy; Arms control and disarmament. Doc. 137. P. 547-551. URL. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1958-60v03/d137>

⁹⁶ См. приложение № 7.

элиты поствоенного периода. Его политический имидж начал складываться еще во время Первой мировой войны, когда он был обер-бургомистром Кёльна. После Второй мировой войны будущий канцлер стремительно стал набирать политические очки благодаря своим взглядам на ряд ключевых вопросов поствоенных реалий Германии. Именно его политические воззрения легли в основу программы партии христиан-демократов, которую он впоследствии и возглавил. Более того, благодаря своим внешнеполитическим установкам в духе «жесткой конфронтации» по линии Восток-Запад, Аденауэр пользовался внушительной поддержкой США, которая в немалой степени способствовала его стремительному возвращению на политическую арену после длительного периода гонений со стороны НСДАП⁹⁷.

Важно отметить, что в первой половине 50-х годов канцлер ФРГ больше отдавал предпочтение западноевропейскому направлению, однако после фиаско с созданием ЕОС (Европейское Оборонительное Сообщество) в начале 50-х годов, Аденауэр начинает резко усиливать атлантический крен в своей внешнеполитической стратегии⁹⁸. Подобный поворот объяснялся не только сложностями интеграционных процессов в Европе, но и необходимостью восстанавливать военный потенциал ФРГ, утраченный по итогам второй мировой войны, что подразумевало под собой оснащение бундесвера ядерным оружием. В итоге уже со второй половины 50-х годов контакты ФРГ с США начинают носить первостепенный характер, а западноевропейская интеграция - подчиненную роль по отношению к курсу на сближение со сверхдержавой⁹⁹.

⁹⁷ Schwarz H.-P. Die Ara Adenauer 1957-1963// Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Band 3. Stuttgart, 1983; Ежов В. Конрад Аденауэр. Немец четырех эпох. М., 2003.

⁹⁸ FOIA CIA. Memo to honorable Allen Dulles from John A. Calhoun. February 5, 1960. P. 27-32. URL.http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP80B01676R002600130056-1.pdf

⁹⁹ Ныне этот период трактуется как подготовительный этап реформы бундесвера. Первым министром иностранных дел ФРГ с 1951 по 1955 гг., когда проводилась активная деятельность по вовлечению ФРГ в военный союз с западными державами, как известно, был по совместительству федеральный канцлер К. Аденауэр.

После подписания «Общего договора» трех держав (США, Великобритании, Франции) с ФРГ и неудачной попыткой создания ЕОС (Европейского оборонительного сообщества) с ее участием¹⁰⁰, был инициирован процесс военной интеграции ФРГ в Североатлантический альянс. Если западноевропейские государства выступали резко против предоставления Западной Германии каких-либо преференций, выходящих за рамки Потсдама, то большинство политиков в Вашингтоне напротив поддерживали постепенное снятие ограничений с ФРГ и частичное восстановление ее военного потенциала¹⁰¹. В 1954 и 1955 годах на пятнадцатой и шестнадцатой сессиях НАТО, после одобрения и введения в законную силу парижских соглашений, произошло поэтапное юридическое оформление легализации вооруженных сил бундесвера¹⁰². Наряду с этим 7 мая 1955 года был образован Западноевропейский союз, а 9 мая бундестаг ратифицировал боннский договор и парижское соглашение, после чего Западная Германия стала полноправным членом Североатлантического альянса¹⁰³. Решение Бонна стать членом НАТО и передать все западногерманские вооруженные силы под командование альянса (за исключением пограничных войск) не только способствовало дальнейшему наращиванию вооруженных сил бундесвера, но и в полной мере отвечало интересам США и их западноевропейских союзников, не способных создать

¹⁰⁰ Включение ФРГ в ЕОС с учетом ее обязательств выделить крупный военный контингент (12 дивизий) в "европейскую армию", было грубым нарушением постановлений Потсдамской конференции 1945, попыткой узаконить и ускорить возрождение западногерманского милитаризма. В связи с подобными нарушениями национальное собрание Франции не ратифицировало договор о ЕОС в 1952 году, и вступление в силу комплекса соглашений затянулось.

¹⁰¹ U.S. Congress. Congressional Record (CR). 84 Cong., 1955. Vol. 101. Part 2. P 9049, P. 9064-9071.

¹⁰² См. приложение № 4.

¹⁰³ См. подробнее: История дипломатии. Изд. 2-е. Т. 5. Кн. 1. М., 1974. С. 413-417.

Ратификация этих соглашений означала отмену оккупационного статуса ФРГ, который ограничивал страну прежде всего в области внешней политики: согласно первой статье Боннского договора ФРГ пользовалась «полными правами суверенного государства в своих внутренних и внешних делах».

собственными силами боеспособную военную группировку, противостоящую советским вооруженным формированиям на континенте.

В основе военной политики Аденауэра лежали две основополагающих цели: сохранить присутствие американских ядерных сил в Европе как гарантии безопасности ФРГ и достигнуть равноправного положения с другими странами-участницами НАТО для того, чтобы влиять на процесс принятия решений в альянсе¹⁰⁴.

Важно отметить, что в оборонных планах НАТО, в основе которых несомненно лежали военно-стратегические концепции США, территория Западной Германии стала рассматриваться в качестве главного «театра военных действий», основного «поля боя». Предполагалось, что именно здесь в случае войны союзники смогут выиграть время для сдерживания возможного советского наступления и подготовки условий для собственного контрудара¹⁰⁵. Учитывая это, ФРГ предполагала, что бундесвер должен быть вооружен на уровне других стран НАТО, и в первую очередь это касалось ядерного оружия. Как отмечает британская исследовательница Б. Хойзер, канцлер Аденауэр полагал, что немецкие военные должны получить доступ к планированию в НАТО ровно в той степени, в какой сама ФРГ будет готова обеспечить альянс собственными современными видами вооружения¹⁰⁶.

Несмотря на то, что ФРГ стала членом НАТО только в 1955 году стратегические планы Бонна и Вашингтона в целом совпадали, уже к 1958 году. Из их дипломатической переписки видно, что западногерманское правительство уже тогда позиционировало себя как один из структурообразующих элементов организации и открыто определяло свое

¹⁰⁴ Politisches Archive des Auswärtigen Amtes (PAAA): Akten zur Auswärtiges Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAPD). Berlin. Bestand B1. Büro Minister. Band II. XI. 1956. N 40.

¹⁰⁵ Final Communiqué. Chairman: Mr. P.H. Spaak, Secretary General of NATO. 16 Dec. 1957-19. Dec. 1957.

URL. http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17551.htm?selectedLocale=en

¹⁰⁶ Heuser B. NATO, Britain, France and the FRG: nuclear strategies and forces for Europe, 1949-2000. Hampshire, 1999. P. 124.

геополитическое положение как ключевое в случае конфликта с СССР¹⁰⁷. Эйзенхауэр понимал, что положение ФРГ, находившейся на стыке Востока и Запада, действительно могло быть решающим в ряде вопросов, связанных с европейской безопасностью. Поэтому по поводу министр обороны ФРГ Теодор Бланк справедливо отметил: «В случае эскалации конфликта ФРГ будет одним из первых государств западного блока, кто окажется под ударом советских войск. Мы как никто другой испытываем необходимость создания единой оборонительной системы альянса, чтобы противостоять угрозе советов единым фронтом»¹⁰⁸.

Необходимо отметить, что на начальном этапе своей истории руководство ФРГ стремилось как можно активнее развивать все возможные каналы сотрудничества с США. В июне 1955 года между ними было подписано двустороннее соглашение о взаимной помощи и обороне, которое оформило не только начавшееся военно-техническое сотрудничество между двумя странами, но и обозначило предпосылки для дальнейшего развития равнопартнерских отношений. В основе данного соглашения лежал принцип взаимовыгодного участия и софинансирования проектов. Предполагалось, что американский научно-технический консалтинг будет оцениваться и восполняться немецкой стороной в денежном эквиваленте, однако при разработке соглашения не учитывался уже существующий военно-технический потенциал ФРГ, что в конечном счете повлекло пересмотр основных договоренностей в сторону расширения трактовки принципа «равного вклада»¹⁰⁹.

Этот договор подразумевал также возможность научно-технического сотрудничества и в сфере разработок программ «мирного атома», в связи с чем в ФРГ в срочном порядке было создано министерство по атомным вопросам,

¹⁰⁷ Bundesarchiv (BA). Bestand B 136, Akten zu den Bundeskanzleramt. Koblenz. Bullutin N 09-3.1958.

¹⁰⁸ PAAA: AAPD. Berlin. Bestand Abt. I A. (Politik). Bd II. VII. 1959. N 87.

¹⁰⁹ Parlamentsarchive des Deutschen Bundestages (BT ParlA). Berlin. K. Adenauer: Zweite Wahlperiode: 1953-1957. N 506-8/12.

во главе которого встал приближенный к Аденауэру, доселе занимавший пост министра по особым поручениям, Ф.-Й. Штраус. Вступая в должность, Штраус объявил, что министерство будет заниматься разработкой применения атомной энергии «только в мирных целях... прогресс не стоит на месте и успехи в сфере атомной энергетики - залог успешного развития всей энергетической отрасли, именно поэтому под эти цели создается отдельное министерство и целый ряд научно-исследовательских институтов»¹¹⁰. В этом же интервью министр заметил, что «ФРГ помнит трагические последствия неправильного применения атомной энергии и приложит все усилия, чтобы отныне наука служила только на благо обществу»¹¹¹. С 1956 года США начинают оказывать ФРГ значительную помощь в развитии научных исследований в ядерной энергетике, а в течение 1956-1957 годов между США и ФРГ был заключен целый ряд соглашений по атомным вопросам, по которым ФРГ получала от США ядерное горючее, специальное оборудование и прочее.

Таким образом, сотрудничество в области мирного использования атомной энергии в середине 50-х годов стало основополагающим вектором развития американско-западногерманских отношений. Однако откровенное стремление Западной Германии получить доступ к ядерному оружию все меньше вписывалось в военно-стратегические планы США и все больше вызывало их беспокойство. Американские опасения были вполне обоснованы. В середине 50-х годов в руководстве ФРГ происходят серьезные подвижки. Ф.-Й. Штраус покинул пост недавно созданного министерства по атомным вопросам и встал во главе министерства обороны. Примечательно, что в ходе этих пертурбаций в бундестаге неоднократно поднимался вопрос о целесообразности дальнейшего существования министерства по атомным вопросам в его первоначальном виде, так как часть его полномочий, которая

¹¹⁰ BA. Bestand B-112. Akten zu den Bundesministerium für Atomfragen. Koblenz. Bullutin N 09-10.1955.

¹¹¹ Ibid.

изначально была закреплена за Штраусом, делегировалась министерству обороны.

Став во главе министерства обороны, Штраус резко меняет свою позицию по вопросам использования атомной энергии. В конце 1956 года, выступая с докладом перед правительством, он говорит о необходимости «превращения ФРГ в буферную зону между Востоком и Западом... с этой целью необходимо укрепить оборонительный комплекс НАТО, прежде всего на территории самой Германии, за счет военного потенциала бундесвера и оснащения его ядерным оружием»¹¹². Эволюция взглядов Штрауса подчеркивала решительность военных кругов ФРГ стать полноправным участником мировой политики на уровне сверхдержав. США отдавали себе в этом полный отчет, считая, что канцлер прекрасно видит «тенденцию в сторону наращивания как ядерного, так и обычного вооружения ведущих стран НАТО»¹¹³.

В Вашингтоне были вполне уверены, что «несмотря на объективные успехи Великобритании и потенциал атомных разработок Франции, эти страны еще не скоро смогут выступать как независимые от США ядерные силы... в отличие от ФРГ, которая пока сильно отстает от Франции и Великобритании в этом вопросе, но, в случае успеха и при условии сохранения своего военно-экономического потенциала, сделает это в кратчайшие сроки...»¹¹⁴. В свете перспектив утраты ядерной монополии в западном блоке, США в спешном порядке начинают разрабатывать различные варианты создания коллективных ядерных сил западноевропейских стран на платформе НАТО. Однако, основной целью этих новых концепций США было даже не столько сохранение единства и усиления военной организации НАТО, сколько предотвращение появления неподконтрольного американцам национального

¹¹² Von Gestern zum Heute: 200 Jahre deutsche Geschichte in Texten und Dokumente/ Hrsg. Von R. Wildermuth. Munchen, 1987. S. 278-281.

¹¹³ FOIA CIA. Questions on nuclear weapons tests and fourth countries. 26.03.1957. P. 5-7. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000386108.pdf

¹¹⁴ Ibid. P. 9-11.

ядерного оружия в Европе. Для того, чтобы «денационализировать ядерный потенциал» в Европе США инициирует ряд программ по кооперации и обмену уже накопленными знаниями и опытом между партнерами по НАТО¹¹⁵. Вашингтон готов был идти на любые политические маневрирования и поиски компромиссов, что бы найти выгодную формулу взаимодействия со своими союзниками по альянсу, с одной стороны удовлетворив их неуклонно растущие ядерные амбиции, а с другой - сохранив прежнюю расстановку сил в блоке. И в скором времени эти устремления Вашингтона вылились в выдвижение американской концепции разделения ядерной ответственности в НАТО¹¹⁶.

Отметим, что угроза утраты своего статуса единственной ядерной державы в Западном блоке уже давно волновала американцев. Неслучайно еще в 1957 году даже министр обороны США Ч. Вильсон, выступая перед конгрессом, задается риторическим вопросом, какова же роль будет у США в обозримом будущем, где «менее мощное атомное оружие в определенном смысле станет обычным оружием... Великобритания и Франция смогут сами обеспечивать им центральный фронт Организации Североатлантического договора... а районом, где угроза развязывания тактической ядерной войны будет наиболее вероятна, станет территория Западной Германии...»¹¹⁷.

Необходимо понимать, что в реальности никто не допускал возможности того, что Вашингтон ослабит свой контроль над ситуацией в Западной Европе. Любые инициативы США по созданию независимых европейских вооруженных сил были продиктованы желанием Вашингтона подтвердить свои главенствующие позиции в вопросах ядерного планирования альянса.

¹¹⁵ FOIA. CIA. Likelihood and consequences of nuclear weapons production in fourth countries. 05.04.1957. P. 6-8.

URL.http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP80B01676R000600010016-0.pdf

¹¹⁶ Пилько А.В. Кризис доверия НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966). М., 2007. С. 58-59.

¹¹⁷ CR. 85th Cong., 1958. Vol. 104. Part 2. P 9049.

Таким образом, в середине 1950-х годов необходимость укрепления западноевропейской обороноспособности за счет ядерного оружия не подвергалась правящими каргами США никаким сомнениям. Однако острые внутривнутриполитические дискуссии вызывал вопрос о том, как лучше это осуществить. Ряд сенаторов, в основном от демократической партии, скептически отнеслись к идее «распределения ядерной ответственности». Так, лидер большинства Л. Джонсон, подчеркивая необходимость кооперации Европы и США на платформе НАТО, в вопросах обороны придерживался концепции «сильной национальной политики... любое финансовое участие США в развитии европейской военной системы негативно скажется на их собственном экономическом и военном процветании»¹¹⁸. Ему вторил сенатор Т.Ф. Грин: «Государства-члены НАТО должны активно развивать оборонный комплекс в Европе... Европейцы должны вложить максимум своих ресурсов в свою безопасность... мы не будем дарить им наши бомбы»¹¹⁹. С другой стороны, такие сенаторы, как Г. Джексон, В. Магнусон, периодически обвинявшие Эйзенхауэра в недостаточном финансировании национальной обороны и призывавшие к производству большего количества межконтинентальных баллистических ракет, рассматривали идеи «разделения ядерной ответственности» как «возможность при минимальном финансовом участии усилить свое военное присутствие в Европе» и посредством ядерного вооружения блока заполучить прямой «контроль над всеми вооруженными силами альянса»¹²⁰. Подобной логики придерживалось и министерство обороны США.

С этой целью Вашингтон начинает реализовывать новый этап военного сотрудничества на основе разделения ядерной ответственности между союзниками Западной Европы и США. Проект был озвучен генералом Л. Норстэдом на заседании Совета НАТО в декабре 1956 года. Его автор

¹¹⁸ CR. 85th Cong., 1957. Vol. 103. Pt. 13. P. 16668-16669.

¹¹⁹ Ibid. pt. 14. 17510-17511, 17616-17526.

¹²⁰ Ibid. pt. 11. P. 15276.

предложил создать «резерв» ядерных боеголовок, находившихся под контролем Соединенных Штатов, которые в случае необходимости передавались бы под командование европейских стран в составе вооруженных сил НАТО по принципу «двойного ключа»¹²¹. Эти идеи получили широкое одобрение в Европе.

Концепция Норстэда о создании «ядерного резерва» в Европе появилась не случайно. Уже в мае 1957 года, на вооружение НАТО берется доктрина «массированного возмездия». Согласно этой доктрине, ядерное оружие должно было применяться незамедлительно и тотально в случае возникновения любого вооруженного конфликта¹²². Применение ядерного оружия не зависело от средств ведения войны противником, удары предполагалось наносить по его вооруженным силам, стратегическим объектам и населенным пунктам. Такая стратегия была чревата полным уничтожением Европы в случае разгорания военного конфликта на континенте. Поэтому западноевропейские государства стали рассматривать идею «ядерного резерва», прежде всего, как способ нанесения контрудара и меру самостоятельного сдерживания потенциального агрессора¹²³. По словам генерала Норстэда в этой связи «Основой военной мощи Запада являются силы возмездия. Наиболее мощный их элемент – стратегическая авиация США»¹²⁴.

Однако проекту не суждено было осуществиться в силу ограничений американского законодательства и разногласий внутри американского руководства. Препоной для реализации этой стратегии являлся Закон Макмагона, согласно которому был установлен запрет на передачу информации в области разработок атомной энергии третьим лицам. В Вашингтоне развернулись широкомасштабные дебаты о возможности реализации проекта Норстэда о разделении ядерной ответственности в НАТО.

¹²¹ The Department of State Bulletin. 14.01.1963. Washington, 1963. P. 103.

¹²² Исключения составляли конфликты пограничного характера.

¹²³ NATO Archive. Strategy Documents. 1949-1969. MC 14/2 REV. P. 293.

¹²⁴ Foreign Affairs. 01.1958. P. 278.

Дело в том, что в 1954 году к закону уже вносилась поправка¹²⁵, согласно которой обмен технологиями об устройстве ядерного оружия мог осуществляться с теми странами, которые достигли «существенных успехов» в этой области. После одобрения поправки конгрессом сотрудничество удалось установить лишь с Великобританией, а непосредственно идея «ядерного резерва» получила развитие в 1957 году в соглашении о продаже Великобритании 60 американских боеголовок. Стоит отметить, что речь шла о размещении ракет среднего радиуса действия (РСД). Это мотивировалось не только желанием противостоять советским ракетам Р-12, но и финансовыми причинами. Эйзенхауэр предполагал, что после соглашения с Лондоном дальнейший вклад США в укрепление европейской безопасности должен стать минимальным. Как позднее выразился Дж. Кеннеди по итогам 50-х годов, «европейцы копили деньги, в то время как США создавали бомбы... теперь должен произойти обмен их денег на наши бомбы».¹²⁶

Министр обороны ФРГ воспринял подобное начало формирования локального ядерного резерва как асимметричный обмен. Именно Западная Германия, в силу своего экономического потенциала и заинтересованности в ядерном оснащении бундесвера рассматривалась партнерами по НАТО основным спонсором данного проекта, в то время как другие страны-участницы альянса, такие как Великобритания, из-за своего «привилегированного» положения заведомо получали больше преференций от него: «деньги дают одни, а получают другие»¹²⁷. Штраус заявил, что поскольку в НАТО уже «поднят вопрос об оснащении британских вооруженных сил альянса атомным оружием, ФРГ не намерена оставаться в стороне... и хочет развивать свои оборонные силы в альянсе на равных основаниях, а не помогать своими финансовыми и военными резервами другим странам»¹²⁸.

¹²⁵ Закон Макмагона – принят в 1946 году, согласно этому документу запрещался обмен информацией с другими государствами в отношении использования атомной энергии.

¹²⁶ Winand P. Eisenhower, Kennedy, and the United States of Europe. NY., 1993. P. 239.

¹²⁷ BA. Bestand B-112. Akten zu den Bundesministerium der Verteidigung. Koblenz. Bullutin N 11(4)-11.1957.

¹²⁸ Ibid.

Важной вехой реализации проекта ядерного резерва стало заседание Совета глав правительств стран альянса в 1957 году, на котором было принято решение «создать ядерный резерв североатлантического альянса и передать американские РСД в распоряжение командующего вооруженными силами НАТО в Европе»¹²⁹. Соединенные Штаты также согласились предоставить союзниками техническую информацию об устройстве баллистических ракет и атомных подводных лодок¹³⁰.

Еще одним значимым событием в развитии системы безопасности на базе НАТО стала директива МС-70, принятая Советом НАТО к рассмотрению 12 июня 1957 года. Военно-стратегический план МС-70¹³¹ был разработан в Вашингтоне постоянной группой НАТО, куда входили представители Англии, Франции, США, а также ФРГ. Именно ее представитель, генерал фон Темпельгоф и разработал план, легший в основу будущего документа. Директива регламентировала «минимально необходимые требования» для вооруженных сил всех стран членов Североатлантического блока¹³². В соответствии с этим документом, ФРГ обязалась предоставить 12 дивизий, включая 40 ракетных дивизионов и 28 дивизионов ПВО. Западногерманские ПВО должны были включать в себя 1100 самолетов, которые были бы способны нести ядерное оружие¹³³. Этот план предусматривал вооружение бундесвера оружием, которое могло быть оснащено ядерными боеголовками, а части европейских военно-воздушных войск должны были пройти обучение по обращению с ядерным оружием. Дальнейшая разработка проекта была внесена в повестку декабрьской сессии совета НАТО 1957 года, однако несмотря на то, что директива была принята, предложений о ее детальной

¹²⁹ NATO. Final Communiqué. Chairman: Mr. P.H. Spaak, Secretary General of NATO. 16 Dec. 1957 - 19 Dec. 1957.

¹³⁰ Ibid.

URL. http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17551.htm?selectedLocale=en

¹³¹ FRUS. 1958-1960. Western European integration and security, Canada: Volume VII, Part I. P. 621-627.

¹³² NATO Strategy Documents. Ed. by G. Pedlow. Brussels, 1997. P. 275.

¹³³ Manke D. Nukleare Miteirkung: Die Bundesrepublik Deutschland in der atlantischen Allianz 1954-1970. Berlin, 1972. P. 105-107.

разработке не последовало ни от одной из участниц совета¹³⁴. Исключение составляла ФРГ, которая неоднократно инициировала дальнейшее обсуждение директивы¹³⁵.

Для ФРГ план Темпельгофа имел важное стратегическое значение. Дело в том, что несмотря на довольно интенсивный диалог США с западноевропейскими государствами по вопросам становления многонациональных ядерных сил, развитие военной кооперации на базе альянса носило вынужденный характер. Ее цель состояла в том, чтобы поставить под американский контроль западноевропейские атомные разработки. Лидеры западноевропейских государств начинали постепенно разочаровываться в истинных намерениях США, основанных на стремлении безоговорочного личного доминирования над СССР. Немецкие СМИ все чаще стали говорить о том, что «США абсолютно безразличны к судьбам немецкого народа, а многие американские политики даже не смогут найти ФРГ на карте... Германия для них – это инструмент для решения собственных внешнеполитических задач»¹³⁶. Другие призывали своих читателей обратить внимание на то, что «США не появляются в Европе, пока у них все спокойно в отношениях с СССР»¹³⁷. Несмотря на подобные настроения в прессе, правящая верхушка ФРГ, напротив, стремясь поддерживать прочные контакты с Вашингтоном, утверждала, что, если «Эйзенхауэр не намерен сейчас развивать какие то конкретные инициативы... это никак не отражается на комплексе американо-германских отношений»¹³⁸.

¹³⁴ В 1957 году военный комитет НАТО на основании докладов, представленных командующими НАТО о «минимальных силах», требующихся для осуществления поставленных перед ними задач в условиях использования ядерного оружия, принял новый пятилетний план военного строительства в НАТО — так называемый МС-70. Силы НАТО на европейском театре должны были к 1964 году состоять из 30 находящихся в боевой готовности дивизий, способных вести ядерную войну.

¹³⁵ Ibid. P. 115.

¹³⁶ Der Spiegel. N 45. 05.11.1958. S. 17.

¹³⁷ Die Zeit. N 52. 25.03.1958. S. 8.

¹³⁸ BT ParlA. Berlin. K. Adenauer: Driete Wahlperiode: 1957-1961. N 710-23f.// G.Schroder Rede.

После Суэцкого кризиса 1956 года и запуска советского спутника в октябре 1957 года в отношениях союзников стало прослеживаться возрастающее напряжение, вызванное банкротством военной стратегии «массированного возмездия» НАТО, принятой на вооружение альянса несколькими месяцами ранее и являвшейся для Соединенных Штатов национальной военной доктриной на протяжении всего предшествующего периода.

В конце 1957 года стратегия начала стремительно терять свою убедительность и обнажила в глазах западных европейцев уязвимость Вашингтона перед лицом «советской угрозы». «Лишившись монополии на массированное возмездие»¹³⁹ американцам необходимо было срочно провести ревизию своего внешнеполитического курса, решив дилемму между возможным «Армагеддоном или поражением без войны», в случае отказа от доктрины¹⁴⁰. Западноевропейские страны стали обоснованно опасаться того, что их территория станет театром основных военных действий в случае «горячей войны». У них неуклонно складывалось впечатление, что новая расстановка ядерных сил более не позволяет союзнику принимать взвешенные решения по обеспечению безопасности в регионе на базе НАТО. В связи с этим ряд ведущих государств Западной Европы предпринимает робкие попытки разработать собственные концепции безопасности на национальной платформе, а не в рамках коллективной обороны альянса¹⁴¹.

Так например в ФРГ, на формирование внешнеполитического курса значительное влияние стали оказывать не только внешние факторы, но и довольно острые внутривосточные споры в руководстве страны между сторонниками "европейской" и "атлантической" ориентации. «Европеисты», во главе с Ф.Й. Штраусом (ХСС) и Э. Майоник (ХДС), настаивали на создании в Западной Европе собственного потенциала "устрашения", включая ядерное

¹³⁹ American strategy for Nuclear Age. NY. 1960. P. 177.

¹⁴⁰ Foreign Affairs. 04.1956. P. 366.

¹⁴¹ См. подробнее: Пилько А.В. Кризис доверия НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966). М., 2007.

оружие. Свои надежды с конца 50-х годов они связывали с активизацией усилий в области политической западноевропейской интеграции.

«Атлантисты» же, лидерами которых являлись Л. Эрхард (ХДС), Г. Шредер (ХДС), К.-У. фон Хассель (ХДС), предлагали дальнейшее развитие и углубление кооперации с США. Идею превращения Западной Европы в самостоятельный центр мировой политики, равнозначный США и СССР, они отвергали как иллюзорную, настаивая на том, что без поддержки Вашингтона невозможно изменить статус-кво в Европе и сдвинуть Германский вопрос с мертвой точки. Проблему американских «ядерных гарантий» они склонны были решать не через «эмансипацию» европейских государств от внешнеполитической стратегии США, а за счет более прочного «привязывания» американских интересов к Европе¹⁴².

В конце 50-х годов этот спор постепенно приобретал совершенно новое значение для западногерманского руководства. На фоне бурной трансформации основных приоритетов Франции после прихода к власти генерала де Голля, даже незначительный перевес в ту или иную сторону мог оказать решающее воздействие на процесс выработки внешнеполитической стратегии ФРГ.

Определённые трудности испытывала и Великобритания. После Суэцкого кризиса, впервые с момента окончания второй мировой войны, она на практике смогла ощутить всю ограниченность своих возможностей и свое подчиненное по отношению к США положение в иерархии военной организации НАТО. Как мы уже упоминали ранее, Великобритания была не готова идти на развёртывание предлагаемых американских программ, во-первых, потому что она уже являлась третьей страной, обладающей ядерным оружием, а во-вторых, недавно заключённый контракт в рамках программы «ядерного резерва» вполне удовлетворял насущные потребности Лондона.

¹⁴² BT ParlA. Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Bd.2, 1963. S. 511.

Франция же, обладая собственными научно-техническими разработками ядерной боеголовки, не была готова делиться своими достижениями с союзниками, желая провести в скором времени собственные испытания атомной бомбы. Таким образом Бонн, по-прежнему находившийся *de jure* в жестких рамках Потсдамского соглашения, был готов принять любую инициативу, чтобы хоть как-то дотянуться до «ядерной кнопки». В итоге к концу 50-х годов ФРГ оставалась единственным активным игроком в альянсе, кого американцы могли бы привлечь к переговорам по директиве МС-70¹⁴³. Однако Вашингтон на фоне осложнения отношений в альянсе начинал все сильнее затягивать переговоры, сводя инициативу к обсуждению ее теоретических аспектов¹⁴⁴. В дальнейшем план дорабатывался и излагался в новых версиях МС-90 и МС-100, но в концептуальном смысле содержание не менялось.

Взаимное недопонимание союзников по североатлантическому альянсу стало особенно заметным после того, как на западных границах СССР в 1959 и 1961 годах были размещены ракеты средней дальности (РСД)¹⁴⁵ Р-12, нацеленные на объекты непосредственно в Европе. В радиус действия ракет, размещенных на линии Калининград-Севастополь, попадали почти все страны Западной Европы за исключением Португалии, что составляло почти 90% экономического потенциала европейских стран, входящих в НАТО. В этой обстановке, руководство ФРГ в ходе летней сессии НАТО в мае 1959 года остро ставит вопрос о доступе к ядерному оружию, утверждая, что в противном случае Западная Европа окажется «беззащитной». Используя свое геополитическое положение, Бонн начинает оказывать уже открытое давление на союзников с целью предоставления ФРГ такого же вооружения, как и у

¹⁴³ FOIA. CIA. Likelihood and consequences of nuclear weapons production in fourth countries. 05.04.1957. P. 6-8.

URL.http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP80B01676R000600010016-0.pdf

¹⁴⁴ Пилько А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен (1965-1966), М., 2007.

¹⁴⁵ Gregory Sh. R. Nuclear Command and Control in NATO: Nuclear Weapons Operations and the Strategy of Flexible Response. N.Y., 1996. P. 221.

потенциального врага. В конце 1959 года на одном из заседаний бундестага Аденауэр прямо заявил: «Для нас в настоящее время на повестке дня стоит вопрос о получении через НАТО ракетно-ядерного вооружения. Потенциальную угрозу для НАТО сейчас представляют страны Варшавского договора во главе с Советским Союзом... поэтому, если один из самых стратегически важных партнеров НАТО не располагает равным по мощности военным потенциалом врага, то существование НАТО бессмысленно»¹⁴⁶. В записке, подготовленной главным штабом бундесвера, говорилось, что «при одностороннем отказе от атомных вооруженных сил щита – Федеративную Республику нельзя будет оборонять... Если нашим войскам придется сражаться, не имея тактического атомного оружия, противнику будет намного легче прорвать европейскую оборону»¹⁴⁷.

Резкая смена риторики Бонна объяснялась не только изменениями внешнеполитического климата в Европе, но и внутривластными реалиями ФРГ. К концу 1958 года ФРГ завершала первый этап строительства бундесвера, и темпы развертывания его вооруженных сил уже превосходили все ожидания¹⁴⁸. Развитие немецких вооруженных сил опережало даже намеченные самими немцами планы. Так, если в принятом решении немецкого парламента 1956 «о планах развертывания бундесвера» предполагалось, что по итогам первого этапа (1958 год) общая его численность должна составить 150 тысяч человек, то, с приходом Штрауса на пост министра обороны и началом политики перестройки бундесвера с учетом условий ракетно-ядерной войны, к началу второго этапа (1959 год) численность по факту приблизилась к 175 тысячам¹⁴⁹. К этому моменту в штабах НАТО уже были задействованы около полутора тысяч западногерманских военнослужащих, в том числе 24 генерала, занимавших ключевые посты в НАТО (например генералы И.А. фон

¹⁴⁶ Серая книга. Дрезден, 1967. С. 51; Дьёрдь П а р р а г и. Фашизм во фраке и мундире. М., 1962. С. 50.

¹⁴⁷ РААА. Dokumentation zur Abrüstung und Sicherheit. Bd. II. Berlin, III. 1961. N. 186.

¹⁴⁸ См. приложение № 3, 4.

¹⁴⁹ BT ParlA. Berlin. K. Adenauer: Driete Wahlperiode: 1957-1961. N 812-17s. // Ausführlichen Bericht der Minister der Verteidigung F.J. Strauss. (17.12.1958).

Кильмансегг, А. Хойзингер и Г. Шпейдель и другие), что свидетельствовало об интенсивном внедрении высшего эшелона командного состава бундесвера в руководящие органы альянса. Помимо этого, к концу 50-х годов западногерманские власти проявляли еще больший интерес к ракетной промышленности США и не только в контексте возможностей размещения ядерного оружия на западногерманской территории. Совместные проекты двух стран в этой области проводились, в частности, в Космическом центре США - НАСА и институте ядерной физики Макса Планка в Гейдельберге. Таким образом, к началу 60-х годов ФРГ становится обладательницей мощной технико-экономической базы, отвечающей требованиям производства собственного ядерного оружия. По ряду объективных причин (производство собственного оружия являлось довольно сложным, длительным и дорогостоящим процессом, более того, появление собственного ядерного оружия в ФРГ означало бы односторонний отказ Западной Германии от Парижских обязательств) Бонн на время отказывается от идеи создания национального ядерного оружия, но, не сбавляя темпов развития атомной промышленности, он начинает активно добиваться развития всевозможных военных проектов в рамках НАТО, которые позволили бы ФРГ иметь доступ к ядерному оружию¹⁵⁰. К концу 1959 года бундесвер стал занимать главенствующее положение в Центральной Европе, составляя основу «щита» военного блока НАТО. Неудивительно, что на внеочередном XXI съезде КПСС советское руководство отмечало, что «основным источником военной опасности продолжает оставаться агрессивный курс американского империализма... При этом роль основной ударной силы Североатлантического альянса отводится Западной Германии...»¹⁵¹.

Становилось очевидно, что в свете подобных темпов становления западногерманского бундесвера и бурного развития атомной энергетики на

¹⁵⁰ Die CDU und ihr Programm. Programme Erklärungen Entschlie Bunden. Verlag Ernst Knoth. Bruno Heck. Melle. 1989. S. 51-57.

¹⁵¹ Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М., 1959. С. 158.

европейском континенте задачи, которые США намеревались достичь путем укрепления ядерного компонента альянса, а именно реализации концепции «разделения ядерной ответственности» за счет собственных бомб, стремительно теряли свою актуальность. Более того, по мере того, как повышалась доля участия Бонна в военном планировании альянса, Вашингтон все настойчивее пытался вернуть американско-западногерманские отношения в русло научно-технического сотрудничества. Подтверждением тому является ряд соглашений 1959 года в области мирного применения атома, активизации многосторонних консультаций о передаче американских ядерных материалов в Евроатом и возможности привлечения комиссии МАГАТЭ¹⁵². В результате интенсивной политики США в этом направлении, к началу 60-х годов проекты возможного оснащения бундесвера ядерным оружием были фактически полностью выведены за рамки североатлантического альянса. Такая тенденция абсолютно не устраивало ФРГ с учетом ее финансового и военного участия в организации: с 1955 года до 1960 года ее финансовые расходы на оборону НАТО увеличились почти в 2 раза, с 6, 383 млн. до 12,115 млн. немецких марок, в то время как вклад других стран развивался не столь стремительно¹⁵³.

Особенно отчетливо требования о возврате к переговорам по оснащению бундесвера ракетным оружием просматриваются в так называемом «меморандуме генералов», где западногерманской стороной излагаются «предпосылки действенной обороны» (20 августа 1960 года). Этот документ впервые открыто и прямо указывал на то, что «бундесвер должен быть вооружен так же эффективно, как и все союзные войска НАТО»^{154 155}. Задача бундесвера, заявляли генералы, состоит в том, чтобы «быть

¹⁵² FRUS. 1958-1960. Vol. 7. Pt. 1. Western European Integration and Security, Canada. Wash. 1993. P. 35-36; P. 41-43.

¹⁵³ См. Приложение № 6.

¹⁵⁴ Прежде подобные формулировки уже звучали в высказываниях западногерманского руководства, однако они носили оценочный характер и не обладали статусом официального заявления.

¹⁵⁵ Bulletin des Press, 20. Aug. 1960, S. 1527—1528; Wehrdienst-Kalender 1959. S. 28.

вооруженным для любой формы военного конфликта», помимо этого западногерманские военные открыто сообщили о своих правах «определять политику и стратегию Западной Европы». Меморандум не оставлял никакого сомнения в объеме военно-политических претензий ФРГ. Под флагом «равноправия» с другими участниками НАТО западногерманский генералитет желал получить самые современные средства массового уничтожения, причем без всякого ограничения и взять их под свой контроль¹⁵⁶. Прямолинейность Бонна в этом вопросе сильно озаботила западноевропейских союзников Германии и вынудила США вновь вернуться к вопросам военной интеграции Западной Европы, чтобы несколько нейтрализовать единоличные устремления ФРГ¹⁵⁷.

Американцы еще сильнее стали опасаться дальнейшей трансформации закона Макмагона. В таком случае европейские страны получили бы возможность использовать ядерную энергию в военных целях без ведома США, создавая на базе научных разработок программы Эйзенхауэра «Атом для мира» атомное оружие, и ситуация окончательно вышла бы из под контроля¹⁵⁸. В 1957 году сенатор К. Андерсон, став заместителем председателя комитета по атомной энергии, подтвердил эти опасения, сказав, что: «Закон Макмагона не мешает развитию научно-исследовательских программ по изучению атома, однако он является действенным инструментом защиты от того, что ядерное оружие появится у тех, кто к этому не готов»¹⁵⁹. А после того, как в 1958 году произошел ряд аварий с ядерными реакторами, и виновные не были установлены, стало очевидно, что ситуация уже вышла из под контроля, и возможность дальнейшей трансформация закона фактически неприемлема¹⁶⁰.

¹⁵⁶ «Der deutsche Soldat», 1958. N 8.

¹⁵⁷ CIA. FOIA. Letter to honorable Allen W. Dulles from Hugh s. Cumming. 06.10.1960. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP80B01676R000900080017-9.pdf

¹⁵⁸ CR. 85th Cong., Vol. 103., Pt. 7., P 20185

¹⁵⁹ Ibid. Jan. 13, 1960, P. 474.

¹⁶⁰ U.S. Congress, Joint Committee on Atomic Energy, Current Membership of the Joint Committee on Atomic Energy, committee print, 85th Cong., 2nd sess. 1958, P. 5.

По результатам подсчетов министерства обороны США, в Вашингтоне пришли к выводу, что к середине 1960-х годов СССР будет обладать достаточным ракетным потенциалом для нанесения удара по всем главным американским стратегическим объектам в Европе. Это подтолкнуло правящие круги США предпринять еще одну попытку создать единую систему безопасности в Европе. К октябрю 1959 года генерал Норстэд доработал проект о разделении ядерной ответственности в НАТО, озвученный им еще в 1956 году. «План Норстэда» предполагал появление в Европе совместных ядерных сил (в виде американских РСД) под совместным командованием США, Франции и Великобритании. План также предусматривал создание консорциума европейских государств по производству ядерного оружия в соответствии с американскими образцами.

Но с учетом густонаселенности западноевропейской части континента и во избежание прений, какой именно стране достанется решающее право контроля над ядерным оружием, США предложили еще один вариант, аналогичный «плану Норстэда», но предполагавший морское базирование ракет.¹⁶¹ Такой проект создания «многосторонних ядерных сил» с коллективным командованием «на воде», формально независимым от США, в отличие от проекта передачи права самостоятельного запуска ядерного оружия, упростил бы внесение поправок в закон Макмогона: США намеревались передать под европейское командование уже произведенные РСД, а не разрабатывать их на основе сотрудничества, таким образом сохраняя инициативу в своих руках.

Отметим, что впервые подобные идеи создания коллективных ядерных сил уже появлялись в Европе в течение 50-х годов в рамках франко-западногерманского, а затем франко-итало-западногерманского сотрудничества. Так, в 1957 году было заключено первое соглашение о техническом сотрудничестве между ФРГ и Францией¹⁶². Обсуждалась даже

¹⁶¹ American strategy for the Nuclear Age. NY., 1960. P.117

¹⁶² Штраус Ф. Й. Воспоминания. М., 1991. С. 318.

возможность присоединения Великобритании к проекту, что могло бы привести к созданию Европейских вооруженных сил¹⁶³. Но приход де Голля к власти во Франции в 1958 году перечеркнул тогда всякие перспективы дальнейшего развития этой идеи¹⁶⁴. Де Голль видел подобное сотрудничество лишь с теми странами-партнерами по НАТО, которые уже обладали ядерным потенциалом. Это исключало из системы партнерства ФРГ, одну из ключевых стран в процессе создания системы безопасности Европы¹⁶⁵.

В результате многочисленных двусторонних консультаций со всеми предполагаемыми участниками проекта коллективных ядерных сил идеи новой военной стратегии США по разделению ответственности привлекли внимание всех западно-европейских игроков, преследовавших, правда, разные цели. С начала 1960 года в США началась более тщательная проработка проекта создания многосторонних ядерных сил (МЯС). Рабочую группу возглавил бывший помощник госсекретаря, на тот момент возглавлявший Центр международных отношений Гарвардского Университета, Р. Боуи. Согласно его видению, ядерные силы НАТО должны были создаваться в два этапа. На первом этапе в распоряжение НАТО передавались бы американские подводные лодки, оснащенные ракетами «Поларис». На втором этапе планировалось создание ядерно-ракетного флота НАТО с совместным финансированием и смешанным экипажем¹⁶⁶.

При разработке этого проекта во внимание принимались тезисы о большей маневренности и неуязвимости подобной системы в условиях войны. В перспективе Западноевропейским странам предлагалось выкупать американские подводные лодки, переводя их под свое полное

¹⁶³ Heuser B. NATO, Britain, France and the FRG: Nuclear strategies and forces for Europe, 1949-2000. Hampshire, 1999. P. 131.

¹⁶⁴ Heuser B. Op. cit., P. 151.

¹⁶⁵ Prime minister's visit to France. Talking points. FO 371/166995. National Archive. London. November 14, 1962.

¹⁶⁶ FRUS. 1958-1960. Vol. VII, Western European Integration and Security. Doc. 268. Memorandum of conference with president Eisenhower, Robert Bowie and Gen. Goodpaster, August 16, 1960. P. 637.

командование¹⁶⁷. В августе 1960 года проект был представлен на рассмотрение американскому руководству. 3 октября 1960 года Эйзенхауэр встретился с представителями Госдепартамента и министерством обороны, для дальнейшего обсуждения проекта создания МЯС. К середине ноября Совет национальной безопасности и президент Соединенных Штатов окончательно подтвердили решение представить проект создания МЯС на заседании Североатлантического Совета в декабре того же года¹⁶⁸.

В отличие от предыдущих предложений по разделению ядерной ответственности в Европе, проект МЯС был в первую очередь нацелен против развития национальных ядерных сил в Западной Европе, а также на укрепление позиций США¹⁶⁹. США рассматривали этот шаг как завершающий этап в решении проблемы разделения военной ответственности¹⁷⁰. С точки зрения интересов ФРГ, проект МЯС проигрывал «плану Норстэда» во многом потому, что он предусматривал не наземную локацию пусковых установок, а размещение их на море, что исключало возможности превращения НАТО в «четвертую ядерную силу» и лишало ФРГ возможности развертывания ядерных ракет на территории Западной Германии. По мнению ФРГ именно этот аспект проекта способствовал бы стабилизации ситуации в Европе и повысил бы ее роль в Европе.

Тем не менее, вопреки опасениям США, Бонн все же поддержал американскую инициативу, предложив, правда, компромисс между предложением Норстэда и планом МЯС. Согласно проекту ФРГ, система коллективного управления ядерными силами должна была состоять на две трети из сил морского базирования и на одну треть из ракет «земля-земля», а

¹⁶⁷ FRUS. 1958-1960. Vol. VII, Western European Integration and Security. Doc. 268. Memorandum of conversation President Eisenhower and Paul Henri Spaak, 3 October, 1960. P. 649.

¹⁶⁸ Treaties and other international acts. Series 3804. Defense off-shore procurement program. Washington, 1961. P. 32-38.

¹⁶⁹ The Washington Post. 20.12.1960.

¹⁷⁰ PAAA. Bestand B. Bestand B2.IIIA5. Buro Staatssekretaere. Berlin, 1961. S. 249.

в случае неудачи создания ядерного флота, ФРГ не исключала возможность создания таких сил в рамках ЗЕС¹⁷¹.

В заключение параграфа хотелось бы отметить, что трансформация военных концепций США в НАТО в конце 50-х годов сводилась к обсуждению прежде всего двух основополагающих проблем. Во-первых, речь шла о вопросах появления ядерного оружия у западноевропейских партнеров и возможных формах кооперации на этой платформе, а во-вторых – о выработке общей позиции альянса в отношении стран социалистического блока и укреплении внутреннего единства НАТО. ФРГ и США, имея разные на то основания и мотивы, в этот период проявляли наибольшую активность в развитии организации.

В ходе обсуждения проектов по созданию многосторонних ядерных сил администрации Эйзенхауэра пришлось пойти на ряд «уступок», заведомо ослабив контроль в принятии коллективных решений. Этот «эксперимент» оказался довольно успешным: он привлек внимание других ведущих стран Западной Европы, помимо ФРГ. Обсуждение деталей данного проекта позволило несколько снизить возрастающее напряжение в альянсе и притормозить амбиции ФРГ в этом направлении, дав американскому руководству время на смену своей внешнеполитической парадигмы.

Вашингтону было действительно необходимо получить одобрение Бонна на проект МЯС для того, чтобы он получил свое дальнейшее развитие. Дело в том, что участие Западной Германии в обсуждениях многосторонних ядерных сил помогло бы решить как минимум две задачи. Во-первых, использование немецкого бундесвера и экономического потенциала страны значительно снизило бы бремя расходов США на оборону Европы. Во-вторых, непосредственная заинтересованность ФРГ в МЯС создала надежные

¹⁷¹ Treaties and other international acts. Series 3804. Defense off-shore procurement program. Washington, 1961. P. 32-38.

предпосылки для прочного привязывания западноевропейского союзника к американскому внешнеполитическому курсу¹⁷².

¹⁷² Eine schwierige partnerschaft: BRD u. USA im Atlantischen Bündnis. Quorum, 1988. P. 161-176.

2. Проблема европейской безопасности в свете уроков Берлинского кризиса: позиция США и ФРГ

На протяжении существования биполярного мира статус Берлина неоднократно вызывал острейшие политические столкновения сверхдержав и их ближайших союзников, грозившие перерасти в открытый военный конфликт, ставившие под вопрос мир и стабильность на континенте. Бесспорно самым опасным стал кризис, кульминация которого приходится на 1961 год. Именно эти события заставили их участников, пожалуй, впервые серьезно задуматься над переоценкой ряда базовых положений своей внешнеполитической стратегии.

Для США и ФРГ Берлин выступал в качестве символа Холодной войны. Однако восприятие этого символа для этих держав существенно отличалось друг от друга. Если американцы видели в нем прежде всего отражение непримиримых противоречий Востока и Запада, то западные немцы воспринимали разделение их исторической столицы на сектора как национальную трагедию. Трактовка Берлинской проблемы напрямую сказывалась и на подходах двух стран к ее решению. Для ФРГ проблема Западного Берлина носила не только политический, правовой или социально-экономический характер, за десятилетие она приобрела для немцев особый сакральный смысл. Этот анклав был своеобразным мостиком, который соединял Западную и Восточную часть некогда единой Германии. Вашингтон же был склонен подходить к Берлинской проблеме более формализовано и прагматично, рассматривая ее с точки зрения споров о государственной принадлежности и правовом статусе западных секторов Берлина.

Прежде чем перейти к анализу основных уроков Берлинского кризиса, нам следует обратиться к предыстории вопроса, так как решающее влияние на основные результаты Берлинского кризиса оказали именно события предшествующие горячей фазе конфликта в августе 1961 года.

Большинство современных исследователей рассматривают в качестве исходной точки интересующего нас кризиса Берлинский ультиматум Н.С. Хрущева. В ноябре 1958 года глава советского правительства Н.С. Хрущев, обвинив западные державы в нарушении Потсдамских соглашений 1945 года, объявил об отмене Советским Союзом международного статуса Берлина и охарактеризовал весь город, включая его западные секторы, как столицу ГДР¹⁷³. Этот демарш советского лидера застал его оппонентов врасплох. В Вашингтоне не сразу смогли принять официальное решение из-за отсутствия единой позиции в высших эшелонах власти. Так министерство обороны расценило заявление Хрущева как призыв к войне, генерал Нортстэд сразу же запросил разрешения на «прорыв в Берлине», после чего госсекретарю США Д. Даллесу пришлось приложить немало усилий, чтобы утихомирить своих военных¹⁷⁴. Американцы оказались заложниками ситуации, не только из-за позиции собственных «ястребов», но и в силу мировоззрения их союзника, чьи интересы были затронуты напрямую. Дело в том, что для ответа на вербальные действия Хрущева Вашингтону требовалось как минимум допустить самую возможность легитимного существования ГДР. Однако жёсткая позиция Аденауэра исключала любую возможность даже косвенного признания ГДР в качестве своеобразного посредника в диалоге с Москвой. Несмотря на то, что Даллес отметил в ходе пресс-конференции, что «восточные немцы для них лишь представители СССР», это вызвало бурю негодования в Бонне¹⁷⁵.

В ответ Хрущев 27 ноября в ультимативной форме предложил превратить Берлин в «свободный демилитаризованный город, самостоятельную политическую единицу»¹⁷⁶. Хрущев потребовал от США, Великобритании и Франции провести переговоры на эту тему в течение шести месяцев. Этот маневр СССР и получил название «Ультиматума Хрущева».

¹⁷³ Правда 28.11.1958.

¹⁷⁴ FRUS. 1958-1960. Vol. VIII. Berlin Crisis 1958-1959. Wash., P. 57.

¹⁷⁵ Ibid. P. 98.

¹⁷⁶ Правда 28.11.1958.

Однако эффект от этого маневра оказался во многом неожиданным для его автора, дезавуировав все достигнутые к этому моменту договорённости.

В этот же день на заседании бундестага канцлер ФРГ Аденауэр заявил, что СССР блефует, и США, Англия и Франция должны безоговорочно отклонить советское предложение¹⁷⁷. Он призывал западные страны к твердости в Германском вопросе, утверждая, что «смягчение позиций Запада в этих сюжетах представляет угрозу общему делу»¹⁷⁸. Посол Франции в Вашингтоне сообщил, что в результате переговоров с ФРГ они пришли к выводу об отсутствии малейшей возможности признать ГДР даже «агентом» Советского Союза в Берлинском вопросе¹⁷⁹.

Несмотря на такие жесткие заявления уже в начале декабря реакция Запада стала более умеренной. Эйзенхауэр с Даллесом, в результате переговоров с Лондоном и Парижем, согласились с необходимостью проведения встречи в верхах с участием СССР, США, Франции и Великобритании, чтобы снизить градус напряженности в отношениях с Москвой. Как позднее вспоминал сам Аденауэр, вслед за своими союзниками он также был вынужден пойти на смягчение риторики в ситуации вокруг Западного Берлина, обратившись к фракции ХДС/ХСС с просьбой проявить некоторую «гибкость» в решении Германского вопроса для того, чтобы избежать еще одного обострения внутригерманской дискуссии¹⁸⁰. Максимально объективную характеристику этим действиям западногерманского канцлера, на наш взгляд, дали американские спецслужбы в 1959 году. По мнению американцев, подобной внутривнутриполитической стратегией Аденауэр добивался решения нескольких задач: во-первых – обеспечить себе поле для маневра в ходе обострения Берлинской проблемы; во-вторых – стабилизировать ситуацию внутри страны и избежать

¹⁷⁷ Die CDU und ihr Programm. Programme Erklärungen Entschlie Bunden. Verlag Ernst Knoth. Bruno Heck. Melle, 1989. S. 191-193.

¹⁷⁸ Ibid.

¹⁷⁹ FRUS. Op. cit. P. 135.

¹⁸⁰ Adenauer K. Erinnerungen. 1955-1959, B.3. Stuttgart, 1967. S. 455.

внутриполитического раскола; в-третьих – сохранить свой личный авторитет как на международном уровне, так и внутри ФРГ¹⁸¹.

Стоит отметить, что в публичной политике Аденауэр всегда предпочитал демонстрировать свои миролюбивые устремления, исходя именно из вышеупомянутых соображений. Так, например, в своем послании 10 декабря 1957 года канцлер выступил с инициативой заключить пакт о взаимном ненападении между НАТО и ОВД. А в ходе переговоров с первым заместителем Председателя Совета министров СССР А.И. Микояном он предложил запустить процесс всеобщего разоружения под взаимным контролем. Исключение составлял Германский вопрос. Здесь Аденауэр всегда придерживался крайне жесткого курса.

«Ультиматум Хрущева» обозначил остроту назревшей проблемы и сложность ее разрешения. Причем трудность выработки консенсуса касалась не только наличия противоречий в отношениях между двумя блоками, но и отсутствия консолидированной позиции внутри западных стран. На наш взгляд именно ультиматум запустил процесс эскалации Второго Берлинского кризиса, когда Берлинская проблема начинает приобретать черты кризиса, при котором существующие средства достижения цели уже не могли адекватно отвечать сложившимся реалиям.

Ноябрьские события 1958 года форсировали процесс консолидации позиций западных стран по данной проблеме. Если еще в начале ноября Великобритания и Франция были убеждены в необходимости компромиссного соглашения с Москвой по всему комплексу германских дел вопреки желаниям ФРГ, то уже к весне 1959 года между союзниками было достигнуто понимание. Бонн стал принимать тот факт, что Берлинский вопрос носит международный характер, а союзники ФРГ, в свою очередь, стали

¹⁸¹ FOIA. CIA. Letter to the honorable Allen W. Dulles From Julius Klein. 05.07.1959. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/5829/CIA-RDP80R01731R000200140035-1.pdf

отчетливо осознавать, что без лояльности ФРГ любые договоренности с советской стороной отразятся, как на взаимопонимание в альянсе.

Именно с таким настроем страны западного блока подошли к женеvскому совещанию министров иностранных дел «четыре плюс два» (11.05-05.09.1959 года). Стоит отметить, что хотя Западные державы желали избежать эскалации конфликта, они не могли ни предложить меры по мирному разрешению кризиса, ни заставить выступить с такими предложениями Советский Союз¹⁸². Важным итогом этой встречи с точки зрения уроков Берлина было то, что хоть совещание и окончилось безрезультатно, западные державы впервые заявили о готовности отдельно рассматривать Берлинскую проблему, вопросы германского объединения и разоружения¹⁸³.

Вычленение Берлинского вопроса в отдельную проблему послужило поводом к очередному ужесточению позиции Аденауэра. Это объяснялось тем, что в случае дипломатического урегулирования отношений США с СССР по вопросу Западного Берлина (то есть в случае, если правовой статус города останется без изменений или, того хуже, будет принято решение, ущемляющее западногерманские амбиции), и в случае если другие партнеры по НАТО поддержат такую инициативу, над ФРГ нависала перспектива остаться

¹⁸² Besson. Die Aussenpolitik der Bundesrepublik. Erfahrungen und Masstabe. Munchen, 1970. S. 222.

¹⁸³ На совещании 11.05-05.09.1959 года СССР озвучил свой вариант германского мирного урегулирования в рамках проекта «Основные принципы договора между существующими в Европе группировками» от 10 января 1959 года, предлагающего создать систему коллективной безопасности в Европе в два этапа с учетом двух существующих военных группировок. В этом же проекте говорилось о намерении разрешить и Германский вопрос путем создания Общегерманского комитета из представителей обоих немецких государств для подготовки мероприятия по объединению Германии и заключению мирного договора. В задачи комитета входило бы расширение и развитие контактов между двумя германскими государствами, разрешение наиболее спорных вопросов по объединению Германии, а также разработка мирного договора. Но Западная сторона, отвергнув проект создания подобного органа, выступила с единым планом Гертера, в котором говорилось о необходимости объединения Германии до подписания мирного договора и проведения общегерманских выборов для определения дальнейшего политического будущего страны. Что касается Берлина, западный блок предлагал его объединение, и распространение на всей его территории оккупационного режима.

наедине с Восточным блоком¹⁸⁴. В этой связи Аденауэр говорил, что в таком случае Вашингтон не сможет надеяться на ФРГ как на консолидирующий элемент НАТО, так как все ее силы будут брошены «на ликвидацию непредсказуемых последствий «мирных договоренностей»¹⁸⁵. Именно в этот период обостряется и тенденция в западногерманской прессе критиковать и винить во всех неудачах Бонна Вашингтон. Если в обсуждения Берлинской проблемы что-то шло в разрез с интересами ФРГ, в западногерманских изданиях моментально появлялись заголовки о несостоятельности альянса. Немецкий журнал Spiegel ни раз, например, писал о «напрасных надеждах верного союзника» и ложных обещаниях тех, кого союзнические отношения заботят до тех пор, пока это не идет вразрез с их собственными планами¹⁸⁶.

В результате Вашингтон, с одной стороны не имея возможности поиска компромиссов на многосторонней основе и не желая дальнейшего обострения отношений с Москвой – с другой, единственным способом прекращения Берлинского кризиса мирным способом видит обсуждение проблем на личной встрече лидеров двух сверхдержав. 15 сентября 1959 года состоялся визит руководителя КПСС и главы советского правительства в США, в ходе которого Эйзенхауэр и Хрущев могли обсудить все возможные сценарии развития конфликта с глазу на глаз¹⁸⁷. По итогам ряда таких встреч Хрущев и Эйзенхауэр сошлись на условии, что консенсус возможен «при условии возобновления многосторонних переговоров, учета позиций всех заинтересованных сторон, их лояльности и стремления к миру»¹⁸⁸. Более того лидеры сверхдержав дали друг другу взаимные обещания, правда, в весьма в размытых формулировках, что Хрущев снимет свой ультиматум, дав старт новой серии встреч, а Эйзенхауэр не будет препятствовать заключению

¹⁸⁴ Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung. Hrsg. Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. 22.10.1958, Nr. 197, P. 1807-1808.

¹⁸⁵ Ibid. P. 1813.

¹⁸⁶ Spiegel. N 29. 15.07.1959. S. 38, Die Zeit. 23.01.1959, 30.01.1959.

¹⁸⁷ FOIA CIA. Message from Mr. Herter indicating little basis for fruitful negotiations in the Khrushchev reply. 18.03.1959. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/16/1959-06-19.pdf

¹⁸⁸ Dokumentation zur Deutschlandsfrage. Halbband II. S. 24.

мирного договора СССР – ГДР, в случае провала переговоров, но при сохранении военного контингента своих союзников в Западном Берлине. Президент Эйзенхауэр в одном из своих выступлений после встречи подчеркнул, что ситуация в Западном Берлине ненормальная, ее надо исправлять, но «американцы не собираются держать там свои войска вечно»¹⁸⁹.

Таким образом, компромисс так и не был найден, однако американо-советские переговоры по вопросу заключения мирного договора дали Берлинской проблеме второе дыхание. Однако, отметим, что формат ее решения вновь претерпели трансформацию. Берлинский вопрос полностью утратил германо-германский характер, а состав переговоров был фактически ограничен двумя государствами.

В этом контексте, для нас крайне примечательно совещание представителей США, Англии, Франции и ФРГ в Париже 19-21 декабря 1959 года. Спустя полгода после встречи лидеров сверхдержав участники совещания при рассмотрении вопроса «Германия и Берлин» предприняли попытку вывести Берлинский вопрос из сферы советско-американских переговоров, сводя его обсуждение к локальному германо-германскому противостоянию. Их позиция сводилась к тому, что «режим трехсторонней комендатуры в Западном Берлине до сих пор не был нарушен, чтобы общественность считала это достаточным поводом для вооружённого вмешательства»¹⁹⁰. Аденауэр же еще настойчивее стал говорить, что нельзя идти на уступки Советскому Союзу. Неожиданную поддержку и одобрение своей позиции канцлер получил от генерала Де Голля. На встрече в Париже тот говорил: «Если Берлин окажется потерян, моя политическая позиция мгновенно станет несостоятельной. К власти в Бонне придут социалисты. И

¹⁸⁹ FRUS. 1958-1960. Volume VII, Part II. Berlin Crisis. 1994. P. 792

¹⁹⁰ Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der Atlantik - Charta 1941 bis zur Berlin – Sperre 1961. Bonn- Wien-Zurich, 1961. Hauptabnd I. S. 669-671.

приступят к осуществлению прямых договоренностей с Москвой, а это будет означать конец Европы»¹⁹¹.

Этот эпизод на совещание государств Западной Европой является одним из первых посылов к одному из основных выводов, которые будут сделаны западноевропейскими странами по итогам Берлинского кризиса: во избежание обострения советско-американских отношений, Вашингтон скорее договориться с Москвой, поставив перед фактом своих союзников, чем будет искать компромиссы со своими европейскими партнерами.

Стоит отметить, что в начале 1960-х годов именно в военных вопросах «своенравность» старой Европы стала проявляться наиболее рельефно, особенно в сфере контроля над ядерными вооружениями¹⁹².

Несмотря на успех американских инициатив в ходе двусторонней встречи Эйзенхауэра и Хрущева в 1959 года, реализация дальнейших планов Вашингтона по разрешению Берлинского вопроса была поставлена под сомнение на фоне целой серией серьезных неудач Вашингтона на международной арене в 1960 году. Так, накануне совещания в Париже, которое должно было положить начало второго раунда многосторонних переговоров по проблемам Западного Берлина в духе советско-американских договоренностей, Пентагон потерпел серьезную неудачу в ходе проведения разведывательной операции над Уралом, когда Советским Союзом был сбит американский самолет-невидимка «У-2». 1 мая 1960 года СССР выступил с заявлением о том, что в связи с американским воздушным пиратством и угрозой проведения новых шпионских полетов, представляется разумным отложить встречу в верхах на неопределённое время. Более того внешнеполитическое положение США усугубилось за счет обострения ситуация в Юго-Восточной Азии и в зоне Карибского бассейна, где

¹⁹¹ Documents diplomatiques francais. 1959. Т. II (1-er juillet – 31 decembre). P. Imprimerie nationale. 1995. P. 672.

¹⁹² См. подробнее: Эволюция политики ФРГ в отношении проблемы распространения ядерного вооружения в 1960-е годы// Вестник Московского университета. Серия 8: История, № 5, С. 86.

правительство революционной Кубы во главе с Ф. Кастро все больше сближалось с Советским Союзом. Внешнеполитические потрясения и наметившаяся под их воздействием трансформация американского внешнеполитического курса порождала серьезную борьбу в правящих кругах США: баланс сил внутри политической элиты стал неуклонно смещаться в сторону его либерализации.

Все это оказало значительное воздействие на предстоящие в ноябре 1960 года выборы президента США, в результате которых кандидат от республиканской партии Ричард Никсон потерпел поражение, и Белый дом занял лидер демократов - Джон Кеннеди, который представлял новое, послевоенное поколение американских политиков. На момент своего президентства Кеннеди, несмотря на свою относительную молодость, уже был очень известен в Вашингтоне и считался безусловным профессионалом своего дела. Основной чертой его внешнеполитических воззрений, отличавших его от американских политиков «старой гвардии», было, пожалуй, отношение к понятию «безопасность», которую он видел, в первую очередь, в неприкосновенности основных гражданских прав и свобод во всем мире, а не в уровне защищённости государств от внешних угроз в духе Холодной войны. В своей предвыборной программе, в которой он намеревался вывести США «на новые рубежи», в том числе и в вопросах политики национальной безопасности Кеннеди расширяет диапазон методов защиты интересов США на международной арене, делая акцент на том, что эффективно сдерживать «советскую угрозу» можно не только военными средствами, но и мирными инициативами.

Однако после его победы, в условиях накаляющейся ситуации в Берлине, многие постулаты предвыборной программы Кеннеди стали казаться трудно реализуемыми, как из-за противодействия консервативно настроенных сил внутри самих США, так и в силу растущего негодования Запада таким «умиротворяющим» поведением Вашингтона. Таким образом, перед Кеннеди стояла задача адаптировать принципы своей внешнеполитической стратегии к

необходимости консолидации альянса в кризисной ситуации. Дж. Кеннеди полагал, что Соединенные Штаты, будучи главной ядерной державой Запада, принимают на себя все основные риски в случае вооруженного столкновения с Советским Союзом, поэтому именно они должны играть определяющую роль при решении главного вопроса – «воевать или не воевать» против СССР¹⁹³. И именно этот постулат должен был стать основополагающим для дальнейшей консолидации альянса и его централизации вокруг Соединенных Штатов.

Тем не менее с позицией нового президента были согласны далеко не все. В конгрессе, например, все чаще стали звучать призывы отойти от воинствующей риторики, и свести дискуссию вокруг Берлинского кризиса на уровень локально-территориального спора ФРГ и ГДР. Это помогло бы Вашингтону избежать прямого конфликта с Москвой и сохранить свои позиции¹⁹⁴. Однако такие либеральные устремления Конгресса на рубеже двух десятилетий, по словам западногерманского генерала фон Темпельгофа, скорее возымели бы обратный эффект, так как «уверенность европейцев в способности Соединенных Штатов одержать в будущем кризисе победу исключительно дипломатическими средствами сильно пошатнулась»¹⁹⁵.

Инициативы Кеннеди ставились под сомнение и многими представителями политической элиты США. Так бывший государственный секретарь США, Д. Ачесон, генерал Норстэд, адмирал Рэдфорд и ряд других видных деятелей выступали за идеи самого тесного переплетения ядерных сил США и западноевропейских союзников, но на многосторонней основе, и включение их в единую военную систему НАТО.¹⁹⁶ Дж. Кеннеди не отвергал эти идеи «старой команды» полностью, но считал, что политика «ядерного участия» или «ядерного распределения» (nuclear sharing) вела к опасной

¹⁹³ The Department of State Bulletin, 09.04.1957. P. 651.

¹⁹⁴ CR. Vol. 105, 1959. P. A504, 7034, 10056, 17056, 23887.

¹⁹⁵ Foreign Affairs Vol. 39. July, 1960, P. 42.

¹⁹⁶ Detente: Cold War Strategies in Transition, Ed. By E.L. Dulles and R.D. Crane, NY., 1965. P. 271-272.

децентрализации контроля над ядерным оружием и потенциально создавала ситуацию, особенно в случае Западного Берлина, когда западноевропейские страны могли применять его по собственному усмотрению¹⁹⁷.

Пока американская дипломатия перестраивалась на новый лад и пыталась выработать свою обновленную стратегию в Западном Берлине, в ФРГ все чаще начинают приходиться к выводу, что правительство Аденауэра находится уже на «закате своих лет» и не может оказать должного воздействия на своего основного союзника. Канцлер все больше начинает склоняться в сторону Франции и концепции де Голля сближения со странами Западной Европы, которую французский президент называл «третьей силой»¹⁹⁸.

Ощущая, что Аденауэр стремительно отходит от идей атлантической солидарности, весной 1961 года Кеннеди предпринимает решительные действия по стабилизации ситуации в альянсе, сменив свою риторику вокруг Берлинской проблемы с «пряника на кнут». В конце мая 1961 года, в ходе визита Кеннеди в Париж, в своей речи он дал ясно понять, что не пойдет ни на какие компромиссы с Советским Союзом по Германскому вопросу¹⁹⁹. 25 июля 1961 года американское правительство открыто заявило о готовности защищать Западный Берлин и перечислило ряд мер по повышению боеспособности американских вооруженных сил, а 28 июля выступило с заявлением, подтверждавшим решимость США защищать Западный Берлин.

Таким образом Кеннеди сознательно идет на обострению ситуации с Москвой, с целью консолидации альянса. Именно в этот момент позиции США и ФРГ предельно сблизились. Так, на специальной сессии НАТО 8 августа 1961 года были утверждены конкретные меры по укреплению военной группировки североатлантического альянса в ФРГ в связи с обострившейся

¹⁹⁷ Ibid. 28.07.1958. P. 157-164.

¹⁹⁸ Internationale Politik 19.09.1960. P. 37.

¹⁹⁹ FOIA CIA. G.W. Pedlow. NATO and the Berlin Crisis 1961: facing the Soviets While Maintaining Unity.

URL.http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/16/NATOandBerlinCrisis.pdf

ситуацией вокруг Берлина²⁰⁰. Президент Кеннеди однозначно высказался за сохранение обязательств в отношении Западного Берлина, выступив с заявлением, что США «полны решимости сохранить обязательства по защите Берлина, невзирая на любую опасность»²⁰¹. Более того такая политика американского президента находила безусловное понимание в силовых структурах США, которые летом 1961 года, несомненно, задавали тон в Вашингтоне. Так например, в поддержку инициатив Бонна выступали Совет национальной безопасности и ЦРУ во главе с Алленом Даллесом²⁰².

В свою очередь правительство ФРГ, заручившись столь мощной поддержкой США, резко перешло в наступление и уже откровенно преследовало лишь одну цель: объединение Германии под своей эгидой далеко немирными средствами. Центральное место в боннских стратегических замыслах занимала «полицейская акция» против восточного немецкого государства, которая была замаскирована притязаниями на единоличное представительство в духе доктрины Хальштейна и «правом» ФРГ поглотить ГДР²⁰³.

Когда Франц-Йозеф Штраус 2 августа 1961 года вернулся в Бонн, он выразил удовлетворение по поводу того, как по другую сторону Атлантического океана подходят к решению Берлинского кризиса.²⁰⁴ Командование бундесвера согласовывало по времени свои планы с «чрезвычайными планами» НАТО «на случай заключения мирного договора Советского Союза с ГДР», подписание которого планировалось на осень 1961

²⁰⁰ Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der atlantik – Charta 1941 bis zur Berlin – Sperre 1961. Wien. Zurich. 1961. Hauptband II. S. 662.

²⁰¹ FRUS. 1958-1960. Volume VII, Part II. Berlin Crisis. 1994. P. 792.

²⁰² FRUS. 1961-1963. Vol. XIV, Berlin crisis, 1961-1962, Doc. 77. Memorandum of Minutes of the National Security Council Meeting. 19.07.1961. P. 219-222; FOIA CIA. Joint Chiefs of Staff Decision on United States Outline Plan for Berlin. 03.08.1961. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/16/1961-08-03b.pdf FOIA CIA. NARA. News Conference 14, President Kennedy. 19.07.1961. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/16/1961-07-19a.pdf

²⁰³ FOIA CIA. Meeting of the Interdepartment Coordination Group on Germany. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/16/1961-07-12d.pdf

²⁰⁴ Die Welt. 15.07.1961.

года.²⁰⁵ Заключение этого договора должно было послужить предлогом для западногерманских провокаций на путях сообщений с Западным Берлином, которые в свою очередь должны были дать повод бундесверу начать операцию по возвращению ГДР «под крышу отчего дома», то есть в сферу господства Федеративного правительства²⁰⁶. Таким образом, накануне возведения Берлинской стены Аденауэр, исполняя роль истинного дирижера Берлинского кризиса, мог рассчитывать на то, что США и НАТО открыто выступят с заявлениями о готовности предоставить «гарантии» Западному Берлину и угрозами всеобщей термоядерной войны в случае, если государства-участники Варшавского договора придут на помощь ГДР²⁰⁷.

К июлю 1961 года ситуация накалилась до предела. Дипломатические эскзерсисы участников кризиса скорее напоминала «игру мышцами» на грани ядерной войны, а не инструмент разрешения конфликта.

Можно предположить, что нижнем маркером непосредственно активной фазы Берлинского кризиса, в течение которого было принято решение о закрытии границы в Берлине, стала речь Кеннеди от 26 июля 1961 года. В своем выступлении президент США обозначил три основных принципа американской позиции по Берлинской проблеме, в случае нарушения которых Вашингтон перейдет к открытой фазе боевых действий²⁰⁸. Эти три «необходимых компонента» включали в себя «свободу доступа», «присутствие западных войск» и «жизнеспособность» (т.е. поддержание прочных связей, в том числе экономических, Западного Берлина с ФРГ)²⁰⁹. Но, что наиболее важно, принцип свободы передвижения между западными и восточными секторами Берлина не входил в эту «неприкасаемую тройку», а

²⁰⁵ Archiv der Gegenwart: Die weltweite Dokumentation für Politik und Wirtschaft (AdG), 1961. S. 9287.

²⁰⁶ Adenauer K. Erinnerungen 1959-1963. Stuttgart, 1968. S. 209-210.

²⁰⁷ Department of State Bulletin, 29.01.1962. P. 168.

²⁰⁸ Special National Intelligence estimate: soviet and other reactions to various of action in the Berlin crisis. 12.11.1961. <http://www.foia.cia.gov>

²⁰⁹ Smyser, W. R. "Kennedy and the Berlin Wall : "a hell of a lot better than a war", Lanham, 2009. P. 74.

значит вариант «стены» имел безусловное преимущество²¹⁰. Более того, реакция на него Запада прогнозировалась, в принципе верно, как максимально мягкая.

Стена – это безусловный провал американской дипломатии в ходе Берлинского кризиса, который поставил под сомнение состоятельность доктрины «гибкого реагирования» и лишь усугубил «кризис доверия» в НАТО. Как и предполагалось советской стороной, сооружение Берлинской стены вызвало вполне естественное моральное осуждение на Западе. Первая реакцией со стороны западного блока на строительство стена стала демонстрация военной мощи, в то числе у самой пограничной линии. Но эта акция не могла быть расценена как ответные действия западных стран, она носила символический характер и была направлена скорее на поддержку морального духа союзников США, чем на устранение угрозы со стороны СССР.

Во избежание потери статуса сверхдержавы в глазах своих союзников, Вашингтону было необходимо как можно скорее найти асимметричный ответ на возведение Берлинской стены. Американцы резко меняют свою риторику и делают акцент на то, что мирное урегулирование конфликта - единственно возможный вариант сохранения мира и безопасности в условиях современного миропорядка. Это тезис повсеместно начинает позиционироваться США как постоянная и неизменная официальной позиция Белого дома, которая не подвергается сомнению уже долгие годы. Наиболее точно позицию американского руководства на наш взгляд сформулировал сенатор от

²¹⁰ У советской стороны конечно же имелись и другие альтернативы возведению стены, но все они означали непозволительную для ситуации Холодной войны «потерю лица» либо для одной, либо для другой стороны. К примеру, предлагавшийся Западом компромисс в виде восстановления четырехстороннего статуса всего Берлина, упомянутый в докладе Ульбрихта, вовсе не был компромиссом с его точки зрения: он означал утрату ГДР своей столицы при сохранении для немцев возможности свободно уходить на Запад. С другой стороны, рекомендованные им самим в качестве компромисса меры типа ликвидации центра воздушных сообщений в Западном Берлине или закрытия всех западноберлинских аэродромов (что должно было предотвратить установление «воздушного моста», как это было в 1948-1949 гг.), не имели, конечно, никаких шансов быть принятыми западной стороной.

республиканской партии Э. Дирксен: «исходя из опыта предыдущих лет, мы все отдаем себе отчет, к чему могут привести такие международные конфликты... Москва подвергает риску всю систему международных отношений грубыми действиями... мы же должны взять ситуацию под контроль, не допустить еще большего произвола... сделать это исходя из соображений безопасности и стабильности в мире»²¹¹.

Следующим шагом США по возврату инициативы в свои руки стало заявление Кеннеди от 13 сентября 1961 года, что Соединенные Штаты готовы вести переговоры с СССР по Германской и другим проблемам. После чего начался советско-американский обмен мнениями по вопросам, связанным с германским мирным урегулированием²¹². В сентябре советский министр иностранных дел А.А. Громыко встретился с государственным секретарем Д. Раском в Нью-Йорке. С января по март переговоры о Берлинском мирном урегулировании проводились в Москве при участии американского посла Л. Томпсона и в Вашингтоне при участии советского посла А. Добрынина.

В первые дни после кризиса Вашингтон не исключал вероятности заключения компромиссного соглашения сугубо по Западному Берлину, но только в случае, если бы оно устроила все стороны. Принципиальным в данном случае было то, что такое решение должно было исходить именно от Соединенных Штатов - гаранта мира²¹³. Поэтому в ходе сентябрьских переговоров Кеннеди с Хрущевым американское правительство продолжало поддерживать тесный контакт с союзниками по НАТО, особенно с ФРГ, внимательно выслушивая мнение Бонна. Д. Раск, выступая по западногерманскому телевидению, отметил, что «союзнические отношения всегда будут иметь для США приоритет. ФРГ – важный партнёр Америки в

²¹¹ CR. Proceeding and debates. Vol. 112. Part 4. P. 917a.

²¹² Special National Intelligence estimate: soviet and other reactions to various courses of action in the Berlin crisis. 12.11.1962. URL. <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/soviet-and-other-reactions-various-courses-action-berlin-crisis>

²¹³ FOIA CIA. Berlin Negotiation. 12.09.1961. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/16/1961-09-12a.pdf

Европе»²¹⁴. Ему вторил влиятельный сенатор У. Фулбрайт, говоривший, что «важно сохранить доверие внутри НАТО... Президенту Кеннеди следует внимательно относиться к мнению наших союзников, особенно к позиции ФРГ...»²¹⁵.

Тем не менее американское и западногерманское руководство стремительно расходилось во взглядах на уроки Берлинского кризиса. Несмотря на то, что Вашингтон неоднократно выступал с заявлениями в духе Фулбрайта и Раска, у немецкой стороны все больше нарастало недоверие к намерениям своих партнеров. Дело в том, что события августа впервые очень наглядно продемонстрировали немцам реальное отношение Соединенных Штатов к Берлинской проблеме. Для американцев Западный Берлин всегда был, прежде всего, символом биполярной системы. Неудача в этом вопросе, безусловно, нанесла бы удар по их статусу сверхдержавы, однако, в отличие от ФРГ, она никогда не грозила стать национальной катастрофой для США. Поэтому, когда ситуация накалилась до предела Вашингтон предпочел «сдать город» ради сохранения собственной безопасности. Для Бонна же судьба этого города - их исторической столицы - было принципиальным вопросом не только с точки зрения безопасности, но и перспектив воссоединения нации.

Поэтому для ФРГ самым ранним уроком Берлинского кризиса стало то, что несмотря на все громкие заявления о прочности своих союзнических обязательств, Вашингтон легко может пожертвовать интересами безопасности своих партнеров по НАТО ради сохранения своего безоговорочного статуса сверхдержавы в глазах мирового сообщества. Так например, у министра иностранных дел ФРГ Г. Шредера сложилось прочное впечатление, что «США забыли где находится Берлин... на самом деле Вашингтону необходимо уладить отношения с Москвой, чем он и занимается, а трагедия Берлина – лишь повод для их переговоров»²¹⁶.

²¹⁴ Foreign Affairs Vol. 40, January. 1962. P. 61-63.

²¹⁵ CR. Proceeding and debates. Vol. 110. Part 12. P. 1201-1204.

²¹⁶ Der Spiegel. N 4. 21.01.1962. S. 13-14.

Вторым уроком Берлинского кризиса для ФРГ стало признание ее руководством необходимости трансформировать внешнеполитическую стратегию страны в части доктрины Хальштейна²¹⁷. Западногерманское руководство понимало, что в результате кризиса на грани ядерной войны оказались не только заинтересованные в разрешении конфликта страны, но и все мировое сообщество. Поэтому, если ФРГ не отойдет от своих агрессивных доктрин, рано или поздно она окажется в абсолютной изоляции, как основной агрессор и угроза всеобщей безопасности.

Однако практические шаги в этой области были невозможны, пока ключевые посты на политическом Олимпе занимали представители «эпохи Аденауэра», такие как министр обороны Франц-Й. Штраус, ближайший советник канцлера Ганс Глобке, министр иностранных дел Генрих фон Брентано, министр по особым поручениям Генрих Кроне и другие. Этот факт лег в основу третьего урока Берлинского кризиса ФРГ : для дальнейшего благополучия Западной Германии ей необходимо обновление своего политического облика правящей элиты.

Осознание уроков Берлинского кризиса Соединенным Штатам пришло несколько позднее, чем ФРГ. Дело в том, что попытки США провести мирные переговоры по урегулированию кризиса в Берлине велись на фоне разгорающегося, более опасного для американцев, Карибского кризиса. В такой ситуации у Вашингтона объективно не хватило времени дать взвешенную оценку произошедшему, а тем более сделать какие-либо выводы. Как следствие, инициативы компромиссного соглашения «по горячим следам» быстро себя исчерпали, а новых инициатив уже не последовало. Черту в этих переговорах подвел специальный представитель президента США Ч. Боулс, заявив 16 января 1962 года следующее: «Окончание Берлинского кризиса трудно предвидеть. Для того, чтобы снизить опасность прямого столкновения,

²¹⁷ См. подробнее: Борисова К.А. Эволюция отношения США к доктрине Хальштейна (середина 50-х – середина 60-х гг.) XX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 7. 2014 г.

необходимо новое соглашение, которое обеспечит будущее Западного Берлина и всего человечества»²¹⁸.

Спустя ровно год с момента возведения Берлинской стены министр обороны США, выступая перед конгрессом, сказал, что «мирные инициативы Соединенных Штатов и попытки урегулировать ситуацию вокруг Берлина не принесли никакого действенного результата... после размещения советских ракет на Кубе под угрозу была поставлена национальная безопасность США»²¹⁹.

Таким образом, напрашивается вполне справедливый вывод о том, что с началом нового международного кризиса проблема Западного Берлина отошла на второй план. Однако одним из основных уроком для США по итогам в равной степени как Карибского, так и Берлинского кризиса было то, что в случае распространения ядерного оружия подобные конфликты могут привести к мировой катастрофе, если оно окажется в неправильных руках. В результате, эти идеи легли в основу инициатив, которые в современной литературе принято называть «малой разрядкой».

Формально окончанием Берлинского кризиса можно считать заявление Хрущева на VI съезде СЕПГ (январь 1963 года) о том, что заключение мирного договора не является более особо срочной задачей, так как с возведением стены удалось преодолеть кризис и стабилизировать ситуацию в регионе²²⁰. Мирный договор по Западному Берлину так и не был подписан. Сверхдержавы, сделав определённые выводы и желая избежать повторения Берлинского кризиса впредь, предпочли больше не возвращаться к вопросу Западного Берлина как к самостоятельной проблеме. Вплоть до 1971 года он рассматривался лишь в общем контексте проблем европейской безопасности и возможного сотрудничества в Европе²²¹.

²¹⁸ The Department of State Bulletin. 12.02.1962. P. 252

²¹⁹ CR. Proceeding and debates. Vol. 110. Part 12. P. 1201-1204.

²²⁰ Правда. 25.01.1963.

²²¹ FRUS. 1961-1963, Volume VII: Arms Control and Disarmament. Washington: GPO., 1994. P. 872.

Резюмируя все вышесказанное, следует подчеркнуть, что события Берлинского кризиса 1958-1961 года наглядно продемонстрировали степень зависимости внешнеполитического курса ФРГ от позиции США и их способности договориться друг с другом, особенно в вопросах безопасности. Безусловно, Вашингтон на данном этапе не мог не учитывать мнение своего союзника, чью судьбу кризис непосредственно затрагивал. Для Вашингтона ФРГ, государство находившееся на стыке двух мировых систем, с внушительным военным и экономическим потенциалом было одним из эффективнейших рычагом воздействия на союзников. При таком раскладе игнорирование политики Бонна в отношении Западного Берлина грозило провалом всей американской стратегии в регионе. Поэтому, после выдвижения ультиматума Хрущева в 1958 году, США столкнулись с проблемой согласования жесткой позиции Аденауэра с нежеланием других западноевропейских стран ввязываться в опасный конфликт с Москвой и необходимостью поддержания собственного имиджа сверхдержавы в международных отношениях.

Лавирование между этими тремя переменными в ходе выработки единой стратегии альянса все больше приводило к непоследовательности и перекосам в действиях Вашингтона. Это в свою очередь сказывалось на затягивании решений по самому Берлинскому вопросу вплоть до лета 1961 года.

После возведения Берлинской стены, вопреки ожиданиям ФРГ, США не стали продолжать эскалацию конфликта, а напротив после серии формальных заявлений о недопустимости советских действий, вернулись к переговорной политике и поиску компромисса с Москвой. Несмотря на открытое недовольство подобными инициативами США, ФРГ приходилось с ними мириться, так как возможности для самостоятельных действий во внешней политике у Бонна были относительно ограничены.

Угроза ядерной войны подтолкнула мировое сообщество к мысли, что эскалация конфликта с целью давления на своего противника ведет отнюдь не к укреплению собственной безопасности. И в первую очередь эти выводы

касались именно Западной Европы. Европейское сообщество в 1961 году, оказавшись в ходе кризиса под прямой угрозой уничтожения, отчетливо начинает осознавать необходимость создания собственной системы безопасности на базе кооперации и развития сотрудничества в регионе, а не наращивания военного потенциала противоборствующих блоков²²². Безопасность в Европе постепенно начинает трактоваться не как инструмент военного реагирования НАТО, а как единая политическая доктрина мирного урегулирования конфликтов на континенте, которая безусловно должна была согласовываться с внешнеполитическими приоритетами США, но не подчиняться им.

Однако главный, но в тот момент еще интуитивный, вопрос на пути к этим идеям заключался именно в форме европейского сотрудничества, которое должна была лечь в основу системы европейской безопасности. И в этом контексте, для нас крайне примечательна была трансформация внешнеполитической позиции Бонна в свете уроков Берлинского кризиса. Западногерманское руководство не только подвергло сомнению доктрину Хальштейна, но и постепенно начинает признавать сложившиеся объективные реалии поствоенного мироустройства.

²²² Nukleare Miteirkung: Die Bundesrepublik Deutschland in der atlantischen Allianz 1954-1970. Berlin, 1972. S. 516-517.

3. Эволюция взаимодействия США и ФРГ на закате «эры Аденауэра» (1961-1963 гг.)

Итоги Берлинского кризиса, достигшего своего апогея в августе 1961 года, отчетливо высветили неадекватность Аденауэровской «восточной политики» текущим реалиям международных отношений. К осени 1961 года в ФРГ обозначился значительный спад популярности правящей партии ХДС/ХСС и резкий подъем влияния сторонников СДПГ, которых возглавлял бургомистр Западного Берлина В. Брандт²²³. В результате на выборах 17 сентября 1961 года блок ХДС/ХСС впервые теряет свое абсолютное превосходство, получив всего 201 мандат в бундестаге, и остается у власти лишь в виде коалиционного правительства с СвДП²²⁴. Характерным для выборов 1961 года в ФРГ было влияние «личностного фактора», который и оказал решающее влияние на их исход. Так, партия ХДС сохранила основную часть голосов за счет «культы личности» Аденауэра. Верная ему часть электората считала, что он «единственный политик в Западной Германии, кто способен преодолеть «стену» и разрешить Берлинский вопрос»²²⁵. Партия социал-демократов напротив получила значительный процент голосов благодаря харизматичной личности В. Брандта, который «пока Бонн разводил дискуссии о возможности и невозможности урегулирования конфликта, находился в самой гуще событий и предпринимал реальные шаги по спасению города»²²⁶. По итогам выборов стало очевидно, что уход Аденауэра в отставку был вопросом времени. Так, если на выборах 1957 года за партию ХДС/ХСС было отдано 50,2% голосов, то в 1961 году она получила всего 45,4%, тогда как за СДПГ проголосовало 36,2% избирателей (31,8% в 1957 году)²²⁷.

²²³ См. приложение № 1. Таблицы 1 и 2.

²²⁴ См. Приложение № 2.

²²⁵ Kohler H. Adenauer: Eine politische Biographie. Frankfurt am Main, 1994. S. 763.

²²⁶ Ibid. S. 765.

²²⁷ Statistisches Jahrbuch für Bundesrepublik Deutschland 1969, Stuttgart, 1970. S. 97b.

Несмотря на то, что Аденауэру все-таки удалось одержать победу на этих выборах, ему пришлось пойти на серьезные уступки. Накануне выборов канцлер пообещал фракции ХДС/ХСС не занимать этот пост на весь срок избрания и уйти в отставку заблаговременно. В письме председателю фракции, Г. Кроне, Адеунауэр сообщил, что по его глубокому убеждению отставка будет необходима, чтобы дать его преемнику возможность провести победную кампанию на выборах 1965 года²²⁸.

После выборов в составе руководства страны произошли серьезные изменения. Так на пост министра иностранных дел вместо Г. фон Brentано пришел Г. Шредер (бывший министр внутренних дел). Как и Brentано, он тоже был представителем партии ХДС, однако они принадлежали разным поколениям политиков. Если первый являлся министром иностранных дел номинально, не выходя из тени Аденауэра, который осуществлял реальную внешнюю политику, то Шредер был яркой политической фигурой, с собственным видением внешнеполитических реалий и своей, подчас независимой от Аденауэра, стратегией. На одном из съездов ХДС в 1962 году Шредер заявил о необходимости задуматься о преемнике Аденауэра и лучшим кандидатом на эту роль был, по его мнению, Людвиг Эрхард²²⁹. Возможно поэтому довольно логичным выглядит то, что наряду с министерством экономики, которое продолжал возглавлять Эрхард, появляется министерство экономического сотрудничества и развития во главе с Шеелем, которому передавалось часть полномочий, тем самым снимая нагрузку с Эрхарда на данном этапе.

Наряду с этим команда Людвиг Эрхарда активно набирала политические очки. Многие видные западногерманские деятели, несогласные с политикой Аденауэра, становились на сторону человека, который уже совершил «чудо» для Германии. Они стали рассматривать последний этап канцлерства

²²⁸ Kleinmann H.-O. Geschichte der CDU 1945-1982. Bonn.1993. S.186-187.

²²⁹ Archive für Christlich-Demokratische Politik (ACDP), Bonn, Bestand CDU/CSU-Fraktion, 8-001. Plenarsitzung 23.03.1962.

Аденауэра в качестве «переходного периода» к новому правительству во главе с Эрхардом. Отметим, что сам канцлер видел своим приемником Генриха Кроне, а Эрхарду он отводил роль президента страны. Помимо кандидатуры на пост канцлера, его разногласия с партией касались и сроков его отставки. Так, если сторонники Эрхарда ждали ухода старого канцлера к концу 1962 года, то сам Аденауэр считал, что должен покинуть пост в 1964 году.

Все это свидетельствовало о том, что, несмотря на весь авторитет Аденауэра, канцлер уже не обладал прежним влиянием на политический процесс. Берлинский кризис продемонстрировал политической элите ФРГ, что «принципы и схемы, которых немцы придерживались в 50-е годы, более не работают и могут привести страну к еще более печальным последствиям, чем стена, которой отгородились советские страны»²³⁰. Представитель партии СвДП Вальтер Шеель на заседании в Бундестаге прямо призывал руководство страны быть более бдительными в свете последних событий, чтобы «союзники ФРГ также не отгородились» от них. Опасения Шееля были вполне обоснованы, так как угроза «национальной безопасности собственной страны была куда важнее, чем вопрос объединения с соседней»²³¹.

Помимо сложностей, которые испытывала ФРГ после Берлинского кризиса в международной политике, ситуация постепенно осложнялась и внутри страны. Впервые после «экономического чуда» ФРГ испытала частичный кризис перепроизводства в тех отраслях, где прежде показатели были крайне стабильны, как, например, в металлургии или угольной промышленности. Если с 1955 по 1960 годы темпы экономического роста увеличились практически в два раза, то с 1961 по 1965 годы – лишь на 32%, причем до 1963 года они составляли лишь 10%²³². Снижение темпов роста производства и в то же время растущие потребности расширения рынка сбыта

²³⁰ Die Bundesrepublik Deutschland und Frankreich. Dokumente 1949-1963. S. 800-801.

²³¹ Die Welt. 20.05.1962.

²³² Statistisches Jahrbuch für Bundesrepublik Deutschland 1969, Stuttgart, 1970. S. 99.

все сильнее способствовала изменению внешнеполитической парадигмы ФРГ. В ходе заседания бундестага в начале 1962 года со стороны социал-демократов все чаще слышались призывы рассматривать Берлинскую проблему в контексте уже свершившихся событий, поиски решения которой должны носить долгосрочный характер: «сейчас важно стабилизировать ситуацию в экономической сфере и только после этого поступательно решать весь комплекс проблем, связанных с судьбой Берлина», избегая ультимативности в этом вопросе²³³.

Для того, чтобы вывести диалог по Западному Берлину из формата «размахивания кулаками» к более продуктивному обсуждению, на заседаниях бундестага СДПГ стала предлагать конкретные шаги по улучшению жизни граждан в городе в условиях уже возведенной стены. Среди таких предложений звучали инициативы по внесению поправки к Закону о развитии и содействии экономики и к Закону о налоговых льготах в Западном Берлине²³⁴. Характерно, что и фракция ХДС/ХДС подвергла частичной ревизии свои внешнеполитические установки, в результате чего на Аденауэра со стороны части однопартийцев было оказано серьезное давление. Так, например, в июне 1962 года в ходе заседания фракции на секции «Германия, Европа и свободный мир» Аденауэр, желая избежать неприятных разговоров о преемнике и скорой отставке, в очередной раз в противоречивой манере подверг жесткой критике действия США в ходе Берлинского кризиса, призвав делегатов действовать решительно и «не опасаться критики тех союзников, которые и привели Берлин к катастрофе»²³⁵. Однако выступление канцлера подверглось серьезной критике со стороны депутата Копфа заявившего, что, несмотря на его солидарность с канцлером, данная тема не была

²³³ Plenarprotokoll vom 22.05.1962. Deutsche Bundestag. Vierte Wahlperiode. Dresden. 22 Sitzung, Donnerstag, 22.03.1962. S. 547.

²³⁴ Entwurf eines Gesetz zur Änderung des Gesetz zur Förderung der Wirtschaft and des Steuerleichterungsgesetzes von Berlin (West). 22.01.1962; 25.01.1962; 25.06.1962; 27.06.1962; 30.05.1962.

²³⁵ Archive für Christlich-Demokratische Politik (ACDP), Bonn, Bestand CDU/CSU-Fraktion, 8-001. Bestand Bundesparteitag 11-17.06.1962. N 28.

предусмотрена повесткой заседания и «общая позиция блока отталкивается от принципов сотрудничества и дружеских отношений с союзниками»²³⁶.

В то время, как в ФРГ наметилась внутривластная перестройка, в апреле 1962 года в ходе неофициальных переговоров с СССР американцы вновь предприняли попытку урегулировать Берлинскую проблему, подготовив ряд предложений, которые сводились к следующему: принятие обязательств двух сверхдержав о препятствовании дальнейшему распространению ядерного оружия, обмен декларациями о ненападении между странами НАТО и ОВД, формирование ряда комитетов для установления технических контактов ГДР и ФРГ, а также создание международного органа по наблюдению за сообщением между Западным Берлином и Западной Германией²³⁷.

Пункты, которые предусматривали установление контактов двух германских государств, вызвали всеобщее негодование в Бонне. Министр иностранных дел Г. Шредер выступил в прессе против переговоров о статусе Западного Берлина, подчеркнув, что на данном этапе положение города должно рассматриваться не как субъект международного права с особым статусом, а, «в первую очередь, как территория, населенной немецкими гражданами»²³⁸. В первую очередь, он призвал задуматься о благополучии жителей города, который за последнее время испытал серьезные экономические и политические потрясения²³⁹. Заявление западногерманского министра в свою очередь вызвало негодование США, Кеннеди заявил, что «США отказываются слышать, что переговоры не должны продолжаться. Эти переговоры будут идти... Когда настанет трудный час, главное бремя ответственности падет на Соединенные Штаты, и от них ожидают главных акций... поэтому США обладает некоторым правом, по крайней мере, изучать

²³⁶ Ibid.

²³⁷ Foreign Affairs. 01.1963. P. 24-25.

²³⁸ Die Welt. 16.04.1962. S. 12-13.

²³⁹ Ibid.

возможности в поисках приемлемых решений...»²⁴⁰. В результате такой жесткой позиции Вашингтона Бонн вынужден был заявить о своей поддержке переговоров, но в печати и выступлениях западногерманских лидеров продолжала чувствоваться нота недовольства подобными тенденциями. Так, например, в журнале Шпигель советник Аденауэра по иностранным делам Х. Остерхельдл отметил, что «Западный Берлин, несмотря на свой особый политический статус, был, есть и будет немецкой территорией...мы обязаны заботиться о процветании этого города так же, как и о других городах нашей страны»²⁴¹. В феврале 1962 года, размышляя на тему активизации США в Берлинском вопросе, этот же журнал пришел к выводу, что «переговоры в Женеве между Томпсоном и Громыко носили скорее общий характер, Западный Берлин выступал лишь в качестве предлога... на самом деле проблема разоружения, так оживленно обсуждаемая ядерными державами, очень косвенно связана с Берлином...складывается впечатление, что США в Западном Берлине экспериментируют и смотрят, до чего удастся договориться»²⁴². Американо-западногерманские отношения еще более были омрачены новостями о том, что генерал Люциус Д. Клей, глава администрации американской зоны оккупации в Берлине, направленный американским руководством для личного контроля за ситуацией в городе, был отозван из города несмотря на то, что накануне сам генерал обещал берлинцам «пробыть в городе столько, сколько будет необходимо»²⁴³.

В ответ на этот шаг правящий бургомистр Западного Берлина В. Брандт в своем интервью сообщил, что, если сопоставить обещания генерала Клея и его отзыв из Берлина сейчас, можно сделать вывод, что «Кеннеди больше не видит необходимости защищать Берлин от Советов, а значит его удовлетворяют достигнутые договоренности с СССР... по мнению президента

²⁴⁰ Newsweek. 21.05.1962. P. 3-4.

²⁴¹ Der Spiegel N 7. 14.02.1962. S. 25.

²⁴² Ibid. S. 47-49.

²⁴³ Lucius D. Clay Papers. The George C. Marshall Foundation. URL. http://marshallfoundation.org/library/wp-content/uploads/sites/16/2014/06/Clay_Lucius_D.pdf

США Берлину больше ничего не угрожает, а значит генерал выполнил свою задачу. Однако генерал Клей должен и мог сделать гораздо большее, чем было сделано»²⁴⁴. В ходе американо-западногерманского обмена мнений в этой связи Д. Раск поспешил сообщить, что Госдеп вынужден «принимать меры, вопреки даже собственным желанием, чтобы сохранить стабильность в регионе ввиду опасных действий СССР, однако меры эти временные... США будут поддерживать ФРГ в Берлинском вопросе, пока он не будет решен окончательно»²⁴⁵. После этих вынужденных заявлений Госдепа отношения с ФРГ отошли на второй план, ибо США полностью втянулись в Карибский кризис.

Карибский кризис 1962 года наглядно продемонстрировал западноевропейскому сообществу неизменность позиций и жесткость расстановки приоритетов во внешней политике Соединенных Штатов. Президент V республики Ш. Де Голль дал очень лаконичную характеристику происходящему: «господин Кеннеди очень непоследователен в отношениях с Европой. Он отказывается выстраивать полноправные партнёрские отношения со странами Западной Европы, по всей видимости, желая сохранить свое доминирующее положение, но он не учитывает, что ситуация в мире изменилась и Европа тоже не стоит на месте»²⁴⁶.

Важно отметить, что политическая активность Вашингтона на тот момент все больше концентрировалась в руках министерства обороны США, во главе которого находился Р. Макномара. С целью повышения эффективности доктрины «гибкого реагирования» он инициировал увеличение численности американских вооруженных сил для ведения локальных «ограниченных войн» во избежание «массированного возмездия»²⁴⁷. Эти подвижки в позиции

²⁴⁴ Ibid. N 18. 02.05.1962. S.30.

²⁴⁵ FRUS. 1961-1963, Volume VII: Arms Control and Disarmament. 1994. P. 1076.

²⁴⁶ Le Mond. 27.08.1962.

²⁴⁷ Ibid. P. 987-988.

министерства обороны США свидетельствовали о том, что внимание США было окончательно смещено на периферию международных отношений²⁴⁸.

Западные немцы остались наедине с Берлинской стеной, а вопрос о будущем Берлина был сведен на уровень региональных проблем альянса. Ситуация усугублялась и расколом в руководстве страны, что на фоне нерешенности Берлинской проблемы сильно сказывалось на внешнеполитическом образе ФРГ.

Желая завуалировать свои неудачи, канцлер решает вернуться к осуществлению целей, которые были поставлены еще в начале 50-х годов. Аденауэр делает акцент на усиление процессов интеграции ФРГ в союз западноевропейских государств, в основе которого, по его мнению, должно лежать франко-западногерманское сотрудничество. Этот резкий поворот внешней политики Аденауэра объяснялся прежде всего нежеланием канцлера просто оставаться на обочине переговорного процесса о судьбе Западного Берлина. Смена курса Аденауэра получила поддержку Бундестага, а министр иностранных дел Г. Шредер, несмотря на ряд противоречий с канцлером, сообщил на заседании сессии НАТО, что «все западноевропейские страны представляют единое целое и ФРГ будет прикладывать максимум усилий, чтобы внутриевропейское единство только крепло»²⁴⁹.

Если рассматривать франко-западногерманские отношения в ретроспективе, то в 50-е годы Париж всегда являлся одним из приоритетов в европейской политике ФРГ. Их двусторонние контакты особенно интенсифицировались с приходом к власти де Голля, в конце 50-х годов, когда Аденауэр неоднократно посещал Французскую столицу²⁵⁰. Ввиду озабоченности по поводу американской и английской позиции в Германском

²⁴⁸ К июню 1962 года количество военнослужащих в армии увеличилось до 2 808 000 человек, в сравнении с июлем 1961 года, когда американская армия насчитывала 2 483 000 человек.

²⁴⁹ Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte. Bonn, 1962. S. 470-473.

²⁵⁰ Пилько А.П. Выход Франции из военной организации Североатлантического альянса (1965-1966)/Преподавание истории и обществознания в школе, № 6, М., 2010. С. 17.

и Берлинском вопросе, Де Голль в глазах Аденауэра стал самым верным союзником.²⁵¹ Помимо этого, канцлер с подозрением относился к особым отношениям между Англией и Америкой. Желание канцлера держать Великобританию на расстоянии от внешнеполитической линии ФРГ было вполне обоснованным, и здесь он сходилась во взглядах с Де Голлем, который «был зол на англичан за их неуважительное отношение к нему во время лондонской эмиграции военных лет»²⁵².

Ревностными сторонниками франко-германского сближения руководители этих стран стали по разным причинам. Своей главной целью генерал Де Голль считал достижение «величия Франции». Однако в условиях Холодной войны, когда все страны западного блока были так или иначе зависимы от США по вопросам безопасности, подобные планы были заведомо нереализуемы. Это подталкивало Де Голля к необходимости улучшения отношений по линии Восток-Запад и непосредственному сотрудничеству с Москвой. Кроме того Франция взяла курс на разработку собственной бомбы, после чего американо-французские отношения начали неуклонно портиться²⁵³. Де Голль отказался от «традиционного противостояния с Германией и верил будущее Франции дружбе с историческим врагом»²⁵⁴.

Стоит отметить, что первая встреча канцлера ФРГ и Ш. Де Голля произошла 14-15 сентября 1958 года в ходе официального визита Аденауэра во Францию. Тогда обозначались определенные разногласия в видении путей дальнейшего развития евроинтеграции и вопросах необходимости реформирования НАТО, которое казалась Де Голлю неизбежным. После этого в ходе дальнейших двусторонних встреч обсуждались исключительно конкретные проблемы, носящие неотложный характер, и, несмотря на постоянные многообещающие заявления двух стран о дружбе и

²⁵¹ Руссков В.В. Политика ФРГ и США по вопросам развития европейской системы безопасности. Томск, 2007. С. 320.

²⁵² Bulmer S. The Changing agenda of West German public policy. Dartmouth, 1989. S. 78.

²⁵³ The New York Times. 06.07.1958.

²⁵⁴ Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. М., 2005. С. 273.

сотрудничестве, вопрос об углублении франко-западногерманской кооперации не поднимался.

Ситуация изменилась в 1962 году, когда Аденауэр решил лично сообщить Де Голлю о своих намерениях посетить Францию в середине марта, чтобы обсудить возможные перспективы сотрудничества в Европе, прежде всего речь должна была идти о создании единого политического союза европейских государств (ЕПС) на базе ЕЭС²⁵⁵.

Идеи создания единого политического союза европейских государств появились еще в середине 50-х годов с целью создания «третьей силы», наряду со сверхдержавами. Однако все предлагаемые проекты рассчитывались на долгосрочную перспективу и носили скорее теоретический характер, и лишь после Берлинского кризиса государства Западной Европы приступили к их реализации. Пока Вашингтон фокусировал свое внимание на возможных способах действий на новом этапе противостояния с Москвой, а внимание к европейскому континенту рассеивалось, напряженность в Западной Европе начала постепенно снижаться. Это позволило западноевропейским государствам сосредоточиться на развитии процессов интеграции на континенте. Прежде всего это коснулось ЕЭС²⁵⁶, которое в начале 1962 года перешло ко второму этапу создания Общего рынка. В июне 1962 года общими усилиями двух стран была приведена в действие общеевропейская сельскохозяйственная политика ЕЭС, особенно выгодная Парижу. Наряду с углублением экономического сотрудничества, стали также предприниматься попытки политической интеграции²⁵⁷. С 1961 года этот вопрос курировала комиссия «шести государств» под председательством Кристиана Фуше. Начав свою деятельность в феврале 1961 года, комиссия долгое время не приносила

²⁵⁵ Poidevin R., Bariety J. Frankreich und Deutschland: die Geschichte ihrer Beziehungen. 1815 – 1975. S. 435.

²⁵⁶ Европейское экономическое сообщество — региональное интеграционное объединение двенадцати европейских государств, основанное в 1957 году.

²⁵⁷ См. подробнее: Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. Учебное пособие. Под редакцией А.С. Манькина /Н. Н. Наумова. Возникновение и эволюция западноевропейской интеграции. С. 58-65.

видимых результатов, однако после того, как в январе следующего года вниманию «шестерки» был представлен второй французский проект, названный ввиду своей бескомпромиссности планом Де Голля, ситуация изменилась.

По мнению одного западногерманского дипломата и внешнеполитического советника Аденауэра, Х. Остерхельда: «Де Голль просто вычеркнул любые связи европейской обороны с НАТО, как и необходимость генерального секретаря и ряда других институтов, которые должны были содействовать развитию сообщества» и связывать союз с уже существующими международными организациями²⁵⁸. В результате такого политического переполоха Де Голль был вынужден просить личной встречи с канцлером ранее, чем ее планировал Аденауэр. Она состоялась 15 февраля в Баден-Бадене. Переговоры в Баден-Бадене оказались очень конструктивными. Эта встреча дала толчок развитию предметного разговора по созданию ЕПС, который в конечном счете привел к подписанию Елисейского соглашения²⁵⁹. Де Голль особенно старался подчеркнуть степень важности диалога с ФРГ на фоне обострившихся американо-западногерманских противоречий. Французский лидер прямо высказал предположение, что «в скором времени Америка согласится с необходимостью определённой нейтрализации ФРГ, после того, как Германия признает, что у нее никогда не будет ядерного оружия...»²⁶⁰. Аденауэр в ответ лишь подчеркнул, что кооперация европейских государств безусловно «окажет существенное воздействие на Москву, Вашингтон и Лондон... но нельзя забывать, кто из них союзник, а кто враг»²⁶¹.

В ходе встречи стало заметно, что акцент в франко-западногерманских переговорах смещается в сторону усиления их двустороннего взаимодействия.

²⁵⁸ Osterheld H. Ich gehe nicht leichten Herzen... // K. Adenauer. Ein biografisches Essay. Berlin, 1993. S. 55.

²⁵⁹ Kohler H. Adenauer: eine politische biographie. S. 118.

²⁶⁰ Adenauer K. Erinnerungen 1959-1963. Stuttgart, 1968. S. 136-143.

²⁶¹ Ibid. S. 141.

Но очевидно было и то, что в феврале Бонн был еще не готов открыто выступать против воли США. Многие изменилось уже в апреле 1962 года, после появления вышеупомянутого нами очередного американского плана по урегулированию Берлинского вопроса. Канцлер был настолько возмущен действиями Вашингтона, что 10 апреля, опередив события предстоящей конференции министров иностранных дел «шестёрки», уверенно сообщил прессе, что вне зависимости от ее итогов «политическая интеграция Западной Европы уже началась»²⁶². Между тем конференция была провалена, по ее результатам не было подписано ни итоговое коммюнике, ни даже назначена дата следующей встречи. Почти сразу же после неудачи «черного вторника Европы», канцлер предпринял еще одну попытку осуществления политической интеграции на базе трех государств: ФРГ, Франции и Италии. Но Италия отказалась даже от предварительного обсуждения данной инициативы, так как союз без Голландии и Бельгии, по мнению итальянского премьер-министра А. Фанфани, утрачивал бы свою основную задачу - создание единого европейского пространства²⁶³.

В ходе визита Аденауэра во Францию в июне 1962 года канцлер все же настоял на своем и добился от Де Голля обещания совместно потребовать от итальянского премьер-министра дать оценки немецкого проекта на предстоящей конференции шести глав государств. Несмотря на то, что конференции не суждено было состояться, так как государства вновь не смогли выработать единую стратегию сотрудничества даже на предварительном этапе, немецкий проект все же был озвучен другим участникам «шестерки», и этого оказалось достаточно, чтобы франко-западногерманское сотрудничество получило качественно новое развитие.

Аденауэр здраво оценивал преимущества, которые он получит от союза с Францией. Определенное недоверие канцлера к США и Великобритании еще

²⁶² Kusterer H. Der Kanzler und der General. S. 304.

²⁶³ Ibid.

больше подпитывало его стремление укрепить отношения с Парижем²⁶⁴. Аденауэр понимал, что после Берлинского кризиса без поддержки США или Франции Западная Германия не сможет добиться права на полноценное участие в решении наиболее важных вопросов мировой политики. Именно эти мотивы послужили поводом к тому, что к середине 1962 года внешняя политика Бонна претерпела серьезные изменения: отходя от идей создания Европейского политического союза с участием как можно большего количества европейских государств, канцлер ФРГ взял курс на кооперацию с Францией. Подобная смена внешнеполитической ориентации на протяжении предыдущих десятилетий казалась невозможной в силу ряда причин исторического порядка, однако после Берлинского кризиса новое соотношение сил в международных отношениях фактически заставило эти государства сменить линию поведения и пойти на сближение, что бы сохранить единство европейского пространства под напором политики сверхдержав.

Ради достижения намеченных целей Аденауэр был готов отдать роль «первой скрипки» в этом тандеме де Голлю и жить в натянутых отношениях с США. Подобное решение канцлера не могло не обострить дискуссию в правящей элите ФРГ, вызвав критику не только со стороны «атлантистов», но и большей части «голлистов», которые, хоть и одобряли коалицию с Францией, но настаивали на присоединение к новоиспеченной «Антанте» других западноевропейских государств. В руководстве страны проявилась тенденция несогласованности позиций канцлера и правительства. Официальную точку зрения Бонна все чаще стал озвучивать министр иностранных дел, но реальная политика по-прежнему оставалась в руках канцлера в силу его внешнеполитического веса поддержки соратников, которые по-прежнему находились на руководящих постах в исполнительных органах власти. В этой связи нередким стало явление, когда позиции Аденауэра и Шредера не совпадали в их официальных заявлениях, а порой и

²⁶⁴ Adenauer K. Erinnerungen. 1959-1963. Stuttgart, 1968. S. 148.

противоречили друг другу. Посол ФРГ во Франции, Бланкенхорн, обращаясь к Аденауэру и призывая канцлера прислушаться к мнению коалиционного правительства, говорил: «Современная Европа – ваше творение. Вы не можете их разочаровать. Они не должны сказать, что Аденауэр сделал выбор в пользу малой Европы с Италией и Францией или только с Францией»²⁶⁵. Аденауэр не желал прислушиваться к мнению своих соратников, так как, по мнению того же Бланкенхорна, «старый господин стал действительно стар и не владел более многими нюансами, и ни с кем более основательно не советовался»²⁶⁶.

К августу министерство иностранных дел ФРГ сделало заключение, что создание ЕПС означало бы не только политическую победу на фоне американо-советских переговоров вокруг Берлинского кризиса, но и позволило бы ФРГ вернуть свои прежние позиции в экономическом и политическом смысле в Европе. МИД признавал, что даже политический союз с Францией мог стать эквивалентом ЕПС, если его обсуждение будет осуществляться в формате регулярных консультаций глав государств и министров обеих стран. По всем направлениям сотрудничества предлагалось создать условия для постоянного представительства стран, регулярной смены места проведения встреч, тщательной предварительной проработки круга вопросов и постоянно действующей комиссией из высших должностных лиц. Таким образом, немцы настаивали на непрерывности и всесторонности переговоров с Парижем. Помимо этого, итоговый договор о сотрудничестве должен был быть открытым, то есть представлять другим государствам «шестерки» право присоединиться к нему²⁶⁷.

Основным рычагом воздействия на Де Голля должна была стать тактика переговоров по вступлению Великобритании в ЕЭС. По этому вопросу мнение канцлера сильно расходилось с позиций министра иностранных дел Шредера и позицией большинства в бундестаге. Аденауэр не хотел привлекать

²⁶⁵ Из дневника Бенкенхорна. Die Bundesrepublik Deutschland und Frankreich: Dokumente 1945-1963. S. 906.

²⁶⁶ Ibid.

²⁶⁷ Die Bundesrepublik Deutschland und Frankreich: Dokumente 1949-1963. S. 945-946.

Великобританию к процессу создания ЕПС из-за тесных контактов последней с США. Шредер же полагал, что участие Лондона необходимо для того, чтобы у ФРГ была возможность маневрировать, не давая Франции считать себя единственно возможным союзником ФРГ²⁶⁸. Кроме этого, после провала переговоров по ЕПС президент Франции был настроен на «джентльменское соглашение» с ФРГ²⁶⁹. Такой подход Парижа безусловно не устраивал представителей бундестага, которые уповали именно на официальный характер предстоящего соглашения. Аденауэр предложил компромисс в виде простой формы коммюнике, которая не потребовала бы ратификации в бундестаге, но в тоже время придавал бы договорённостям нормативное обоснование. Де Голлю пришлось пойти на уступки канцлеру.

Однако установленный формат все равно сводил все требования министерства иностранных дел на нет, лишая соглашение основной цели – возможности дальнейшего присоединения заинтересованных государств к союзу двух. Договор приобретал форму сговора глав двух государств и мог вызвать только негативную реакцию как со стороны СССР и США, так и европейского сообщества.

Дискуссии в бундестаге о формате предстоящего соглашения с Францией окончательно подорвали позиции канцлера. Во время своего визита в Париж министр иностранных дел ФРГ с учетом всех обстоятельств предпочел сделать шаг назад, внося на рассмотрение французам предложение, предварительно не согласованное с Аденауэром. Шредер заключил, что двустороннее соглашение является преждевременным актом: «для начала необходимо обговорить общие принципы директив для организации и программы дальнейшего франко-западногерманского сотрудничества»²⁷⁰. Он также настаивал на том, чтобы в разделе «оборона» этого документа присутствовала

²⁶⁸ T. Janson. Die entscheidung des deutsch franzosisch Vertrags vom 22 Januar 1963 / Konrad Adenauer und seine Zeit. Politik und Personlichkeit des ersten Bundeskanzler. Beitrage der Wissenschaft. S. 263.

²⁶⁹ Устное или письменное соглашение сторон без каких-либо процедур юридического оформления их договоренностей, например в виде договора.

²⁷⁰ ADD 1963/1. S. 57.

ссылка на НАТО, как основополагающий элемент сотрудничества. Таким образом, предложив неудобоваримую для французов ремарку по НАТО и в тоже время дав возможность обойти такое соглашение, западногерманский министр предпринял попытку нивелировать договоренности Аденауэра и де Голля заключить договор, который не будет нуждаться в ратификации, и вернуть диалог в русло «джентельменского соглашения» и серии ни к чему необязывающих протоколов.

Шредер стремился сохранить хорошие отношения с Вашингтоном, который в конце 1962 года в ультимативном порядке пригрозил Бонну, что в случае «сговора с Де Голлем ФРГ не только окончательно утратит доверие США, но и потеряет свои позиции в НАТО»²⁷¹. После маневра Шредера Г. Кроне, Х. Остерхельд и Г. Глобке, советники канцлера по внешнеполитическим вопросам, которые оказывали сильное влияние на Аденауэра на закате его карьеры, стали настаивать на том, чтобы придать соглашению официальный характер. С точки зрения законодательной инициативы и политического смысла, по мнению советников, подписание Аденауэром протокола о намерениях лишало бы все договорённости с Де Голлем первоначального смысла и стало бы равносильно подписанию приговора всему тому, чего он достиг в течение всей своей канцлерской деятельности²⁷². Осознавая сложности, которые могли возникнуть в ходе ратификации соглашения со стороны проамерикански настроенных сторонников Эрхарда и свободных демократов, канцлер накануне заседания бундестага в январе 1963 года все-таки сообщил о намерении изменить характер соглашения. Сначала он известил об этом МИД ФРГ, затем кабинет министров, федерального президента и председателей партийных фракций, чтобы смягчить шквал критики в свой адрес в ходе заседания.

Однако неожиданная смена внешнеполитической конъюнктуры поставила Аденауэра в непростое положение. После подписания Багамских

²⁷¹ FRUS. 1961-1963. Vol. XIII. West Europe Region. 1995. P. 707.

²⁷² ADD 1963/1. S. 73.

соглашений в Нассау 21 декабря 1962 года и отказа Лондона от создания франко-британских ядерных сил, Макмилан дал свое согласие на участие в разработке многосторонних ядерных сил НАТО. Генерал Де Голль расценил это поведение Англии как предательство «европейского первородства за чечевичную похлебку «Поларисов»» и наложил вето на вступление Великобритании в ЕЭС²⁷³.

Решение французского президента вызвало острую критику ФРГ. В срочном порядке в ФРГ прибыл заместитель госсекретаря США Дж. Болл, который лично рассказал об итогах переговоров в Нассау и о том, что США готовы предоставить неядерными странам-участницам НАТО долю контроля над ядерным вооружением альянса²⁷⁴. Визит Болла не был экспромтом для зондирования почвы. В ходе встречи американский дипломат настоятельно рекомендовал канцлеру использовать предстоящую встречу ЕЭС в Брюсселе для того, чтобы надавить на Францию и повлиять на ее решение относительно членства Великобритании в организации²⁷⁵.

Аденауэр, взвешивая перспективы создания франко-западногерманских ядерных сил после заключения франко-западногерманского соглашения о сотрудничестве и участие в крайне противоречивом проекте МЯС, который обсуждался в той или иной форме без малого пять лет, вопреки ожиданиям Вашингтона предпочел воздержаться от каких-либо действий в Брюсселе²⁷⁶. Однако правительство ФРГ видело в американском проекте куда более реальный шанс приобщиться к ядерному оружию, чем создание совместных ядерных сил с Францией, которые неизбежно натолкнутся на серьезное противодействие не только со стороны восточного, но и западного блока.

Для того, чтобы окончательно не дискредитировать внешнеполитическую стратегию Бонна в глазах США, Шредер, вновь без ведома канцлера, на заседании ЕЭС в Брюсселе сделал заявление, что ФРГ

²⁷³ Die Bundesrepublik Deutschland und Frankreich. Dokumente 1945-1963. S. 924-929.

²⁷⁴ FRUS. 1961-1963. Vol. XIII., Western Europe and Canada. 1994. P. 478-481.

²⁷⁵ Ibid. P. 483.

²⁷⁶ Kohler H. Adenauer: Eine politische Biographie. Frankfurt a.M., 1994. S. 1179-1281.

«желает полного участия Великобритании в ЕЭС»²⁷⁷. Вследствие выходки министра иностранных дел, канцлер, чтобы сохранить свои позиции в глазах Де Голля, был вынужден пойти на беспрецедентный шаг. В ходе своего визита в Париж он форсировал затянувшийся этап двусторонней дискуссии о форме и содержании договора, пошел на ряд уступок французскому лидеру и заключил официальное соглашение с Францией.

Несмотря на то, что соглашение имело форму торжественного договора о франко-западногерманской дружбе, которое до вступления в законную силу еще потребовало бы ратификации обоих парламентов, этот жест канцлера однозначно продемонстрировал Вашингтону, что Бонн предпочел выбрать себе в союзники де Голля. Елисейское соглашение фактически подразумевало совместное планирование и финансирование военных проектов, а также декларировало стремление к сближению внешнеполитических курсов стран²⁷⁸. Сам Аденауэр в связи с этим заявил: «Мы хотим скрепить наши договоренности законом не только потому, что мы обязаны это сделать с точки зрения права, но и потому, что мы хотим благодаря этому подчеркнуть торжественность договора»²⁷⁹.

Чтобы как то скорректировать ситуацию, 13 ноября 1962 года Аденауэр отправился в США. Он хотел лично провести консультации по ситуации в Западном Берлине и выразить руководству США свою полную поддержку в Карибском кризисе. Но в его отсутствие внутри ФРГ, вследствие внутривластного скандала под названием «афера «Шпигеля»» возник кризис доверия к власти²⁸⁰, в результате чего глава ФРГ вынужден был

²⁷⁷ Kohler H. Adenauer: Eine politische Biographie. S. 1198.

²⁷⁸ Soviet objectives in the Berlin crisis. (SNIE 100-13-58). 2.23.1958. URL. https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/DOC_0000269481.pdf

²⁷⁹ ADD 1963/1. S. 124-128.

²⁸⁰ Суть скандала сводилась к тому, что в журнале была опубликована статья, где сообщалось, что основные силы НАТО и ФРГ в случае серьезной опасности не смогут отразить удар противника. Основной фигурой скандала являлся один из основных авторов доктрины Хальштейна министр обороны Ф. Штраус, который решил арестовать руководство «Шпигеля». В результате чего он испытал сильнейшее давление со стороны СвДП, демонстративно подавшими в отставку, требуя правосудия и «головы» Штрауса.

вернуться из Вашингтона ни с чем. Основной фигурой скандала являлся министр обороны Ф. Штраус, правая рука канцлера. Аденауэр, опасаясь потерять поддержку бундестага накануне ратификации соглашения, которое должно было стать его завершающим творением, не стал поддерживать своего министра. Эти события вызвали новый правительственный кризис, в результате которого произошла смена кабинета министров и состоялось назначение фон Хасселя министром обороны.

Результатом Елисейского соглашения стала полная политическая изоляция канцлера. Мировое сообщество очень критично отнеслось к такому договору двух западноевропейских государств. СССР заклеил его «не как пакт дружбы двух народов, а как пакт классового союза франко-западногерманского империализма»²⁸¹. МИД ГДР в своем заявлении отметил, что соглашение «дышит духом враждебности агрессивных сил обеих стран по отношению к мирному сосуществованию, разоружению и урегулированию международных вопросов путем переговоров»²⁸². Премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан предпочел никак не реагировать на это соглашение, ограничившись тем, что назвал его актом «политического сговора». Укрепление оси Бонн-Париж вызвало серьезное негодование и в Соединенных Штатах²⁸³.

Давая характеристику реакции США на франко-западногерманские договоренности, прежде всего стоит сказать, что американцы так же, как и проамерикански настроенные немцы, ожидали подписания протокола, а не официального соглашения. Вашингтон безусловно понимал, что франко-западногерманское сближение и переговоры о сотрудничестве начались задолго до наложения вето Де Голлем на вступление Великобритании в ЕЭС, однако последний визит Аденауэра в Париж разрушил все ожидания

Сам министр обороны говорил о том, что с ним «обращались в то время, как с евреем, который осмелился бы выступить на съезде НСДАП.

²⁸¹ Правда 03.02.1963.

²⁸² DDP. 04.09.1963. Halbband. S. 68-69.

²⁸³ Свердлов Г.М. Лондон и Бонн. Английский империализм и политика перевооружения ФРГ (1955-1963). М., 1963. С. 98.

американцев, поставив под сомнение внешнеполитическую стратегию ФРГ в целом²⁸⁴. Кеннеди назвал это соглашение «недружественным актом со стороны Германии»²⁸⁵. Больше всего американцы опасались активизации «голлистов» в Западной Германии, которые встанут во главе страны после ухода Аденауэра и будут следовать курсу Де Голля по «устранению» США из европейского региона. Дж. Кеннеди в этой связи сказал: «С политической точки зрения нашей главной задачей было гарантировать прочную связь ФРГ с Западом. Теперь Ш. Де Голль делает это собственным способом»²⁸⁶.

Сразу после заключения договора посол ФРГ в США К. Кнаппштайн был приглашен в Белый Дом. Кеннеди высказал свое недовольство поведением ФРГ. Он сообщил послу, что США давно могли заключить подобное соглашение с Францией, но не делали этого, чтобы развить концепцию многосторонних ядерных сил, в которой прежде всего заинтересована была именно ФРГ, но, когда «де Голль выступил против США, Германия решила пойти с ним на сговор»²⁸⁷. В ответ западногерманский дипломат постарался заверить президента, что, несмотря на всю амбициозность формулировок, соглашение носит исключительно процедурный характер и преследует лишь одну конечную цель – укрепление западноевропейского сообщества. Он говорил, что ФРГ не отказывается от своих союзнических обязательств перед США и, более того, поддерживает позицию американцев по поводу вступления Великобритании в Общий рынок²⁸⁸.

Спустя некоторое время реакция Вашингтона смягчилась. Кеннеди поручил Д. Ачесону предоставить ему анализ и рекомендации по поводу атлантической политики США. В специально подготовленном меморандуме Д. Ачесон предлагал не только надавить на ФРГ, чтобы та сделала правильный выбор, но и привлечь внимание руководства страны обещаниями содействия

²⁸⁴ Ball G. W. The Discipline of power: Essentials of Modern World Structure. Boston, 1968. P. 159.

²⁸⁵ FRUS. 1961-1963. Vol. 13. Western Europe and Canada. 1994. P. 149.

²⁸⁶ Schlesinger A.M. Thousand Days: John. F. Kennedy in White House. Boston, 1965. P. 868.

²⁸⁷ ADD 1963/1. S. 162-163.

²⁸⁸ Ibid.

объединению Германии и интенсификации американо-западногерманского сотрудничества во всех сферах, включая военную²⁸⁹.

Елисейское соглашение вернуло внимание Вашингтона обратно в Европейский регион, вызвав серьёзный всплеск внешнеполитической активности Госдепа. Вашингтон делает три справедливых вывода: во-первых, в тандеме Де Голль-Аденауэр ведущая роль принадлежит первому, во-вторых, канцлер осознанно принял новую расстановку сил в Европе, так как ФРГ переживала кризис власти, и руководство страны было расколото, и в-третьих, сторонники «атлантического партнерства» во главе с Эрхардом оказывали серьезное сопротивление канцлеру и его сторонникам²⁹⁰. Однако самым неблагоприятным последствием Елисейского соглашения, по мнению Белого дома, стала приостановка вступления Великобритании в ЕЭС. США были крайне заинтересованы в членстве Англии в этой организации, ведь в расширение Общего рынка они усматривали основы укрепления атлантического партнерства. После ратификации франко-германского соглашения о дружбе этот вопрос был заморожен на неопределённый срок.

Оппозиция Аденауэру во главе с Эрхардом и Шредером также «не видела будущего ЕЭС без Великобритании», так как это способствовало бы сближению организации с США и замедлению дальнейшего развития кризиса доверия НАТО²⁹¹. Осознавая необходимость сохранять целостность атлантического блока и одновременно поддерживать конструктивный диалог с ФРГ в обход Аденауэра, американское правительство к середине 1963 года стало принимать меры по улучшению отношений с ФРГ. Как отмечал один из американских журналов, «в американо-западногерманских отношениях был

²⁸⁹ Brinklye D. Dean Acheson and John Kennedy: Combating Strains in the Atlantic Alliance. 1962-1963 // John Kennedy and Europe/ Ed. By D. Brinkley and R.T. Griffiths. Baton Rouge, 1999. P. 305-306.

²⁹⁰ FOIA CIA. Main trends in soviet capabilities and policies, 1957-1962 (NIE 11-4-57) URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0000269245.pdf

²⁹¹ Подробнее см.: Пилько А.В. Кризис доверия в НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966). М., 2007

предпринят ряд мер по их нормализации, но, несмотря на это, канцлер ФРГ Аденауэр все же относится к действиям США с опаской»²⁹².

Попытка сближения США и ФРГ была предпринята в ходе визита президента США в ФРГ в июне 1963 года. Для США эта поездка была важна не только с точки зрения демонстрации заинтересованности и дружественного отношения к ФРГ, но и служила хорошим поводом для установления новых политических контактов с Л. Эрхардом до его вступления в должность канцлера. Президент намеревался лично встретиться с министром экономики и обсудить проблемы торговой политики ФРГ, развития Общего рынка, позицию ФРГ по поводу вступления Великобритании в ЕЭС и многое другое²⁹³. Кроме того, Кеннеди, в ходе своего визита посчитал необходимым наладить контакты с бургомистром Западного Берлина, Брандтом. Он находил с ним большее взаимопонимание, чем с канцлером, в оценке перспектив отношений «Восток - Запад». Именно в ходе этого визита в Западный Берлин Кеннеди произнес перед немцами свою широко известную всем речь «Я - берлинец». Но, несмотря на заявление президента о том, что США будут твердо защищать интересы Западной Европы и Западного Берлина, смысл речи носил, на наш взгляд, несколько иной характер. Кеннеди открыто заявил о дальнейшей стратегии США по поиску и реализации рациональных путей налаживания отношений между Западом и Востоком, что напрямую обозначало признание Вашингтоном существования двух немецких государств²⁹⁴.

Как позднее отмечал В. Брандт, Кеннеди очень любил вспоминать свой визит в Западный Берлин, поэтому и его слова «Я - берлинец», и обязательства, данные в отношении Западного Берлина, были искренними и не противоречащими общему содержанию его речи²⁹⁵. Давая оценку этому

²⁹² Newsweek. 12.05.1963. P. 9.

²⁹³ Memorandum for Mr. McGeorge Bundy on Reason for the President's Trip to Europe. June 14, 1963. JFKL, NSF, Box 239, Folder "President's trip - Europe, 6/63 - 7/63, General".

²⁹⁴ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 73-75.

²⁹⁵ Там же.

визиту, Брандт также отметил и тот факт, что несмотря на уважительное отношение к Аденауэру, Кеннеди «был недоволен упрямством всезнаек германской внешней политики... У него запечатлелось в памяти, что немецкая сторона практически не внесла никакого конструктивного вклада»²⁹⁶ в разрешение Берлинского вопроса, «капризно» рассматривая его исключительно в своих собственных интересах, чем «подвергала мир серьезной опасности»²⁹⁷.

Последним ярким международным политическим событием в «эру Аденауэра» стало заключение Московского договора. Факт присоединения к договору ГДР как равного субъекта международного права вызвал негодование Аденауэра. В июле 1963 года Аденауэр встретился с министром обороны США Р. Макнамарой. Тот заверил канцлера, что, несмотря на присоединение ГДР к договору о запрете испытаний ядерного оружия, это не меняет внешнеполитической ориентации США в отношении этого образования. Министр ссылаясь на то, что основополагающей целью договора являлось углубление раскола между СССР и КНР, так как китайцы отказывались его парафировать. Однако после того, как оба государства все же ратифицировали соглашение, их примеру последовали другие союстраны, в частности ГДР, что и повлекло за собой *de facto* автоматическое признание всех присоединившихся к договору государств. Несмотря на публичные заверения Макнамары о солидарности с Аденауэром в отношении ГДР, реакция канцлера была подвергнута серьезной критике. Как отмечал в тот момент в своем интервью вышедший в отставку глава ЦРУ А. Даллес: «неадекватность политики Аденауэра...его эгоизм и неспособность оценивать реальную ситуацию в мире ставят под сомнение всю его карьеру как передового политика Запада». Ведь когда речь идет о «безопасности и

²⁹⁶ Брандт В. Ук.соч. С. 75.

²⁹⁷ Там же.

стабильности в мире, выставляя на передний план личные склоки двух немецких государств крайне недальновидное решение»²⁹⁸.

Однако именно эти непримиримые противоречия двух немецких государств форсировали отставку канцлера. Уходя, К. Аденауэр заявил, что отношения между США и Западной Германией находятся в кризисном состоянии²⁹⁹.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно с уверенностью констатировать, что, несмотря на определённые сложности в американско-западногерманских отношениях, их взаимодействие всегда оказывало решающее влияние на формирование всего внешнеполитического курса ФРГ и американской стратегии в европейском регионе. Этот постулат не противоречит и тому, что в начале 60-х годов ФРГ сделала временный акцент в своей внешней политике на сближение с Францией. Несмотря на то, что, на наш взгляд, подобный поворот западногерманской политики объяснялся в большей степени не привлекательностью возможных перспектив сотрудничества с де Голлем, а возникшими в ходе обострения кризиса в Берлине разногласиями американского президента и западногерманского канцлера, этот маневр возымел определённый эффект. Во-первых, президент Франции воспринял западногерманскую трактовку Берлинской проблемы и стал активно критиковать попытки США и Великобритании «договориться» с Москвой. Во-вторых, новые отношения Аденауэра с де Голлем хоть и гипотетически, но все же изменили расстановку сил в НАТО, оставив Великобританию в меньшинстве. Так или иначе, этот маневр подчеркнул нарастающий кризис доверия в альянса.

Берлинский кризис как бы высветил целый ряд системных противоречий американско-западногерманских отношений, которые имели место и в период их активной кооперации после вступления ФРГ в НАТО. В

²⁹⁸ Foreign Relations. N 12.

²⁹⁹ Daum, Andreas W. Kennedy in Berlin. Washington, 2008. P. 93.

начале 60-е годы Вашингтон не сумел сохранить хрупкий баланс между интересам ФРГ и собственной внешнеполитической стратегии.

Немаловажную роль в сложившихся обстоятельствах сыграл и фактор личностных отношений Аденауэра и Кеннеди. Канцлер, не желая идти на уступки недавно избранному президенту-экспериментатору в вопросе, который трактовался немцами как дело принципа всей нации, начал зондировать возможные варианты воздействия на своего атлантического союзника.

В конечном счете неудачи в попытках создания противовеса США в виде франко-западногерманского альянса вновь продиктовали западноевропейскому сообществу необходимость опоры на США в решении проблем европейской безопасности. Эти события обусловили окончательный «закат эры Аденауэра».

Глава 2. Подготовка почвы для перехода к практическим шагам в сфере европейской безопасности в середине 1960-х годов

1. Переосмысление доктрины Хальштейна в Бонне и реакция Вашингтона (1963-1966 гг).

С середины 50-х годов XX века в ФРГ была взята на вооружение доктрина Хальштейна, которая предопределила развитие внешнеполитической стратегии ФРГ в последующее десятилетие. Суть ее сводилась к тому, что Западная Германия не признавала существования ГДР, как суверенного немецкого государства. Все страны, поддерживавшие отношения с ФРГ, в случае установления каких-либо контактов с ГДР, объявлялись ненадежными партнерами. В результате Бонн разрывал все дипломатические связи с этими государствами. Исключением из этой доктрины являлись отношения с СССР³⁰⁰. «Политика Хальштейна» представляла по сути неприкрытый шантаж Бонна в отношении третьих стран. В ее основе лежал принцип, согласно которому, в первую очередь развивающиеся страны, должны были бы делать выбор: с каким из двух германских государств поддерживать отношения. По логике Бонна предпочтение отдавалось бы ФРГ.

Доктрина Хальштейна не раз подвергалась критике внутри самой политической элиты Западной Германии. Особенно были недовольны социал-демократы. Их лидер Э. Олленхауэр подчеркивал, что реализация доктрины значительно сузит поле для экономической и политической деятельности

³⁰⁰ Основные направления этой доктрины были разработаны в 1955 году Вальтером Хальштейном и Вильгельмом Грехе (в прошлом члены НСДАП), занимавшими ключевые позиции в Министерстве иностранных дел Федеративной Республики Германии. Суть доктрины сводилась к тому, что установление третьими странами дипломатических отношений с ГДР рассматривалось Бонном как «недружелюбный акт» в отношении ФРГ и вело к разрыву отношений с этой страной. Исключение из доктрины составляли дипломатические контакты с СССР в силу их международно-политической значимости. Таким образом, взаимоотношения ФРГ со странами Восточного Блока обрели откровенно негативный окрас во всех их проявлениях.

ФРГ. А подобное снижение маневренности в конечном итоге пойдет лишь на пользу СССР, который осуществляет свои возможности там, где они были упущены Бонном, тем самым повышая свой авторитет. Более того, зачастую Бонну приходилось поступаться основными принципами этой политики. Например, разорвав отношения с Югославией в 1957 году, ФРГ тем не менее сохранила с ней консульские отношения. Когда правительство Камбоджи выступило с заявлением, что оно, будучи нейтральным государством, вправе поддерживать отношения с обоими германскими государствами, у руководства Бонна не оставалось другого выбора, кроме как учредить там свое генеральное консульство, наряду с генконсульством Германской Демократической Республики. Подобные отношения складывались у Бонна с Индонезией, Бирмой и Танзанией.

Особое место в контексте этой доктрины отводилось Западному Берлину, так как понимание сложившегося правового статуса города, как мы уже говорили ранее, у США и ФРГ разнилось. Более того, уже в конце 50-х годов и в самом Бонне начали понемногу понимать невозможность проведения прежней бескомпромиссной «восточной политики» в полном объеме, но альтернативы ей в тот момент у руководства ФРГ не было. Будучи еще вице-канцлером ФРГ, Л. Эрхард утверждал, что заключение, как он выразился, "сепаратного" мирного договора между Советским Союзом и другими странами и «Восточной Германией», то есть с ГДР, ничего не изменит в правовом отношении. Он имел в виду, что мирный договор с ГДР не приведет к международно-правовому признанию второго германского государства и не аннулирует притязания ФРГ на исключительность их прав на ГДР и границы германского рейха 1937 года³⁰¹. Неслучайно подобное заявление будущий канцлер сделал в США. Тем самым он намеревался заручиться поддержкой Вашингтона, доказав жизнеспособность доктрины Хальштейна и после двух острейших международных кризисов.

³⁰¹ Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte. Bonn, 1962. S. 470-473.

Со сменой руководства на проамерикански настроенных политиков в ФРГ - впервые с момента возведения «стены» - появилась возможность свободно маневрировать в вопросе восточной политики с целью изменить свои позиции в западном блоке и вернуть былой политический вес в глазах Вашингтона. С 1963 года Эрхард стремился укрепить свои экономические и политические позиции на европейском континенте и в рамках НАТО. Несмотря на его приверженность к доктрине Хальштейна, с приходом к власти новый канцлер несколько изменил своим прежним принципам. Он выдвигал на первый план не только германо-германские проблемы, но и начал рассматривать весь блок проблем взаимодействия ФРГ с восточными соседями, хоть и косвенно, но предусматривающий, в отличие от отношений с ГДР, возможность ведения диалога. Один из немецких историков К.-Р. Кроте отмечал, что с 1963 года в германской политике ХДС началась «переходная фаза», неизбежная адаптация ФРГ к меняющемуся курсу США³⁰².

На деятельность Эрхарда оказывали влияние, прежде всего, новые приоритеты президента США Джонсона в сфере внешней политики. В ходе визита нового канцлера в США летом 1964 года была заметна сдержанность и особая тактичность Вашингтона. Руководство США, не желая потакать идеям ушедшей «эпохи Аденауэра» по вопросу объединения Германии под эгидой ФРГ³⁰³, ставило перед собой задачу приобщить своего западногерманского союзника к новой доктрине «наведения мостов». Подобная стратегия подразумевала под собой установление контактов с отдельными странами Варшавского договора, которые способствовали бы в дальнейшем подрыву единства социалистического блока, что наносило сильный удар по доктрине Хальштейна,³⁰⁴. Президент Соединенных Штатов настоятельно советовал западногерманскому руководству «не оставлять ноги в бетоне Холодной

³⁰² Kleinmann H.-O. Geschichte der CDU:1945-1982. Stuttgart, 1993. S. 226.

³⁰³ Special National Intelligence estimate, № 100-5-63, 3.19.1963. URL: <http://www.foia.cia.gov>

³⁰⁴ Foreign Affairs // Welles Hangen. New Perspectives behind the Wall. October 1966. October 1966, P. 107.

войны»³⁰⁵, говоря о том, что «наведение мостов» будет не только способствовать объединению Германии, но и ускорит этот процесс³⁰⁶.

Стоит отметить, что президент был склонен все больше опираться на мнение аппарата Госдепа и министерства обороны, а не на сотрудников СНБ, усиливших свое влияние в разгар Берлинского кризиса³⁰⁷. Ключевые позиции при формировании внешней политики занимали госсекретарь Д. Раск и министр обороны Р. Макнамара.

Основными же сторонниками доктрины «наведения мостов» в законодательной власти стали такие политические деятели, как сенатор У. Фулбрайт, Дж. Джавитс, Ф. Черч, М. Мэнсфилд. Они полагали, что ось Бонн – Вашингтон не сможет стать стержнем Североатлантического Альянса³⁰⁸, и настаивали на том, что жесткая ориентация в «атлантических отношениях» на ФРГ спровоцирует недовольство других партнеров США по НАТО.

В условиях эскалации войны во Вьетнаме центр международной напряженности постепенно сместился на периферию. В этих условиях Германский вопрос переставал быть зоной острого конфликта, как в начале десятилетия. Дискуссия по данному вопросу в Вашингтоне приобрела вялотекущий характер и в основном сводилась к обсуждению в рамках Конгресса³⁰⁹.

Для того, чтобы не утратить надежды на взаимопонимание с США, Эрхарду было необходимо подкрепить свои слова о необходимости преодоления раскола Германии мирным путем практическими шагами. Одним из политических деятелей, поддержавших идею «гибкости и эластичности восточной политики», был министр иностранных дел Г. Шредер, который выступал за налаживание прежде всего экономических связей со странами

³⁰⁵ Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность / Международные отношения. М. 1977. С. 155.

³⁰⁶ CR., Vol. 110, P. 10901.

³⁰⁷ Special National Intelligence estimate, № 109-5-61, 9.03.1961. URL: <http://www.foia.cia.gov>.

³⁰⁸ CR., Vol. 110, P. 4966, 19476.

³⁰⁹ Ibid., vol. 109, P. 6579, 24052, 11102; vol. 110, 1966. P. 2416, 19476, 11573; vol. 111, 1965. P. 8626, 12227, 20363, 20436.

восточной Европы, исключая, правда, ГДР. Под его руководством постепенно начался процесс налаживания контактов Западной Германии с социалистическими странами Восточной Европы. Был открыт ряд представительств ФРГ в Польше, Румынии, Венгрии и Болгарии. Канцлер предполагал, что в дальнейшем Западной Германии необходимо мирным путем разрешить пограничный вопрос с Польшей, урегулировать отношения с ЧССР, отказавшись от каких-либо территориальных претензий к этим странам. А в 1965 году Эрхард изъявил пожелание обменяться мирными нотами об отказе применения силы с рядом восточноевропейских стран и СССР³¹⁰.

К 1966 году определенные подвижки во внешней политике ФРГ подтолкнули Вашингтон к поиску новых точек взаимодействия с ФРГ. Несмотря на громкие заявления ряда сенаторов, призывавших Белый дом не делать ставок на ФРГ как на основного партнера США в Европе³¹¹, тот был вынужден идти на сближение с ФРГ. Крайняя заинтересованность США в укреплении своих позиций на европейском континенте и в структуре НАТО, особенно после выхода Франции в 1966 году из военной организации альянса, способствовала тому, что в Вашингтоне стала разрастаться дискуссия о дальнейшей роли ФРГ в этом блоке³¹². Сенатор Джавитс так характеризовал перспективы для ФРГ: «роль Западной Германии будет крайне велика в свете наших сложных отношений с Францией, что приведет Бонн на влиятельнейшие позиции в альянсе... при условии, что ФРГ сможет отойти от бескомпромиссности и устарелости взглядов по ряду ключевых вопросов мировой политики»³¹³. Проблема, однако, заключалась в том, что Бонн был еще не готов менять парадигму двух основополагающих вопросов своей

³¹⁰ Brandt W. Mit Herz und Hand. Ein Mann in der Bewahrung. Hannover, 1970. S. 156-164.

³¹¹ FRUS., 1961-1963. Vol. XIII., Western Europe and Canada P.4905.

³¹² Пилько А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен (1965-1966), М., 2007. С. 69.

³¹³ CR., Vol. 112. P. 12349.

внешней политики, касающихся будущего Германии и доступа ФРГ к ядерной кнопке.

Таким образом, середина 60-х годов стала напряженным периодом для двусторонних отношений США и ФРГ. Правительства двух стран стремились маневрировать между отстаиванием собственных государственных интересов, которые совпадали далеко не во всем, и сохранением выгодного и США и ФРГ единства западного блока. Стоит отметить, что в течение 1964-1966 годов правительство ФРГ неоднократно обращалось к Вашингтону с предложением выступить в поддержку его политики в Германском вопросе. Однако дальше совместных деклараций дело не шло. В этом плане характерна речь президента Джонсона в 1966 году, в которой он заявил, что воссоединение Германии может произойти в результате длительного процесса разрядки в Европе. В частности, он отметил, что в отношениях между Западом и Востоком наметилось улучшение, что являлось необходимым «для того, чтобы достичь воссоединения Германии в рамках большой, мирной, процветающей Европы»³¹⁴.

Однако Бонн, выражая солидарность в отношении этой перспективы в ходе диалога с Вашингтоном, на деле не желал мириться с подобным положением вещей. Несмотря на миролюбивые внешнеполитические декларации Бонна, законодательные, судебные органы власти вплоть до конца 60-х годов продолжали придерживаться прежней линии. Так, в судебном решении от 1967 года о налоге с оборота и компенсационных налогах имеется следующая формулировка: «За территорию государства в соответствии с настоящим решением принимается территория Германского рейха в границах на 31 декабря 1937 года»³¹⁵. Эти территориальные претензии содержались и в принятых бундестагом законах, таких, как закон о воздушном транспорте от 4

³¹⁴ The Department of State Bulletin. Washington, D.C., 24.11.1966.

³¹⁵ Бакирова Г.Я. Международно-правовые аспекты объединения Германии, Казань, 2000. С. 45-49.

ноября 1968 года, закон об ущербе, понесенном в результате репараций от 12 февраля 1969 года и ряде других документов³¹⁶.

Постепенно доктрина Хальштейна стала приобретать форму политического учения, нежели внешнеполитической программы руководства ФРГ, как это было при Аденауэре. В середине 60-х годов среди западногерманских политологов стали звучать мысли о возможности признания ГДР де-факто или даже де-юре с целью различных манипуляций, в частности, для подрыва деятельности восточногерманского правительства. Помимо этого, признание ГДР и отказ ФРГ от притязаний на «единоличное представительство» могло бы устранить причину напряженности в отношениях между двумя странами и сделать возможным некое особое «самостоятельное развитие» ГДР, а ФРГ приобрести возможность стать членом ООН и уменьшить зависимость от союзников по НАТО в Германском вопросе. Среди деятелей СДПГ была крайне популярна концепция «изменения посредством сближения», разработанная на основе идей Шредера, подвергавшегося за это нападкам со стороны своих коллег по партии ХДС. В отличие от ХДС/ХСС социал-демократы отказывались от политики воссоединения Германии посредством насильственного захвата ГДР, пропагандируя стратегию постепенного объединения страны мирным путем.

Окончательная ревизия и полный отказ от установок доктрины Хальштейна были невозможны без обновления состава правящей коалиции Западной Германии. В аналитическом обзоре ЦРУ, посвященном деятельности канцлера Эрхарда, указывалось, что «банкротство внешнеполитического курса канцлера сопровождается постепенным экономическим спадом в ФРГ, который, в отличие от консервативной внешнеполитической доктрины, неизбежно и очень скоро приведет, если не к смене власти в Бонне, то к коренному изменению его политической

³¹⁶ Там же, С. 51.

стратегии»³¹⁷. Действительно экономическая ситуация в ФРГ ухудшилась в связи с наступающим финансовым кризисом внутри страны. Подтверждением тому выступают показатели ежегодного промышленного производства и прироста валового национального продукта ФРГ, которые в 1966 году приближались к нулевой отметке³¹⁸. Так например, если к концу 1964 года, после ухода Аденауэра в отставку, валовой объем промышленного производства почти приблизился к докризисному уровню 1960 года (80,4%), то к концу 1966 г. снизился аж на 83,2%.

Разногласия по вопросам использования доктрины Хальштейна лишь усугубляли разобщенность бундестага. Кандидатура Эрхарда вызывала все больше нареканий со стороны Вашингтона. Канцлер, известный своим «экономическим чудом» в 50-е годы³¹⁹, по мнению американцев, уже не мог адекватно отвечать на вызовы современной экономики в условиях активно развивающегося Общего рынка и тесного переплетения интересов в области военного планирования. Попытки США оказать воздействие на экономическую политику канцлера не увенчались успехом: «Отцу немецкой экономики сложно признать, что его методы более не так эффективны... но изменить это мы никак не можем»³²⁰. Лишь осенью 1966 года, когда немецкая марка начала резко обесцениваться, у Соединенных Штатов появилась возможность повлиять на внутривнутриполитический баланс сил в Бонне в целом. После того, как Л. Джонсон выдвинул требование закупить вооружение у США с целью стабилизации обменного курса, и федеральное правительство ФРГ отклонило это предложение, темпы экономического развития ФРГ впервые после «экономического чуда» ушли в минус, а Эрхард был вынужден уйти в отставку³²¹.

³¹⁷ Special National Intelligence estimate, № 101-13-65Б 26.12.1965. URL: <http://www.foia.cia.gov>

³¹⁸ См. приложение № 8.

³¹⁹ См. приложение № 7.

³²⁰ Special National Intelligence estimate, № 101-13-65Б 26.12.1965. URL: <http://www.foia.cia.gov>

³²¹ См. приложение № 7.

Приход к власти К. Кизингера стал компромиссом между двумя различными группировками в правящем лагере Западной Германии и прежде всего внутри ХДС/ХСС. Одной из таких группировок оставались «атлантисты», которых ранее возглавлял Л. Эрхард, а после его отхода от активной политической деятельности представлял министр иностранных дел Г. Шредер. С приходом правительства «большой коалиции» Шредер получил пост министра обороны. Подобное сочетание политических взглядов и занимаемого поста имело самые благоприятные результаты для ФРГ.

Выступая в 1967 году в Национальном клубе печати в Вашингтоне, канцлер К. Кизингер, коснувшись отношений с США, заявил: «Наши будущие отношения должны принять следующую форму: мы пытаемся создать в лице Европы друга и партнера для США, способного взять на себя, в значительной степени, ответственность за будущее континента, которая лежит сейчас на американцах. Конечно, это сложный путь, и пойдем мы по этому пути в дружбе с США»³²².

Заявление Кизингера звучало в духе своего времени и как нельзя лучше коррелировало с новыми тезисами доктрины Джонсона. Своими словами новый канцлер не только выразил солидарность с американским внешнеполитическим курсом, но и обозначил готовность ФРГ меняться в соответствии с эволюцией внешнеполитической стратегии США. В этом плане характерна и речь президента Джонсона в 1966 году, в которой он не только особенно подчеркнул ценность союзника, который может трезво оценивать внешнеполитическую конъюнктуру, но и затронул вопрос воссоединения Германии, которое было возможно, но только в результате длительного процесса разрядки в Европе. В частности, он отметил, что в отношениях между Западом и Востоком наметилось улучшение, что являлось

³²² Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAP) 1967. München, 1998. S. 351.

необходимым «для того, чтобы достичь воссоединения Германии в рамках большой, мирной, процветающей Европы»³²³.

Желание президента США подчеркнуть особые отношения с Кизингером были продиктованы, прежде всего, отставкой Эрхарда и выходом Франции из военной организации НАТО. Военно-политический союз между Соединенными Штатами и Федеративной Республикой в тот момент был наиболее рациональной, с точки зрения Белого дома, конфигурацией стратегических сил Западного блока. Однако Вашингтон рассматривал это выступление как жест доброй воли в отношении ФРГ. Американская администрация не рассчитывала всерьез, что новый канцлер сможет избавиться от духа доктрины Хальштейна в своей политике на Востоке, и видела в этом возможность для дальнейших манипуляций.

Реакция Бонна на выступление Джонсона оказалась довольно спокойной, что было весьма симптоматично³²⁴. Это объяснялось тем, что с приходом к власти «Большой коалиции» в декабре 1966 года во внутривнутриполитической борьбе позиции СДПГ стали превалировать над позицией ХДС по восточному, в частности, германскому направлению. Так председатель социал-демократической партии Г. Шмидт говорил, что «конституционное требование воссоединения, содержащееся в основном законе, в современных условиях является только моральной статьей воспоминаний и вряд ли может быть наполнено конкретным содержанием»³²⁵.

Можно сказать, что с 1966 года новое правительство К. Кизингера - В. Брандта, приняв решение идти в фарватере внешней политики США, начинает постепенно отказываться от установок доктрины Хальштейна в качестве государственной идеологии, не подвергая ее в тоже время открытой критике. Бонн предпочитал делать практические шаги в сторону Новой восточной политики через министра иностранных дел и вице-канцлера ФРГ В.

³²³ Department of State Bulletin. 24 Oct. 1966. P. 622-625.

³²⁴ Die Welt. 12.12.1966.

³²⁵ Schmidt H. Strategie des Gleichgewichts. Deutsche Friedenspolitik und die Weltmacht. Stuttgart, 1969, s. 150.

Брандта, который с приходом к власти в 1969 году начнет этап ее активной реализации.

Не выходя за рамки предусмотренного предвыборной программой, Кизингер продолжал проводить линию Эрхарда в отношении стран социалистического блока. Сохранение фигуры Шредера в составе нового кабинета министров было явным тому подтверждением. Это свидетельствует о том, что кабинет Кизингера-Брандта постепенно переходил от «политики отбрасывания социализма» к активной «восточной политике» в духе американских пожеланий.

На заседании Бундестага 13 декабря 1966 года это предположение подтвердил и сам канцлер. Кизингер обозначил вектор своей внешней политики, направленный на установление контактов со странами социалистического блока, которого придерживался вплоть до окончания своего канцлерства.

В Бонне стали приходиться к пониманию того, что в условиях сложившейся объективной реальности агрессивные доктрины «с позиции силы» мертвы и требуется поиск новых, более гибких концепций. В 1967 году правительство К. Кизингера установило дипломатические отношения с Румынией, открыло взаимные торговые представительства с Чехословакией, и в 1968 году восстановило дипломатические отношения с Югославией³²⁶. Шмидт, позднее рассуждая об этом выступлении Кизингера, высказал мысль о том, что его речь явилась «объявлением конца старой доктрины Хальштейна». Он сделал вывод, что перспективой Германского вопроса является «возможность *modus vivendi*, который ведет к облегчению положения немцев, отделенных друг от друга. Все остальное является на ближайшее время иллюзией, противоположностью реальной политике»³²⁷.

³²⁶ Hamilton Daniel S. Conflict and cooperation in transatlantic relations, Washington DC, 2004, P. 67

³²⁷ Schmidt H. Strategie des Gleichgewichts. Deutsche Friedenspolitik und die Weltmacht. Stuttgart, 1969, S. 174

Что касается США, то попытки западногерманского правительства проявить «гибкость» в отношениях с соцстранами лишь способствовали их основным задачам, создавая более благоприятную атмосферу для советско-американского диалога. В последний год правления коалиции Кизингера-Брандта в отношениях между США и ФРГ были характерны громкие заявления о «незыблемости особых отношений» двух стран и в то же время нежелание рассматривать «болезненные вопросы». Консервативные круги западногерманского руководства не могли не воспользоваться подобным перекосом двусторонних контактов США и ФРГ, чтобы усомниться в курсе восточной политики министра иностранных дел «Большой коалиции», сведя его новизну к минимуму. «У нас нет никакой причины изменять принципы и цели нашей политики, однако мы имеем основания постоянно проверять правильность наших методов политики и приспособлять их к краткосрочным тенденциям изменений, происходивших в наше время. Мы изменяем не принципы и цели, а методы», - так характеризовал внешнюю политику ФРГ Ф.Й. Штраус³²⁸.

Таким образом, правительство «большой коалиции» (ХДС/ХСС-СДПГ) оказалось не в силах изменить принципиальные положения своей «восточной политики». Оно лишь попыталось придать ей несколько большую гибкость. Однако во время пребывания у власти правительства Кизингера-Брандта, необходимость корректировки внешнеполитического курса ФРГ стала очевидной. Правительство «Большой коалиции» ФРГ, будучи солидарным с администрацией Л. Джонсона, стало придерживаться парадигмы, что в сложившихся условиях прежние доктрины «мертвы» и для реализации заветной цели всего немецкого народа – объединения Германии – «требуется поиск новых, более гибких позиций»³²⁹.

³²⁸ Ein Jahr Bonner grossen Koalition, Berlin, 1968, S. 35.

³²⁹ Давыдов В.Ф., Обременко Т.В., Уткин А.И. США и западноевропейские "центры силы". М., 1978. С. 201.

Эволюция восприятия США доктрины Хальштейна была крайне сложным и неоднородным процессом, который уходил своими корнями в конец 1950-х годов, когда Соединенные Штаты теряют свою стратегическую неуязвимость вследствие запуска советского спутника. Изменение соотношения сил в политической элите США в конце 50-х начале 60-х годов в пользу либералов сильно сказалось как на риторике Соединенных Штатов, так, отчасти, и на реальных взаимоотношениях с правительством Конрада Аденауэра. Доктрина Хальштейна стала казаться Вашингтону чрезмерно агрессивной и рискованной, остаточным явлением начальной фазы Холодной войны.

В свете уроков Берлинского, а, отчасти, и Карибского кризиса стало очевидно, что бескомпромиссность, отсутствие возможности диалога с оппонентом и само существование подобного рода доктрин, может привести к началу мировой ядерной войны, что уже непосредственно затрагивало интересы безопасности самих Соединенных Штатов.

Помимо этого, развязывание войны во Вьетнаме еще сильнее расширило зону нестабильности вокруг Соединенных Штатов. Это продиктовало Вашингтону необходимость стабилизации ситуации в Западной Европе. Укрепление отношений с ФРГ стало для Вашингтона важной задачей в западноевропейском регионе. Ставка на Бонн в вопросах укрепления НАТО объяснялась как экономическим потенциалом ФРГ, который был значительно выше, чем у Франции, отношения с которой неуклонно обострялись, так и тем, что в середине 60-х годов происходят подвижки в правящей элите ФРГ.

В Бонне укрепляются позиции альтернативных христиан-демократам сил, с которыми Вашингтон начинает вести диалог в духе доктрины «наведения мостов», взятой на вооружение США в 1963 году. Руководство Соединенных Штатов отчетливо понимало, что если ФРГ будет продолжать свою восточную политику, опираясь на доктрину Хальштейна, это лишь спровоцирует дальнейшую консолидацию восточного блока вокруг СССР, что

противоречило самому замыслу американской доктрины, которая была направлена, прежде всего, на постепенную дестабилизацию Восточного блока.

2. От планов создания «многосторонних ядерных сил» к договору о нераспространении ядерного оружия 1968 года

В начале 60-х годов XX века на фоне усиления трений с президентом Франции, Ш. Де Голлем и активизации процессов евроинтеграции Вашингтон стал рассматривать проамерикански настроенных политиков в кабинете Аденауэра во главе с Эрхардом и Шредером в качестве потенциальных приемников власти. После того, как дни канцлерства Аденауэра были сочтены, а команда Эрхарда стала набирать политические очки, западногерманские военные стали еще активнее привлекаться американской стороной к организации военного планирования НАТО. Желание избежать углубления «кризиса доверия» в НАТО и укрепить свои позиции на континенте, подталкивало США к интенсивному обсуждению проекта создания МЯС, что для ФРГ было особенно привлекательным³³⁰. На парижской сессии Совета НАТО в декабре 1962 года государственный секретарь Д. Раск подтвердил поддержку этого плана. Он предложил западноевропейским союзникам вернуться к активному обсуждению создания коллективных ядерных сил и выдвинуть свои версии этого проекта, предупредив, что эта задача не должна рассматриваться как компенсация за недостаточно высокий уровень обычных вооружённых сил Североатлантического союза, которые следовало наращивать в первую очередь³³¹.

В результате серии переговоров о начале создания многосторонних ядерных сил в 1962 году в Нассау было подписано соглашение между США и Великобританией, о котором уже упоминалось в предыдущей главе. Хотя в текст пакта Нассау был включен термин «многосторонние ядерные силы», на деле соглашение вовлекало в свою орбиту, по сути дела, лишь два

³³⁰ Подробнее см: Пилько А.В. Кризис доверия в НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966). М., 2007.

³³¹ NATO Strategy Documents. Ed. by G. Pedlow. Brussels, 1997. P. 421.

государства³³². Подобное решение вызвало негодование других европейских держав, в частности, ФРГ, которым отводилась роль пассивных наблюдателей. На этом фоне принятие, уже упоминаемого нами, франко-западногерманского договора о сотрудничестве 1963 года выглядело в глазах Вашингтона как контрмера пакту Нассау со стороны руководства ФРГ³³³. Из Бонна в Вашингтон для консультации был срочно вызван посол США У. Даулинг. По американскому телевидению и радио выступил сенатор У. Фулбрайт (председатель сенатского комитета по международным отношениям). Он заявил, что Соединенные Штаты пересмотрят свою внешнеполитическую линию по отношению к ФРГ, если последняя будет продолжать поддерживать подобный вектор взаимоотношений с Францией³³⁴.

Реакция американского руководства имела сильный резонанс на процесс ратификации соглашения внутри ФРГ. По воле большинства в его текст были внесены важные изменения - добавлена преамбула. Ее суть сводилась к тому, чтобы связать франко-западногерманский альянс с системой партнерства внутри НАТО, снизив роль двусторонних контактов Бонн - Париж, в частности, по таким важным вопросам, как обсуждение военных доктрин и координация стратегических планов. Таким образом, бундестаг, по сути, выхолостил подлинное содержание договора в сравнении с его изначальным вариантом³³⁵.

После отставки Аденауэра вопрос «атлантической солидарности» принял крайне острый характер. После заключения Елисейского соглашения 1963 года у ФРГ появилась возможность лавировать в своей политике между «атлантической солидарностью» и концепцией сближения со странами Западной Европы³³⁶. Новое западногерманское руководство во главе с

³³² The New York Times 07.02.1963.

³³³ CIA FOIA. The Collection of presidential Briefing. The president's Intelligence Checklist. 08.03.1963.

³³⁴ Business Week. 02.03.1963.

³³⁵ Подробнее см: Системная история международных отношений. Под ред. А.Д.Богатурова. Т.2., М. 2009, С. 280.

³³⁶ Internationale Politik 19.09.1960. P. 37.

Эрхардом и рядом других проамерикански настроенных политиков, таких, как Г. Шредер (ХДС), К.-У. фон Хассель (ХДС), являлись представителями «атлантического» варианта внешнеполитической стратегии ФРГ, и с их приходом ФРГ резко обновило вектор своей внешнеполитической ориентации в сторону укрепления атлантического сотрудничества. Они предлагали дальнейшее развитие и углубление кооперации с США, которую Аденауэр в последние годы своего канцлерства упорно отвергал. Идею превращения Западной Европы в самостоятельный центр мировой политики, равнозначный США и СССР, они отвергали как иллюзорную, настаивая на том, что без поддержки США невозможно изменить статус-кво в Европе, сдвинув Германский вопрос с мертвой точки. Проблему американских «ядерных гарантий» они предлагали решать не через «эмансипацию» европейских государств от внешнеполитической стратегии США, а за счет более прочного «привязывания» американских интересов к Европе³³⁷.

Подобные настроения нового руководства ФРГ не могли не быть привлекательными для США. Однако прежде чем делать дальнейшие шаги в сторону укрепления отношений с Вашингтоном, перед новым канцлером ФРГ, Л. Эрхардом, стояла задача выяснить намерения и правильно оценить общий настрой французов после искажения первоначального смысла договоренностей Де Голля с Аденауэром. В первую очередь, Бонн интересовала позиция Парижа в отношении тесного сотрудничества в сфере атомной энергетики и доступа ФРГ к французскому национальному ядерному оружию, о котором говорил президент Франции в ходе двусторонних переговоров в начале 1960-х годов³³⁸. На прямой вопрос канцлера о «ядерной кнопке» Ш. де Голль так же прямо дал отрицательный ответ, после чего «особые отношения» с Францией в военно-стратегической области резко обесценились. Л. Эрхарду больше ничего не мешало заявить, что ФРГ не видит

³³⁷ Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Bd.2, 1963, S. 511.

³³⁸ Подробнее см: Ефремов А.Е. Европа и ядерное оружие. М.: Международные отношения, 1972.

смысла в том, чтобы форсировать развитие франко-западногерманского сотрудничества на двусторонней основе. Он посчитал более целесообразным продолжить его развитие наряду с многосторонней кооперацией в рамках «европейского сообщества», выдвигая на первый идеи создания МЯС и готовясь к дальнейшему активному сотрудничеству в области их создания³³⁹.

Несмотря на то, что инцидент, связанный с заключением Елисейского соглашения, был окончательно исчерпан, проект создания МЯС был временно заморожен в связи с убийством Кеннеди.³⁴⁰ Но в феврале 1964 года, уже при новом президенте США, предложенная еще в 1963 году концепция создания надводного флота кораблей-ракетоносцев со смешанным командованием получила второе дыхание. Эти корабли должны были курсировать в водах Атлантического океана и Средиземноморья, оснащенные ракетами «Поларис» с ядерными боеголовками, но замаскированные под торговые суда. В 1964 году в НАТО было принято решение о создании показательного корабля-прототипа будущих МЯС, который бы стал практическим свидетельством коллективных ядерных сил.³⁴¹

Проект 1964 года изначально поддерживался лишь руководством США и ФРГ. Важно, однако, отметить, что если в начале 1960-х годов боннское правительство рассматривало проект МЯС как прямую предпосылку к дальнейшему распространению ядерного вооружения на национальном уровне в рамках НАТО, то в ходе разработки и длительных консультаций консервативные силы ФРГ все отчетливее начинали понимать, что принятие проекта «многосторонних ядерных сил» сильно ограничит западногерманские амбиции и, в конечном счете, Бонн, напротив, лишится возможности иметь собственное ядерное оружие. После возникновения системы МЯС НАТО создание собственного национального ядерного оружия рассматривалось бы уже как нелояльная политика в отношении стран-союзниц внутри Западного

³³⁹ Пилько А.В. Указ.соч. С. 120.

³⁴⁰ Foreign affairs, 02.1964 P. 23.

³⁴¹ Merchant memorandum. 07.02.1964. National Security File. Subject File. Box 22. LBJ Library.

блока. В данном контексте характерно заявление министра обороны ФРГ Кай-Уве фон Хасселя: «Ввиду того факта, что Западная Германия представляет второй по величине контингент национальных вооруженных сил после США для защиты свободы стран НАТО, легко понять, что мы требуем доли в ядерном планировании и ядерной ответственности».³⁴²

Особую позицию во внутривладеческой жизни Западной Германии по данному вопросу заняла партия СДПГ, которая в 1950-е годы придерживалась довольно жесткой антимилитаристической направленности. Изменив свой курс в этой области в начале 1960-х годов на политику «общности» с ХДС/ХСС, руководство СДПГ выступило в поддержку создания МЯС³⁴³. В результате во внутренней политике ФРГ сложился межпартийный консенсус, в пользу распределения совместно с другими странами «ответственности за эффективные ядерные силы устрашения».

Однако, несмотря на заинтересованность таких западноевропейских стран, как Великобритания и ФРГ в создании МЯС, уже к концу 1964 года Вашингтон стал неоднозначен в своих действиях касательно вопросов ядерной стратегии. В декабре руководство США официально объявило об отсрочке решения вопроса о создании МЯС НАТО. Но после целой серии протестов со стороны ФРГ и длительных переговоров в НАТО, Вашингтон все же согласился не замораживать проект полностью. В Организации Североатлантического договора был создан специальный комитет по ядерному планированию, в ведение которого передавались все необходимые материалы для дальнейшей разработки стратегически важной концепции. В ноябре 1966 года, с целью преодоления кризиса доверия в Североатлантическом Альянсе после выхода Франции из ее военной организации, он был реорганизован в комитет военного планирования НАТО (ныне комитет оборонного планирования). В рамках этого комитета был создан специальный отдел по

³⁴² NHP. Frage der multilateralen Atom-streitmacht und der europäischen Sicherheit. Veranstaltet. 1965. S. 756e.

³⁴³ Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte. Bd. 52. Bonn, 1963. S. 2576.

ядерному планированию. В обе структуры вошли представители Западной Германии.

Важно отметить, что параллельно с этим Л. Джонсон распорядился учредить в США комитет для рассмотрения вопросов о нераспространении ядерного оружия. 21 января 1965 года комитет предоставил президенту отчет, в котором указывал на серьезную угрозу безопасности США в области распространения ядерного оружия, и сделал вывод о необходимости предпринять серьезные попытки по разработке договора о нераспространении ядерного оружия, не дожидаясь решения вопроса о создании МЯС. В докладе отмечалось, что эти два проекта якобы не противоречат друг другу, и любое решение НАТО о разделении ядерной ответственности внутри блока должно включать в себя положение о поддержке его участниками принципов нераспространения ядерного оружия.

Несмотря на это, в 1965 году все-таки был осуществлен проект создания корабля-прототипа ВМФ МЯС: в море вышел эсминец-ракетоносец «Клод-Рикеттс»³⁴⁴. В итоге весной того же года были опубликованы директивы Джонсона, в которых говорилось, что США одобряют лишь такой вариант создания многосторонних ядерных сил, который будет пользоваться поддержкой как ФРГ, так и Великобритании. Здесь он впервые оговаривал новые стратегические цели объединения, говоря о том, что руководство коллективных ядерных сил в лице США, Великобритании и ФРГ должно стремиться к разоружению, режиму нераспространения ядерного оружия, осуществлению обмена информацией, совместному планированию и консультациям по вопросам ядерной стратегии, а также контролю в применении систем ядерного вооружения³⁴⁵.

Новая парадигма Джонсона в отношении МЯС совпала и с нарастающим недовольством правящих кругов ФРГ ходом затянувшихся

³⁴⁴ Foreign affairs, 13.12.1965. P. 35.

³⁴⁵ FRUS.1969-1976, Volume E-2, Documents on Arms Control and Nonproliferation. 1998. P. 1020-1031.

переговоров по данному вопросу и открытым негодованием общественности ФРГ по поводу внешнеполитического курса Соединенных Штатов, в частности, развязыванием полномасштабных военных действий во Вьетнаме. Доказательством этому стали Пасхальные марши 1964 года, проходившие под лозунгами отказа от участия в МЯС. Одним из действенных средств достижения собственной и европейской безопасности, по мнению их участников, признавалась политика обеспечения прочного мира, который был возможен «только в результате прекращения гонки вооружений и ослабления международной напряженности, лежащей в основе гонки вооружений, а также в результате преодоления раскола Германии»³⁴⁶. Это, в свою очередь, уже по мнению руководства ФРГ, находилось в прямой зависимости от того, насколько эффективно функционировал принцип «разделения ядерной ответственности» между партнерами по НАТО. Исходя из этого постулата, канцлер ФРГ Л. Эрхард летом 1964 выступил с заявлением о том, что «МЯС базируется на принципе нераспространения ядерного оружия»³⁴⁷. В своей книге «Оборона или возмездие» Г. Шмидт, один из влиятельных деятелей СДПГ, писал, что подобное «разделение труда» в НАТО предполагало осуществление определённых военных мероприятий в рамках блока. В соответствии с ними на США возлагалась ответственность «за совершенствование и сохранение надежной системы вооруженных сил, оснащенных стратегическим ядерным оружием», а на их западноевропейских союзников, в том числе на ФРГ, формирование вооруженных сил так называемого «щита особых тактических войск НАТО с ядерным потенциалом»³⁴⁸. В основе сотрудничества западноевропейских союзников, с точки зрения правительства ФРГ, должен был лежать принцип «политической

³⁴⁶ Брандт, В. «Мирная политика в Европе», Москва, 1969. С. 97.

³⁴⁷ Die Kabinetprotokolle der Bundesregierung. Bonn, 1982. B.2, s. 507.

³⁴⁸ Schmidt H. Verteidigung oder Vergeitung, Stuttgart, 1961. S 245.

сплоченности» в НАТО, то есть преодоление разногласий среди членов блока и «сплетение американского оборонительного потенциала с европейским»³⁴⁹.

В подобной ситуации участие неядерных государств в объединенных вооруженных силах блока, оснащенных атомным оружием, не означало бы непосредственного доступа отдельных стран к этому оружию, так как решение о его использовании все равно оставалось бы прерогативой США. Создание консолидированной ядерной системы объявлялось бы «действенным средством прекращения гонки национальных ядерных вооружений и создания предпосылок, имеющих своей целью «снижение опасности атомного конфликта»»³⁵⁰.

В свете этих событий становилось очевидно, что проект создания «многосторонних ядерных сил» во второй половине 1960-х годов был обречен на провал. В ходе его обсуждения в ноябре-декабре 1965 года на заседании Бундестага мнения парламентариев сводилось к тому, что проект МЯС не сможет решить проблем разделения ядерной ответственности, особенно в свете начавшихся переговоров о нераспространении ядерного оружия. Так, ряд представителей от партии ХДС во главе с Аденауэром, военный эксперт СДПГ Г.Шмидт, лидер фракции СвДП А. Фон Кульман-Стумм стали активно выступать за прекращение участия ФРГ в переговорах о МЯС, называя проект «троянским конем». Общая идея их выступлений сводилась к тому, что, если ФРГ станет участником многосторонних ядерных сил, не имея собственной бомбы, она будет вынуждена не только отказаться от ее разработки, но и навсегда признать себя неядерной державой, находящейся под покровительством США, Великобритании и Франции³⁵¹. Лидер партии ХСС Ф.Й. Штраус, призывая не отказываться от ядерного планирования НАТО,

³⁴⁹ NHP. Protokoll des internationalen Kolloquium zu Frage der multilateralen Atom-streitmacht und der europäischen Sicherheit. Veranstalter... vom 27. Bis 29. Oktober 1964 in Berlin. Brs., 1965. S. 719-727e.

³⁵⁰ Брандт, В. «Мирная политика в Европе», М., 1969. С. 101.

³⁵¹ BT ParlA. Berlin. L. Erhard: Erste Wahlperiode: 1963-1966. N 510-07a; N 511-11; N 511-20a.

выступал против МЯС, так как платой за него станет присоединение к ДНЯО³⁵².

Финальным аккордом, продемонстрировавшим разочарование ФРГ в перспективах МЯС, стал план Ф.Й. Штрауса, официально представленный общественности в октябре 1966 года. Это был проект договора о создании «западноевропейской федерации» или «конфедерации»³⁵³. Речь шла о создании антикоммунистического блока западноевропейских стран во главе с Бонном. И, несмотря на внешне миролюбивые устремления Бонна, подобные Соединенные Штаты Европы должны были иметь и ядерную силу, которая позволила бы им защитить самих себя и превратиться в равноправного партнера США. Однако подобные идеи шли в разрез преобладающему мнению руководства страны и его официальной позиции по данному вопросу.

На фоне усиления позиций противников МЯС Эрхард предпринял попытку консолидировать ситуацию в Бундестаге, возложив на председателя комитета по внешней политике К. Биренбаха задачу подготовить доклад с рекомендациями о дальнейшей стратегии ядерной политики государства. В результате чего была выработана совместная позиция законодательного и исполнительного органов власти ФРГ, сводившаяся к тому, что «Западная Германия не примет участия в каких-либо проектах многосторонних ядерных сил, если они не будут предполагать создания особой военной структуры». Более того, парламентарий предложил свой вариант МЯС, повторяющий идеи британского проекта «атлантических ядерных сил», но предполагающий создание совместного командования США, Великобритании, Западной Германии и Италии. Эти основные постулаты Биренбаха вошли в документ под названием «Ядерный вопрос», который Эрхард представил президенту Джонсону в декабре 1965 года³⁵⁴. Несмотря на то, что проект Биренбаха получил одобрение со стороны американцев (за проект выступили Д. Ачесон,

³⁵² Ibid. N 512-13: Ausführlichen Bericht der Minister der Verteidigung F.J. Strauss. (07.12.1965).

³⁵³ Strauss F.J. Entwurf für Europa. Stuttgart. 1966. S. 26-27.

³⁵⁴ APP 1965. Band 3. S. 1034. Abgeordneter Birrenbach an Bundesminister Schroder, 13 November 1965.

Дж. Макги, Д. Макклай и Р. Боуи), президент так и не смог оказать должного воздействия на премьер-министра Великобритании с тем, чтобы он создал хотя бы «видимость» серьезного отношения к проекту ФРГ³⁵⁵. В результате британский премьер Г. Вильсон в ходе встречи с канцлером высказал мнение, что Британия выступает за переговоры о создании новых систем ядерных сил, но проблемы разделения ядерной ответственности в НАТО нельзя рассматривать в отрыве от переговоров о нераспространении ядерного оружия³⁵⁶. После этой встречи вопрос о создании коллективных ядерных сил в двусторонних отношениях ФРГ и Великобритании не поднимался.

Несмотря на неудачи и желание комбинировать процесс нераспространения ядерного оружия и создания многосторонних ядерных сил, в 1966 году из-за настойчивости советской стороны США были вынуждены интенсифицировать переговоры о ДНЯО. В ходе консультаций Джонсон и Громько сошлись на том, что Вашингтон никогда не допустит, чтобы кто-либо еще обладал правом на запуск ядерных ракет, однако возможность создания консультативных механизмов совместных ядерных сил НАТО не исключалась³⁵⁷.

Неожиданная для ФРГ смена позиции США относительно вопросов приоритетности МЯС и ДНЯО оказала определённое воздействие и на позицию западногерманского руководства. В Бундестаге среди представителей ХДС/ХСС во главе с Биренбахом стали слышаться призывы отложить создание многосторонних ядерных сил на неопределённый срок. В то же время возможность присоединения ФРГ к ДНЯО рассматривалась лишь том в случае, если США предоставят ей право принимать решения по ядерной стратегии НАТО, чтобы в будущих переговорах о создании МЯС ФРГ

³⁵⁵ FRUS. 1964-1968. Vol. XI. Arms Control and Disarmament Agency. URL. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d119>

³⁵⁶ Wilson on Washington, 26 May 1966. PREM 13/2559. National Archives, London. (?)

³⁵⁷ FRUS. 1964-1968. Vol. XI. Arms Control and Disarmament Agency. URL. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d151>

обладала достаточными потенциалом для участия в них в качестве равноправного партнера³⁵⁸.

С учетом складывающейся в 1966 году внешнеполитической конъюнктуры западногерманское руководство вполне могло рассчитывать на подобные уступки со стороны США. В обстановке кризиса, охватившего НАТО в связи с решением французского правительства выйти из состава военной организации Североатлантического блока, и после того, как к власти в Бонне пришло правительство «большой коалиции» К.Кизингера - В.Брандта (ХДС-ХСС-СДПГ), отношения США и ФРГ изменились в сторону еще более тесного сближения. Выход Франции из военной организации НАТО дал дополнительный толчок к борьбе правящих кругов ФРГ за изменение расстановки сил внутри НАТО³⁵⁹. «Нью-Йорк таймс» в статье «Де Голь и немцы» писал: «В результате этого французского шага значение Германии в огромной степени возросло в глазах других членов союза. Это повысило возможность Бонна торговаться. У Соединенных Штатов еще никогда не было такого соблазна противопоставить Германию Франции»³⁶⁰.

В свете этих событий, в 1967 году, в ходе обсуждения «Общей Стратегической концепции обороны территории государств-членов Организации Североатлантического договора», ФРГ наконец удалось добиться обсуждения в НАТО проекта «передовых рубежей», предусматривающего выдвижение сил НАТО непосредственно к границам социалистических стран. Также Бонн настаивал на использовании ядерного оружия на ранних этапах возможного конфликта в Европе³⁶¹. Подобные идеи высказывались, в первую очередь, христианскими демократами, которые уверяли, что такая стратегия блока теснее привязала бы США к европейскому континенту и уменьшила бы риск ограниченной войны в Европе с

³⁵⁸ ACDP. Bonn, Bestand Sitzung des Arbeitskreisung,. Nachlasse von Hassel. 1-483-287/1. 20.09.1966.

³⁵⁹ Пилько А.П. Выход Франции из военной организации Североатлантического альянса (1965-1966)/Преподавание истории и обществознания в школе, № 6, М., 2010, с. 11.

³⁶⁰ New York Times, 31.03.1966.

³⁶¹ Dokumentation zur Abrüstung und Sicherheit, В.ІІ, S. 66.

применением обычных вооружений. Одновременно они рассчитывали за счет укрепления американских "ядерных гарантий", то есть готовности США применить свой стратегический потенциал в случае вооруженного конфликта, повысить эффективность "устрашения" с целью усилить давление на СССР и особенно его союзников.

В итоге отдельные элементы западногерманской концепции вошли в согласованный в рамках НАТО компромиссный вариант стратегии «гибкого реагирования», который все-таки предусматривал возможность применения ядерного оружия на ранних этапах военного конфликта в Европе. Данная стратегия блока была одобрена в январе 1968 года и изложена в директиве «МС 14/3». Сопутствующий документ, озаглавленный «Меры по применению Стратегической концепции для обороны территории государств-членов НАТО», был одобрен Комитетом военного планирования 4 декабря 1969 года и выпущен в окончательной редакции 8 декабря 1969 года³⁶².

Две изначально противоречивых друг другу идеи, вошедшие в состав общей доктрины НАТО, подчеркивали в какой-то мере новые устремления двуединой концепции Североатлантического Союза – баланс между зарождавшейся политикой разрядки и сохранение политики «устрашения». После проведения ряда исследований в 1968 году страны НАТО впервые согласились с возможностью проведения переговоров с СССР «о частичном сокращении вооруженных сил»³⁶³. Руководству «Большой коалиции» (1966-1969 гг.) становилось все очевиднее, что Вашингтон постепенно обновляет свой внешнеполитический курс в сторону разрядки «международной напряженности» и снижения темпов «гонки вооружения». Однако Боннское правительство не спешило предпринимать какие-либо резкие шаги в этом направлении.

³⁶²NATO Archive. Declaration of the North Atlantic Council. 04.12-05.12.1969. http://www.nato.int/cps/en/SID-5580579B-768FB333/natolive/official_texts_26760.htm

³⁶³The European recovery program. Basic document and background information. Prep. by the Staff of Senate foreign relations committee and House foreign affairs committee. Wash: GPO., 1969. P. 713-764.

В 1968 году наиболее значимым шагом обновленного внешнеполитического курса Соединенных штатов стал договор о нераспространении ядерного оружия. Реакция ФРГ была незамедлительной и крайне резкой. К. Кизингер назвал эти соглашения «ядерным сговором», заявив, что «в диалоге с СССР США прошлись по европейским головам, преследуя лишь собственные интересы»³⁶⁴. Одна из известных немецких газет отмечала: «Не успев адаптироваться к европейской политике Де Голля по отношению к Москве, ФРГ была потрясена подписанием Вашингтоном и Лондоном Договора о нераспространении ядерного оружия, несмотря на то, что этот договор рассматривается как антигерманский»³⁶⁵.

Еще сильнее американо-западногерманские отношения были поколеблены вялой реакцией Вашингтона на события в Чехословакии, когда диссидентские настроения, начавшие распространяться в руководстве Чехословацкой Социалистической Республики, были подавлены военными силами ОВД. В этот момент внутри ФРГ усилилась критика курса Соединенных Штатов за «легкомысленность» и «конформизм», а поддержка «голлистов» в бундестаге, напротив, увеличилась. Так, накануне визита президента Де Голля в столицу ФРГ в конце сентября 1968 года в бундестаге проходили дебаты по внешнеполитическим вопросам. Председатель партии ХСС Ф.Й. Штраус (ХСС) и ведущий идеолог партии ХДС Э. Майоника требовали укрепления франко-западногерманского союза в военной и политической области, чтобы вовлечь Францию в русло своей политики. Однако эти призывы не возымели действия на руководство ФРГ, так как вся внешняя политика ФРГ в тот момент находилась в руках проамерикански настроенных социал-демократов во главе с В. Брандтом³⁶⁶.

Таким образом, в конце правления «Большой коалиции» К. Кизингера вопрос о дальнейшей судьбе ядерного вооружения, которое являлось одним из

³⁶⁴ Berlin Morgenpost, 14.10.1968.

³⁶⁵ Die Welt, 28.09.1970.

³⁶⁶ Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte. Bd. 23. Bonn, 1970. S. 1107.

важнейших компонентов внешнеполитической программы партии ХДС/ХСС, стал серьезным камнем преткновения во внутренней политике страны, оставляя ФРГ в числе основных сторонников жесткой конфронтации. Необходимость развязать этот узел противоречий совпадал и с общей мировой тенденцией к разрядке, когда начиналось постепенное налаживание относительно цивилизованных отношений между противоборствующими блоками. В связи с этим, жесткая позиция К.Кизингера и его нежелание принять новые внешнеполитические реалии создавали угрозу изоляции ФРГ.

Ситуация изменилась после прихода к власти в 1969 году В. Брандта, который немедленно приступил к реализации новой внешнеполитической стратегии. Стоит отметить, что резкая смена той парадигмы, которая определяла поведение ФРГ на международной арене, объяснялась не только внешнеполитическими реалиями, но, во многом, и личностным фактором самого В.Брандта. Новый канцлер так писал о своих размышлениях той поры: «Новым являлось осознание того, что формулы западной политики оказались неэффективными и даже не соответствующими действительности», что подвело Западную Германию к опасной черте³⁶⁷. Таким образом, неудачи на «западном фронте» ФРГ компенсировала за счет постепенной корректировки курса на Восток, так называемой Новой восточной политики. «Двойная функция» укрепления обороны страны и стремления не отставать от общей тенденции к международной разрядке формулировалась Брандтом «как новая задача, имеющая политическое значение для всего мира».³⁶⁸ В этом контексте первым важнейшим шагом нового правительства ФРГ стало присоединение 28 ноября 1969 года к «Договору о нераспространении ядерного оружия». При заключении договора США, Англия и СССР выступали гарантом безопасности для держав, которые присоединялись к ДНЯО на правах неядерных членов³⁶⁹.

³⁶⁷ Brandt W. Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960-1975. Hamburg. 1967. S. 67.

³⁶⁸ Spiegel. 1970. N 31. S. 27-30.

³⁶⁹ Ibid. S. 31.

Присоединившись к договору, В. Брандт не только продемонстрировал гибкость взглядов нового правительства ФРГ во главе с СДПГ, но и заложил основы для проведения в дальнейшем «сознательной ядерной политики», вследствие чего внутри западногерманского государства наметились коренные изменения в области политики безопасности. С этого момента ФРГ полностью отказывается от ядерных амбиций и начинает проводить курс, нацеленный на использование национальной атомной энергетики исключительно в мирных целях. В договоре прямо указывалось на то, что ни одно из включенных в его текст положений не ограничит возможности неядерных стран к мирному использованию атомной энергетики при условии «гарантий МАГАТЭ», то есть контроля за их деятельности со стороны Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Несмотря на столь резкое изменение внешнеполитического курса ФРГ, это были лишь первые шаги Брандта в направлении разрядки. Действительным сюрпризом для всей мировой общественности и доказательством вышесказанного стало то, что западногерманское правительство, не желая более оставаться главным оплотом Холодной войны, одним из первых поддержало идеи разрядки мировой напряженности в конце 60-х годов.

Подводя итоги, стоит отметить, что проводившаяся в течение длительного периода Холодной войны политика Североатлантического Альянса, построенная на использовании бундесвера в качестве основной ударной силы против стран социалистического блока, начинала терять свою состоятельность. Дело в том, что оборотной стороной стремительного экономического взлета ФРГ стал рост озабоченности западноевропейских государств всё увеличивающимися амбициями Бонна, прежде всего в области ядерного планирования.

Желание ФРГ получить доступ к «ядерной кнопке» достигло своего пика на закате «эры Аденауэра», когда этот аспект играл определяющую роль во внешнеполитическом курсе Бонна. Так, в 1963 году именно стремление получить доступ к ядерному оружию подтолкнуло правительство Аденауэра к

заклучению Елисейского соглашения с Де Голлем. Этот же мотив побудил ФРГ поддержать инициативу о создании МЯС.

Однако с середины 1960-х годов ситуация меняется. У Бонна исчезает одна из основных внешнеполитических составляющих, цементирующая внешнеполитическую стратегию ФРГ долгие годы - реваншистская доктрина Хальштейна стала терять свою актуальность в условиях постепенного снижения международной напряженности. В связи с этим внутри ФРГ произошли серьезные изменения как в общественных настроениях, так и в самом правительстве. Спустя долгие годы противостояния ХДС/ХСС и СДПГ наконец-таки пришли к единому выводу о том, что, продолжая принимать активное участие в разработке и создании МЯС, отныне необходимо делать акцент на сознательное «распределение ядерной ответственности» среди стран-партнеров по НАТО.

Анализ той борьбы, которая разворачивалась в высших эшелонах власти в ФРГ вокруг вопроса о доступе к «ядерной кнопке» показывает, что переход к «сознательной ядерной политике» В. Брандта был подготовлен еще в середине 1960-х годов. Однако поскольку Бонн никак не мог переступить через идеологическую заостренность взглядов христианских демократов, которые тогда доминировали в политической жизни, этот процесс растянулся на несколько лет и завершился лишь после прихода к власти СДПГ, лидер которой В. Брандт санкционировал присоединение ФРГ к ДНЯО. Отказавшись от доступа к ядерному вооружению, В.Брандт продолжил форсировать события, взяв курс на «Новую восточную политику».

3. Становление «разрядки по-боннски» и реакция США во второй половине 60-х годов.

Реальные результаты трансформации внешнеполитического курса ФРГ стали заметны уже во второй половине 60-х годов XX века с приходом к власти нового руководства. Изменения коснулись, в первую очередь, состава самого западногерманского правительства. Впервые за всю историю существования ФРГ в него вошли представители от СДПГ, чье понимание внешнеполитической стратегии существенно разнилось с восприятием консервативно настроенных христиан-демократов. Немаловажное влияние на процесс становления внешней политики «Большой коалиции» оказывали и экономические факторы. К 1968 году ФРГ смогла оправиться от экономического кризиса 1966-1967 года, ее промышленное производство выросло на 11,8%, а прирост национального валового продукта составлял 7,3%. Стремительно повышалась и доля стран ЕЭС в экспорте ФРГ³⁷⁰. Более того, к концу 60-х годов в Западной Германии сконцентрировалось более 10 крупнейших корпораций тяжелой промышленности и высокотехнических производств, составив почти одну треть всех западноевропейских концернов³⁷¹. Неуклонный рост западногерманской экономики стимулировал активность транснациональных корпораций, что еще больше повышало

³⁷⁰ Экспорт индустриальной продукции в начале 1960-х годов распределялся таким образом, что США находились на первом месте, американская доля экспорта в страны ЕЭС составляла 18,0%. На втором месте находилась Великобритания (11,2%), на третьем - Франция (5,4%), и только потом ФРГ (3,5%). В середине 60-х годов ситуация изменилась, и на второе место после США (18,1%) вышла ФРГ, превышая долю своего экспорта в страны ЕЭС более чем на 10,2% .

³⁷¹ Усиление конкуренции на внешних рынках во второй половине 60-х годов активизировали процесс концентрации производства и капитала. Так, к концу 1960-х годов 76% выплавки алюминия, 76% добычи каменного угля в Европе находились в руках одной западногерманской монополии соответствующей отрасли. Почти все 100% производства авиационной промышленности и 60% химической концентрировались в трех крупнейших концернах, а основные мощности автомобильной промышленности распределялись между пятью концернами ФРГ.

удельный вес Бонна на мировом рынке, укрепляя взаимозависимость экономик других развитых стран капиталистического блока и ФРГ.

Растущее влияние ФРГ в экономической сфере, закономерно отразилось на желании Бонна при решении экономических вопросов все чаще ставить во главу угла свои внешнеполитические интересы³⁷². Заполучив такой мощный рычаг воздействия на своих партнеров, правительство «Большой коалиции» стало обладателем необходимого инструментария, чтобы вновь начать активно добиваться своей основной цели – объединения Германии. Однако целый ряд факторов таких, как пестрый состав «большой коалиции», намечившаяся трансформация основ внешнеполитической стратегии, повышение значимости ФРГ в НАТО, после выхода Франции из военных структура альянса, предопределил неизбежные изменения внешнеполитического курса Бонна. Происходит резкое обострение споров «атлантитсов» и «голлистов» о будущих путях развития ФРГ, ее внешнеполитической ориентации и возможных последствиях того или иного выбора. В условиях явного кризиса восточной политики своих предшественников предложения о ее реформировании поначалу очень импонировали Кизингеру. Однако канцлер, в отличие от Брандта, стремился реализовать новую стратегию исключительно на базе западногерманского потенциала. Правда, его попытка придать новый облик внешней политике ФРГ на широкой межпартийной основе принесли скромные результаты.

Наметившиеся подвижки во внешнеполитической стратегии ФРГ совпали с тем, что именно в этот момент лидеры сверхдержав предприняли масштабную попытку упорядочить осевой конфликт биполярной системы. С этой целью их руководство сделало ряд шагов, нацеленных на смягчение международной напряженности. В спектре мер, обсуждавшихся американскими и советскими дипломатами, первостепенное значение имели вопросы ограничения гонки вооружений. От прогресса в этой сфере в значительной степени зависел политический климат в Европе и будущее ФРГ.

³⁷² ААР. 1967. Munchen: R. OldenburgVerlag, 1997. S. 113.

Поэтому даже незначительные подвижки ФРГ в сторону разрядки приветствовались обеими сверхдержавами.

Говоря о характере политического взаимодействия ФРГ с США, следует учитывать высокий уровень турбулентности, царившей тогда на международной арене. В фокусе внешнеполитических приоритетов Вашингтона находились не только европейские проблемы, интересовавшие прежде всего Западную Германию. Обострение ситуации на Ближнем Востоке, война во Вьетнаме, которая превратилась в главную доминанту внешнеполитической стратегии США, ничем не лимитируемая гонка вооружений и в то же время постепенное выравнивание стратегических позиций двух сверхдержав – вот далеко не полный перечень проблем, сильно беспокоивших правительство Соединенных Штатов.

В свете этих событий со второй половины 60-х годов не только США, но и европейское сообщество начинает осознано подходить к необходимости создания системы безопасности и сокращению темпов гонки вооружений. Позитивные тенденции к разрядке наметились в 1967 году, когда на сессии совета НАТО в Брюсселе был одобрен план П. Армеля, министра иностранных дел Бельгии, «О будущих задачах союза». В этом документе впервые была зафиксирована идея, согласно которой «военная безопасность и политика разрядки не противоречат друг другу»³⁷³. Таким образом, разрядка мировой напряженности впервые включалась в концепцию безопасности стран НАТО, как одна из ее опор.

Не стоит забывать, что стратегия альянса корректировалась, в первую очередь, внешнеполитическими установками Соединенных Штатов. Неслучайно доклад Армеля хронологически предшествовал первым попыткам Вашингтона установить диалог с Москвой.

Важно отметить, что разговоры об ограничении гонки вооружений начались еще в период «малой разрядки». Именно тогда в Вашингтоне, по

³⁷³ Sicherheitpolitik der Bundesrepublik Deutschland, Dokumentation. 1945-1977, Köln, Bd.1. 1979. S. 363.

сути, впервые задумались о том, чтобы упорядочить и стабилизировать отношения с Москвой. В то время эти намерения рассматривались руководством ФРГ как шаг назад на пути к "объединению Германии". Несмотря на то, что на закате «эры Аденауэра» в Бонне уже начинали понимать невозможность проведения прежней бескомпромиссной «восточной политики» в духе доктрины Хальштейна, альтернативы ей в тот момент у ФРГ просто не было, отсюда вытекала и непоследовательность стратегии ФРГ в отношении США³⁷⁴. Однако для внешнеполитического курса Кеннеди также были характерны черты конфликта интересов: с одной стороны, перед Вашингтоном тогда стояла задача реализация "великого замысла", укрепления единства западного мира под эгидой США, а с другой – становилась очевидной безальтернативность идеи "мирного сосуществования" двух социальных система. В этих условиях жесткая оппозиция ФРГ любым, даже самым робким, попытками смягчения международной напряженности могла повредить продвижению американских интересов в Западной Европе.

Во второй половине 60-х годов ситуация изменилась. В ответ на попытки США установить диалог с Москвой, руководство «Большой коалиции» предложило свой первый вариант «разрядки на основе баланса сил»³⁷⁵. Эта идея, отвечавшая интересам ФРГ в тех условиях, неоднократно повторялась в выступлениях руководства СДПГ в середине 1960-х, а потом использовалась лидерами «Малой коалиции» в контексте Новой восточной политики Брандта. Изначально идея была сформулирована заместителем руководителя СДПГ Ф. Эрлером и председателем фракции социал-демократов в бундестаге Г. Шмидтом. Базировалась она на принципе стабилизации военно-политического равновесия между Востоком и Западом с целью недопущения вооруженного конфликта между ними. Конкретизируя свои взгляды на механизм поддержания мировой стабильности, представители

³⁷⁴ В.А. Савельев. США: сенат и политики. М.1976. С. 185.

³⁷⁵ Schmidt H. Verteidigung oder Vergeltung. Ein deutscher Beitrag zur strategischen Problem der NATO. Stuttgart, 1961. S.148-168.

СДПГ одновременно со своим вариантом разрядки предпринимают и первые шаги в разработке концепции «контроля над вооружениями»³⁷⁶. Однако в 1967-1968 годах эти идеи носили крайне противоречивый характер в силу того, что ФРГ еще окончательно не отказывалась от идей создания многосторонних ядерных сил. Таким образом, выступая с требованием стабилизации ядерных потенциалов, партия одновременно настаивала на наращивании обычных вооружений НАТО, что вполне уживалось с планами создания МЯС³⁷⁷.

Непоследовательность СДПГ объясняется коалиционным характером правительства ФРГ и сильной позицией христиан-демократов, которые оказывали ощутимое давление на социал-демократов. «Большая коалиция» сохраняла преемственность стратегии "устрашения", которая когда-то была принята в ФРГ в качестве основы "политики безопасности", не желая отказываться от ее конструкции полностью. Получалось, что «разрядка на основе баланса сил» ставила вопрос лишь о противодействии наиболее дестабилизирующим тенденциям "устрашения", вписав его в более широкий политический контекст. С этой целью Ф. Эрлер предлагал приступить к разработке неких "правил поведения" на международной арене с тем, чтобы ограничить возможность военного столкновения двух военно-политических блоков в Европе³⁷⁸.

Таким образом, руководство ФРГ во второй половине 1960-х годов впервые открыто признает необходимость разрядки, но трактует ее не иначе, как «войну мирными средствами»³⁷⁹. Принципиальным моментом этих изменений становится отказ от стереотипов политики "с позиции силы" и акцентирование внимания на мирных способах противоборства двух систем. Один из архитекторов Новой восточной политики Э. Бар во время своего

³⁷⁶Schmidt H. Verteidigung oder Vergeltung. Ein deutscher Beitrag zur strategischen Problem der NATO. Stuttgart, 1961. S.148-168.

³⁷⁷ U.S. Congress. Congressional Record. Proceeding and debates. 1967. P. 375-381.

³⁷⁸ Brandt W. Friedenspolitik in Europa. Stuttgart, 1969. S. 321.

³⁷⁹ Brandt W. Mit Herz und Hand. Ein Mann in der Bewahrung. Hannover, 1970. S.61.

семинара в Москве в 2012 году в ходе неофициальной беседы вспоминал, что «после событий Берлинского кризиса Брандт окончательно осознал, что никто не поможет Германии воссоединиться, кроме самих немцев... размахивать палкой и угрожать бесполезно... к объединению необходимо двигаться мелкими шагами... он говорил, что, возможно, объединение Германии произойдет даже не при их жизни, но оно произойдет...»³⁸⁰. Такой подход объективно содействовал бы постепенному признанию Западной Германией многих императивов международной безопасности, а главное - принципа мирного сосуществования в качестве основы отношений с социалистическими государствами. Г. Шмидт, занимавший пост министра финансов, подчеркивал, что политика разрядки является "продолжением стратегии равновесия, только с привлечением других средств"³⁸¹.

Как мы уже отмечали, канцлер К. Кизингер соглашался со своим министром иностранных дел лишь в том, что добиваться своих задач на востоке необходимо мирными средствами, но не более. После того, как 12 и 21 октября 1967 года Советский Союз передал правительству ФРГ проект декларации о «незыблемости итогов второй мировой войны и послевоенного развития из интересов обеспечения европейской безопасности, прав и интересов каждого государства данного района, в том числе и ГДР»³⁸², Кизингер под давлением христиан-демократов был вынужден ужесточить свою позицию в отношении восточной политики. То, что советская сторона называла «признанием результатов второй мировой войны», К.Г. Кизингер воспринял как требование признать раскол Германии и безоговорочно смириться с фактом советского присутствия в Европе. Брандту пришлось согласиться с позицией канцлера, он и сам «был не доволен действиями Москвы... дальнейшая критика действий ХДС в подобных условиях и вера в

³⁸⁰ Семинар под патронажем Эгона Бара в Москве в 2012 г. URL. <http://www.fesmos.ru/spheres/seminars-egon-bar/report-2012/>

³⁸¹ Bulletin des Presse. N 21. 11.02.1971. S. 228.

³⁸² Ю.М. Соколов, Н.Т. Увайский, Ф.В. Хорохордин. Внешняя политика и международные отношения Германской Демократической Республики. М. 1974, С. 147.

то, что диалог с русским о судьбе Западного Берлина возможен» могли просто его дискредитировать³⁸³.

Как следует из материалов Госдепа, США хорошо понимали, что «различие во взглядах Кизингера и Брандта лежат на поверхности... однако свое соперничество во внешней политике они не выносят на широкую публику, и когда договориться совсем невозможно, Брандт все же идет на уступки канцлеру»³⁸⁴. В связи с этим Вашингтон принимает решение вести две линии переговоров с ФРГ, одну – с Брандтом, другую с Кизингером: «сейчас окончательные решения во внешней политике принимает канцлер... чтобы избежать конкурирующих каналов мы должны лично знакомить Кизингера с нашим видением насущных проблем... однако, перспектива прогресса в переговорах с Советами находится в руках первого, и чтобы не вызывать недовольство канцлера, консультации с Брандтом необходимо вести через Боуи»³⁸⁵.

Маневр Вашингтона был вполне оправдан. Серьезным камнем преткновения для Большой коалиции в 1968 году были две проблемы: подписание договора о нераспространении ядерного оружия и включение в переговорный процесс другого немецкого государства. Необходимость разрешить эти два узла противоречий была продиктована продолжавшейся международной тенденцией к разрядке международной напряженности³⁸⁶. Шеель в одном из своих выступлений довольно точно охарактеризовал ту базу двусторонних контактов, на которой строились отношения США и ФРГ на протяжении 1960-х годов: «Возникла опасность, что мы останемся в изоляции в мировой политике не только по отношению к Восточной Европе, но и в кругу наших западных партнеров... В реализации изменившейся концепции США мы играли роль тормоза³⁸⁷».

³⁸³ FRUS. 1964–1968, Vol. XV, Germany and Berlin. Telegram From the Embassy in Germany to the Department of State. Doc. 238. P. 608-609.

³⁸⁴ Ibid.

³⁸⁵ Ibid.

³⁸⁶ Eine schwierige partnerschaft: BRD u. USA im Atlantischen Bündnis. Quorum, 1988. P. 259.

³⁸⁷ Europa-Archiv. N 13. 1970. S. 315-316.

Значительные изменения американской внешнеполитической концепции были predeterminedены в ходе избирательной кампании 1968 года. Приход к власти республиканца Никсона в 1969 году был ознаменован появлением новой доктрины, которая предполагала консолидацию сил западного блока под руководством США и отход от «жесткой конфронтации» с Восточным блоком. Спецификой «доктрины Никсона» являлось повышение роли Западной Европы в процессе восстановления американских позиций на международной арене, а также общее укрепление взаимодействия союзников в экономическом и военно-политическом плане³⁸⁸.

Соединенные Штаты обозначили несколько основных методов реализации своих намерений³⁸⁹. Во-первых, наращивание собственной мощи, прежде всего военной. Во-вторых, укрепление «совокупной» мощи Запада с учетом возросшей силы своих союзников. В-третьих, лишение основного потенциального противника возможности создать ситуацию «совокупной силы» на его стороне путем подрыва внутренней стабильности социалистического блока. В-четвертых - «оказание давления на болевые точки противника», прежде всего в экономике и военной политике³⁹⁰.

В конце 1960-х - первой половине 1970-х годов в годы правления республиканцев сохранялась общая тенденция на нормализацию отношений между Востоком и Западом Европы. Несмотря на то, что Никсон зарекомендовал себя сторонником силовой политики, в этот период он вполне прагматически оценивал и возросшие возможности своих потенциальных соперников. Исходя из этих соображений, президент США предпочел сделать ставку на переговоры с СССР, подталкивая его к признанию status-quo (силового и социального) в мире, в Европе.

Что касалось двусторонних отношений с ФРГ, то по логике «доктрины Никсона» первоочередной задачей США было включение союзника в общий

³⁸⁸ Bulmer Simon "The Changing agenda of West German public policy", Dartmouth, 1989. P. 131-132.

³⁸⁹ Public Papers of the Presidents of the United States. 1970. P. 730.

³⁹⁰ FRUS. 1968-1972. Vol. XIII. West Europe and Canada. 1996. P. 729-730.

процесс разрядки международной напряженности. Реализация этого замысла была возможна только при условии смены внешнеполитической парадигмы Бонна по отношению к важнейшим проблемам европейской безопасности и полной отмены доктрины Хальштейна: признание сложившихся в Европе границ (в том числе границы по Одере-Нейце и границы между ГДР и ФРГ), признание факта существования двух независимых германских государств, недопустимости вооружения ФРГ ядерным оружием, неправомерности притязаний ФРГ на Западный Берлин и так далее.

Никсон стремился доказать официальному Бонну, что политическое урегулирование в Европе не может произойти без нормализации отношений с Восточным блоком. И для дальнейшего упорядочивания отношений с соцстранами необходимо на время отодвинуть ряд наиболее болезненных вопросов во избежание очередной провокации с той или другой стороны³⁹¹.

Подчеркивая необходимость пересмотра основных установок традиционной боннской «восточной политики» в условиях, когда требования о пересмотре «Европейских границ и воссоединении» делали невозможными не только нормализацию отношений с социалистическими странами, но и не находили больше поддержки у западных союзников ФРГ, Г. Шмидт писал: «Стратегия равновесия имеет тенденцию к поддержанию status-quo, закреплению и взаимному уважению сфер влияния и демаркационных линий»³⁹². Как отмечал министр экономического сотрудничества и развития ФРГ Э. Эплер, «в этот период перед боннским руководством во всей очевидностью встал вопрос о необходимости официально признать и принять к сведению то, чего нам стоила мировая война»³⁹³.

В свете новой американской внешнеполитической доктрины в ФРГ стала намечаться вторая волна «разрядки по-боннски». СДПГ во главе с Брандтом вновь начинает все активнее выступать за пересмотр политики в

³⁹¹ Die Welt. 27.11.1969.

³⁹² Schmidt, H. Strategie des Gleichgewichts. Stuttgart, 1969. S. 19.

³⁹³ Bulletin des Press. N106. 10.08.1970. S 11045.

отношении социалистических стран. Партия настаивала на развитии концепции "невоенного" противоборства с социализмом, которая основывалась на принципах мирной «трансформации» социалистического строя³⁹⁴. Некоторая модификация внешнеполитического курса стала заметна и для ХДС/ХСС. Но христианские демократы по-прежнему исходили из невозможности серьезного сотрудничества между государствами с различными общественными системами. "Характер конфронтации между Западом и Востоком заключается именно в том, что обе системы... не могут примириться с существованием друг друга, не жертвуя в то же время основами своего существования", - писал один из лидеров ХСС, Ф.-Й. Штраус³⁹⁵.

К концу 60-х годов в «Большой коалиции» наметился резкий подъем популярности и соответственно влияния социал-демократов. К 1969 году и без того революционная стратегия министра иностранных дел В. Брандта дополнилась несколькими важными положениями. Во-первых, по его мнению, Германия была больше заинтересована в разрядке, а не в напряженности, так как без нее невозможно сдвинуть с мертвой точки Германский вопрос. Брандт предлагал взаимоприемлемую политику как для ФРГ, так и других стран, нацеленную на «достижение разрядки без ущерба для безопасности», которая учитывала бы как собственные интересы государства, так и его союзнические обязательства. «Двойная функция обороны и разрядки» формулировалась Брандтом «как новая задача, имеющая политическое значение для всего мира»³⁹⁶. Во-вторых, по мнению будущего канцлера, решение Германского вопроса было возможно только при участии Советского Союза, а не вопреки его воле, поэтому Западной Германии необходимо было выстраивать новые отношения с Востоком, формирование которых должно идти преимущественно в процессе масштабных переговоров на компромиссной основе; в-третьих, ФРГ должна исполнять собственную партию в общем хоре

³⁹⁴ Deutsche Politik. Tatigkeitbericht der Bundesregierung. Berlin, 1966. S. 208-222.

³⁹⁵ ААР. 1967. Munchen: R. OldenburgVerlag, 1997. P. 113.

³⁹⁶ Brandt W. Der Wille zum Frieden. Perspektiven der Politik. Yamburg, 1971. S. 117.

Запада и вносить свой вклад сообразно той ответственности, которая лежит на ней.

Для осуществления новой внешнеполитической стратегии требовалось время. В связи с чем Брандт пришел к справедливому и окончательному выводу, что в период правления «большой коалиции» основным препятствием в ее осуществлении являлась позиция ХДС/ХСС³⁹⁷. Политика раздельного урегулирования отношений с восточноевропейскими странами, проводимая министерством иностранных дел ФРГ до прихода туда В. Брандта, не увенчалась успехом. Тактика «малых шагов», предлагаемая лидером социал-демократов, напротив, могла не только способствовать втягиванию ФРГ в международный процесс разрядки, но и улучшить отношения со странами-партнерами по НАТО.

Однако трансформация «восточной политики» происходила неравномерно. Несмотря на несостоятельность старого политического курса, христиан-демократическая часть коалиционного правительства все еще не желала отказываться от территориальных претензий, по-прежнему продолжая претендовать на единоличное представительство немецкого народа в мировых делах³⁹⁸. Несмотря на возрастающие симпатии к внешнеполитическому курсу Брандта, на протяжении всего своего канцлерства Кизингер был вынужден выступать в роли медиатора между ХДС/ХСС и СДПГ. Однако это не принесло никаких результатов. Финальную точку восточной политики «Большой коалиции» Кизингер поставил на заседании бундестага в апреле 1969 года. Под давлением христиан-демократов в преддверии парламентских выборов, он неожиданно для социал-демократов высказался против признания статус-кво, сложившегося в Европе после второй мировой войны, и вновь заговорил о самоопределении населения ГДР³⁹⁹. Это заявление канцлера озаботило даже либерально настроенных христиан-демократов. Боннские

³⁹⁷ Ibid. S. 245-259.

³⁹⁸ Гордон А.Е. ФРГ и НАТО (1966-1969), М. 1972. С. 79.

³⁹⁹ См. Подробнее: Карягин В.В. Дипломатическая жизнь за кулисами и на сцене. С. 227-230.

политики уже не могли не видеть, что даже союзники ФРГ практически дезавуировали доктрину Хальштейна, пытавшуюся исключить из системы международных отношений страны, признающие ГДР⁴⁰⁰. Особенно ощутимый удар ей наносила политика Франции, направленная на «наведение мостов» со странами Восточной Европы, что расценивалось в ФРГ как стремление обойти доктрину Хальштейна⁴⁰¹.

Незначительные подвижки и подобный «маятник» западногерманской внешнеполитической идеологии вполне отвечали интересам США и идее «наведения мостов». Американское правительство одобрительно относилось к изменениям западногерманского курса, которые позволяли Вашингтону отходить от соблюдения доктрины Хальштейна, не обостряя отношения с союзником. Эти изменения не отменяли доктрину полностью, но они позволяли западным государствам расширять ареал экономических, торговых и других связей с отдельными странами Восточной Европы, сохраняя значительную долю конфронтационности в отношениях с Советским Союзом⁴⁰².

Неуклонное стремление Большой коалиции в лице В. Брандта вписаться в атмосферу советско-американских переговоров и снижение популярности ХДС/ХСС значительно усиливали позиции Бонна в глазах европейских союзников. США в свою очередь, не желая уступать Бонну лидерские позиции на континенте, стремились сохранить определенную долю напряженности в Европе. В риторике Вашингтона все чаще стали слышаться упреки в излишней активности западногерманского правительства «Большой коалиции» в вопросах восточной политики. В ФРГ, напротив, осознали, что громкие заявления Вашингтона о готовности к смягчению международной напряженности не имели реального развития, и новые внешнеполитические

⁴⁰⁰ Калюжников В.М. Эволюция концепции СДПГ по вопросам европейской безопасности и «молодые социалисты» (1966-1976). М., 1977. С. 129.

⁴⁰¹ Die Regierungserklärung von Helmut Schmidt. Bonn: Ш-Press. 1974. S.T401.

⁴⁰² FRUS. 1969-1976, Volume E-2, Documents on Arms Control and Nonproliferation. 1998. P. 2098.

установки Брандта получали все большее признание и поддержку как в лице «европеистов», так и «атлантистов».

По мнению Брандта подвижки во внешнеполитической идеологии ФРГ были необходимы и с точки зрения общественных настроений внутри страны. Еще в декабре 1966 года В. Брандт заявил, что «немецкий народ не заинтересован в сохранении международной напряженности», и подчеркнул, что этой позиции он придерживается и в отношении социалистических стран, в частности, ГДР⁴⁰³. Заявления лидера социал-демократов не были голословными. Коренные изменения оценки отношений ФРГ с восточными странами в общественном мнении страны действительно становились все более заметны. Если в момент прихода правительства «Большой коалиции» в 1966 году за признание ГДР выступало всего 5% граждан, то к 1969 году число сторонников восточной политики составляло уже одну треть населения⁴⁰⁴.

ФРГ все труднее было оправдывать тот факт, что, вопреки ее желаниям, к 1969 году ГДР установила дипломатические контакты с двадцатью семью странами и заключила торговые договора более чем с сотней государств. Очевидно было и то, что основные программные установки ХДС/ХСС потерпели поражение: доктрина Хальштейна с ее непризнанием ГДР и политика «недружественной дипломатии» в отношении социалистических стран, не позволяла ФРГ выйти из политической изоляции в отношениях с Востоком. Руководство страны постепенно утрачивало свою популярность в глазах немецкого населения, а, по мнению Брандта, именно «доверие правительству и эффективность его внешней политики» было на тот момент гораздо важнее, чем сам процесс разрядки⁴⁰⁵.

Однако именно во время пребывания у власти правительства Кизингера-Брандта необходимость смены внешнеполитического курса ФРГ

⁴⁰³ Crawford Beverly. Power and German foreign policy : embedded hegemony in Europe. New York, 2007. P. 201.

⁴⁰⁴ Statistisches Jahrbuch für Bundesrepublik Deutschland 1971, Stuttgart/Mainz o.J., 1972. S. 141f.

⁴⁰⁵ Brandt W. My life in politics, London; New York, 1992. P. 47.

стала очевидной⁴⁰⁶. Поворот Западной Германии к реализму в вопросах «восточной политики» был ознаменован в 1969 году поражением на выборах христианских демократов.

Итоги парламентских выборов в сентябре 1969 года показали, что в политической элите ФРГ стали ясно осознавать необходимость глубокой ревизии внешнеполитического курса ФРГ, проводимого «Большой коалицией» во главе с ХДС/ХСС⁴⁰⁷. В результате выборов был прерван двадцатилетний период правления Христианских демократов, продолжавших в своей политике «роковую линию преемственности со старым германским империализмом»⁴⁰⁸. А несколькими месяцами ранее на пост федерального президента ФРГ был избран Густав Хайнеман, еще во времена Аденауэра отстаивавший курс на взаимопонимание между Востоком и Западом⁴⁰⁹. И уже в марте 1969 года Бонн заявил о возможности вести переговоры с ГДР по поводу Западного Берлина и другому комплексу проблем, за исключением вопросов о ее признании на основе международного права⁴¹⁰.

В октябре 1969 года в ФРГ было сформировано новое «коалиционное правительство» (СДПГ-СвДП). Победу нового кабинета во многом обеспечила его внешнеполитическая платформа, которая учитывала объективные изменения в мире. При новом руководстве роль ФРГ в международной жизни заметно возросла. Это было связано с тем, что кабинет Брандта-Шееля под влиянием изменившегося соотношения сил в мире, роста антивоенных настроений, в том числе внутри самой ФРГ, сумел сделать правильные выводы из обанкротившегося курса ХДС/ХСС⁴¹¹. В своем первом

⁴⁰⁶Streeck Wolfgang. Industrial relations in West Germany: agenda for change. Berlin, 1987. P. 49.

⁴⁰⁷Der Spiegel № 42, 1969. S. 36.

⁴⁰⁸Мис Г. Поворот вправо? После 13 лет пребывания СДПГ в правительстве: итоги и перспективы, Пер. с нем. М., 1983. С. 13.

⁴⁰⁹Helmut Lindemann. Gustav Heinemann. Ein Leben für die Demokratie. — München: Kösel, 1986 (1-е издание 1978). С. 189.

⁴¹⁰Der Spiegel. № 10, 1969. S. 23.

⁴¹¹Crawford Beverly "Power and German foreign policy : embedded hegemony in Europe", NY., 2007. P. 68-69.

правительственном заявлении новый канцлер официально объявил о намерении в ближайшем будущем установить диалог с СССР, ПНР, ЧССР и ГДР, произнеся довольно известную общественности речь: «ФРГ нуждается в мирных отношениях с народом Советского Союза и со всеми народами европейского Востока в полном смысле этих слов. Мы готовы к честной политике взаимопонимания, чтобы можно было преодолеть последствия катастрофы, которую навлекла на Европу преступная клика»⁴¹².

Несмотря на наличие определенных разногласий с Вашингтоном в оценке общей ситуации на европейском континенте, правительство Брандта-Шееля в целом продолжало сохранять преемственность политики предыдущих лидеров в отношении США и НАТО. Однако при этом новые боннские власти по целому ряду вопросов, касающихся отношений с Восточным блоком занимали более гибкие позиции, чем их предшественники⁴¹³. Немаловажную роль здесь сыграла заинтересованность влиятельных деловых кругов ФРГ в торгово-экономических связях с СССР и другими странами Варшавского договора. Так, в 1968 году товарооборот между СССР и ФРГ составил примерно 400 млн. рублей, что в два раза больше в сравнении с предыдущими годами⁴¹⁴.

В декларации нового правительства канцлер дал понять, что США придется смириться с изменениями во внешнеполитическом курсе ФРГ, хотя и указал на то, что они не отразятся на комплексе взаимоотношений с Западом: «взаимность наших интересов не нуждается в дополнительных заверениях и бесконечных декларациях. Она способна выдержать более независимую политику Германии в рамках более активного партнерства»⁴¹⁵.

По мнению нового канцлера на тот момент изменению внешней политики ФРГ и выводу ее из «застоя» могли способствовать укрепление отношений с Западом в рамках атлантического сотрудничества и

⁴¹² Deutschland – und Ostpolitik im deutschen Bundestag. Bd. 2, Bonn, 1973. S. 253.

⁴¹³ Foreign Affairs, № 18, 31.07.1971. S. 402.

⁴¹⁴ Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung, 31.07.1971. P. 309-312.

⁴¹⁵ Ibid. 29.10.1969. P. 978.

установление всесторонних контактов с СССР и государствами, «лежавшими между Германией и Россией». Это могло бы способствовать как постепенному преодолению раскола Европы, так и усилению позиций ФРГ. В основу новой внешней политики легла уже известная в ФРГ тактика «малых шагов» или идея «постоянного изменения и поэтапных сдвигов»⁴¹⁶. Реализация этой политики способствовала ослаблению напряженности между отдельными регионами Европы, в результате чего «стали вырисовываться контуры менее угнетающих, но еще далеко не удовлетворительных и не беспроблемных отношений».

В руководстве США не сразу смогли правильно оценить реальные намерения Брандта, принимая его «новую восточную политику» как не более «новую», чем та, которая была при «большой коалиции». Администрация Никсона в момент прихода В. Брандта к власти в ФРГ прежде всего была занята вопросом прекращения военных действий во Вьетнаме, и настроения в пользу разрядки в Европе должны были только способствовать этому. По оценке американских экспертов новая политика ФРГ не предвещала существенных изменений⁴¹⁷. Вашингтон одобрял изменившиеся реалии ФРГ. В частности, Киссинджер в связи со смягчением внешнеполитической ситуации в Европе говорил, что «администрация Никсона отныне должна выстраивать свою внешнюю политику не только исходя из реалий поствоенного периода, но она будет первой, кто столкнется с необходимостью формирования новых принципов внешней политики в условиях новой эры»⁴¹⁸. Однако условия этой новой эры определялись Киссинджером, прежде всего, исходя из внешнеполитических настроений блоков, а не отдельных стран. В этом смысле ФРГ до начала реализации практических шагов в области своей восточной политики и впрямь выглядела примерным союзником в духе миротворческих настроений Никсона, на которого можно было положиться в европейских

⁴¹⁶Grewe W. Ruckblenden, 1951-1976. Berlin, 1979. S. 219.

⁴¹⁷Hamilton Daniel S. "Conflict and cooperation in transatlantic relations", Washington DC, 2004.

⁴¹⁸Melason R.A. American foreign Policy since the Vietnam War: The Search of Consensus from Nixon to Clinton. NY., 1991. P. 43.

делах НАТО после продолжительно кризиса доверия в организации.

Стоит отметить, что канцлер ФРГ особенно акцентировал внимание на сохранении преемственности отношений с США, говоря о том, что «их взаимность интересов не нуждается в дополнительных заверениях и бесконечных декларациях». Правда, далее следовала любопытная оговорка о том, что, по мнению канцлера, «союз США и ФРГ способен выдержать и более независимую политику Германии в рамках активного партнерства в НАТО»⁴¹⁹.

Что такое независимая политика ФРГ и активное партнерство в НАТО для Западной Германии Брандт продемонстрировал уже спустя месяц после своего пребывания во главе страны, 28 ноября 1969 года, присоединившись к договору о нераспространении ядерного оружия. Это событие, по существу, стало отправной точкой нового курса кабинета Брандта-Шееля, который встал на путь налаживания мирных отношений с восточноевропейскими социалистическими и, прежде всего, с Советским Союзом.

Исходя из вполне очевидных политических соображений, ни в Вашингтоне, ни в одной из западноевропейских стран не могли отказать в официальной поддержке усилиям Бонна по нормализации отношений с социалистическими странами. Соответствующие заявления были сделаны как на многосторонней основе в рамках НАТО⁴²⁰, так и в одностороннем порядке. Вместе с тем, как отмечает один из ведущих специалистов того времени, Д.Манке, в этот период «в отношениях между ФРГ и Западом с политической и психологической точки зрения возникла новая ситуация»⁴²¹. Ее специфика заключалась в настороженном двойственном отношении стран-союзниц ФРГ к Новой восточной политике правительства Брандта-Шееля, следствием которой стало приведение политической дееспособности Западной Германии в большее соответствие с ее экономическим весом в европейской и мировой политике.

⁴¹⁹ Foreign Affairs, № 43, 29.10.1969, S. 503.

⁴²⁰ Europa-Archiv. N 13, 1970, S. D 315-316.

⁴²¹ Aussenpolitische Perspektiven des Westdeutschen Staates. Bd. 111, Der Zwang sur Parterschaft. Munchen, 1972. S.20.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что вплоть до прихода к власти «Малой коалиции», наследие ХДС/ХСС продолжало сковывать действия Бонна на международной арене, не позволяя правительству Кизингера-Брандта предпринимать реальные шаги на восточном направлении. Закостенелая восточная политика приводила, как следствие, и к пробуксовке других направлений внешнеполитической активности коалиции. В результате, после того как в 1967 году на вооружение НАТО был взят план Армеля, объявлявший, что оборонная стратегия альянса и стремление к разрядке не только не противоречат, но более того - дополняют друг друга, над ФРГ нависла угроза стать тяжелым бременем для своих союзников в попытках наладить диалог с соцстранами.

Задача стабилизации ситуации в отношениях с альянсом выпала на долю В.Брандта. Публичные выступления министра иностранных дел и его сторонников о необходимости переосмыслить старые постулаты восточной политики и установить контакты со странами социалистического блока оказались очень своевременными. Правительство «Большой коалиции» начинает предпринимать первые самостоятельные шаги в сторону разрядки. Эти шаги были крайне непоследовательны, а само понимание разрядки - сильно деформировано. Однако уже к 1968 году стало очевидно, что Бонн медленно, но верно направлялся в общеевропейское русло разрядки, но по какому пути развития пойдет ФРГ по-прежнему оставалось непонятным.

В первую очередь этот вопрос волновал Соединенные Штаты, которые на тот момент сильно нуждались в надежном партнере на европейском континенте, и прикладывали немало усилий, чтобы направить западногерманское руководство в нужное русло. Почти с самого начала правления «Большой коалиции» Вашингтон возлагал большие надежды на фигуру В.Брандта. После присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия, отказа от доктрины Хальштейна, Брандт вывел ФРГ из внешнеполитической "комы", в которой страна пребывала с момента возведения Берлинской стены.

Однако именно в тот момент стало просматриваться, что интересы Бонна и Вашингтона далеко не во всем идентичны. Белый дом, в конечном счете, желал видеть в Брандте канцлера, который будет следовать за американским внешнеполитическим курсом и безоговорочно поддерживать его, но сам В. Брандт видел ситуацию иначе. Новое коалиционное правительство понимало, что в 70-е годы уже нет места для аденауэровской политики реванша и ревизии итогов Второй мировой войны. Серьезная восточная политика могла строиться лишь на принципах мирного сосуществования. Установив тесный контакт с СССР на первом этапе своей восточной политики, Брандт обеспечил ФРГ одну из ведущих позиций в зарождавшемся западноевропейском диалоге с восточными странами по вопросам безопасности и сотрудничеству в Европе.

Глава 3. Противоречия в позициях ФРГ и США относительно созыва общеевропейского совещания на рубеже 1960-1970-х годов

1. Реакция ФРГ на советско-американские переговоры (1969-1972 гг.)

Для того, чтобы адекватно оценить последствия перехода ФРГ к Новой восточной политике ее необходимо рассмотреть на фоне эволюции общей внешнеполитической стратегии Западного Блока, в сторону разрядки международной напряженности. Особенно пристального внимания внешняя политика Бонна в этот период, на наш взгляд, заслуживает в контексте развития советско-американских переговоров по сокращению стратегических вооружений. К концу 1968 года увеличение темпов роста стратегических вооружений СССР и начало создания прототипа противоракетной обороны вокруг Москвы вызывало сильное беспокойство правительства Соединенных Штатов. Для того, чтобы стабилизировать ситуацию и вернуть инициативу в свои руки, не спровоцировав очередной международный кризис, Вашингтону было необходимо установить прямой диалог с Москвой по данной проблематике. В начале 1968 года Соединенные Штаты выступили с инициативой проведения переговоров об ограничении стратегического наступательного вооружения.

В июне 1968 года министр иностранных дел СССР А.А. Громыко официально выразил готовность Советского Союза начать переговоры по взаимному ограничению и сокращению стратегического наступательного и оборонительного вооружения⁴²². Начало советско-американских переговоров было назначено на 30 сентября 1968 года в Женеве.

В ходе активизации диалога Москвы и Вашингтона в этот период, Бонн не желая оставаться на обочине международных отношений, видел свою

⁴²² Громыко А.А. Внешняя политика США: уроки и действительность, 60-е 70-е годы. М., Международные отношения, 1978. С. 302.

задачу в том, чтобы стать своего рода арбитром во взаимоотношениях союзников в рамках НАТО. Это позволило бы ФРГ усилить приоритетность западногерманской проблематики в ходе предстоящих советско-американских переговорах, как в глазах США, так и СССР.

Отметим, что сущность внешнеполитической доктрины ФРГ в тот момент еще оставалась прежней. Однако западногерманские социал-демократы в конце 60-х годов, как нам представляется, правильно уловив новые тенденции мировой политики, предложили свою внешнеполитическую программу, адекватно отвечавшую назревшим требованиям. Их лидер Вилли Брандт так оценивал политику ФРГ на тот момент: «лояльность по отношению к Западу и дружба с ним должны дополняться компромиссом и сотрудничеством с Востоком»⁴²³. Эта формула включала в себя, прежде всего, курс на разрешение Германской проблемы: примирение и подписание совместных с ГДР заявлений об отказе от применения силы, обязательных для обеих сторон, «уважения линии по Одере» и, наконец, рассмотрение проблем ограничения вооружений.

Реакция Вашингтона на подобные намерения Бонна была едва заметна. Как удачно отметил один из исследователей европейских процессов, Г. Шпейер, вплоть до 1971 года «политика США в Германском вопросе не менялась. Периодически подтверждались прежние отношения и установки. Несмотря на отсутствие конкретных шагов со стороны США, американское правительство давало понять, что любая попытка ФРГ придать Германской и Берлинской проблеме большей значимости, чем того желают в США или, например, европеизировать четырехстороннюю ответственность встретит их сопротивление»⁴²⁴.

В августе 1968 года произошли два важных события - испытания РГЧ в США и ввод советских войск ОВД в Чехословакию, вновь изменившие

⁴²³ Brandt W. Der Wille zum Frieden. Perspektiven der Politik. Yamburg, 1971. S. 110.

⁴²⁴ Speier H. Force and Folly. Essays on Foreign Affairs and History o Ideas. Camdridge. Mass., 1969, P. 123.

расстановку сил в мировой политике. Они заставили в определенной мере пересмотреть подход к наметившейся тенденции разрядки не только сверхдержавы, но и европейские государства, в частности ФРГ. События в Чехословакии стали серьезным испытанием для Брандта, который в тот момент занимал пост министра иностранных дел ФРГ. Он расценил их как серьезное поражение социал-демократов. Осудив действия СССР, он высказался за необходимость предоставить всем странам право выбирать свой курс развития, говоря о том, что мирный порядок в Европе не может базироваться на равновесии угрозы и страха применения силы⁴²⁵. Еще больше В.Брандта разочаровывала вялая реакция США на события в ЧССР. Белый дом, хоть и называл действия Москвы актом агрессии и нарушением основных прав и свобод человека, все же исключал возможность вторжения в сферу прямого влияния другой сверхдержавы. Более того, события Чехословакии позволили американцам провести испытания РГЧ, не натолкнувшись на острую ответную реакцию Москвы, что могло привести к полному срыву начавшихся переговоров по ОСВ. В сложившейся непростой ситуации и Вашингтон и Москва предпочли просто заморозить переговоры по ОСВ, перенеся их на неопределенный срок, без каких-либо официальных формулировок. В свете этих событий министр иностранных дел ФРГ делает для себя неутешительный вывод о том, что «величайшая угроза для мира ныне исходит от великих держав, а не от малых»⁴²⁶.

Несмотря на все разочарования западногерманского руководства, именно после событий августа 1968 года внешнеполитическая стратегия ФРГ начинает претерпевать заметные изменения в отношении политики разрядки.

Хотя Вашингтон интересовали, в первую очередь, проблемы глобального характера, в частности, ограничение гонки вооружений и решение вьетнамского вопроса, ФРГ надеялась, что Соединенные Штаты после возобновления переговоров с Москвой все же затронут интересующие Бонн

⁴²⁵ Brandt W. Der Wille zum Frieden. Perspektiven der Politik. Yamburg, 1971. P. 309-312.

⁴²⁶ Ibid., P. 117.

темы. В первую очередь это касалось отношений ФРГ и ГДР. Исходя из данных аналитического обзора ЦРУ за октябрь 1968 года – январь 1969 года, можно сделать вывод, что западногерманское руководство не просто надеялось, оно настаивало на включении Германского вопроса в повестку американо-советских переговоров. Бонн неоднократно называл это условие эквивалентной ценной за свое участие в процессе разрядки, в частности за присоединение к ДНЯО. Выводы американской дипломатии по этому поводу были однозначны. Германо-германские отношения безусловно являются одним из приоритетных направлений мировой политики. В силу этого внешнеполитический «курс Западной Германии должен как никогда коррелировать с американской внешнеполитической стратегией»⁴²⁷.

С приходом к власти в США в январе 1969 года нового президента парадигма внешней политики Соединенных Штатов начинает претерпевать очередную модификацию. У Р. Никсона ко времени прихода в Белый дом уже сложилась своя концепция отношений Восток-Запад, предполагавшая известный отход от «эры конфронтации» к «эре переговоров»⁴²⁸. И в этом контексте робкие попытки западногерманского правительства Кизингера-Брандта проявить «гибкость» в отношениях с соцстранами, в полной мере отвечало интересам нового президента. Никсона устраивала сдержанная линия правительства ФРГ на определенное «потепление» отношений с советским блоком.

Однако уже в сентябре 1969 года внешняя политика Бонна начала претерпевать весьма серьезную модификацию, к чему американское руководство оказалось не готово. Дело в том, что новый канцлер, В. Брандт, решил строить внешнюю политику своей страны, опираясь на принципы мирного сосуществования. По его мнению, ФРГ было необходимо иметь столько контактов и рациональных связей с другими государствам, сколько их

⁴²⁷ FOIA CIA. The President's daily brief. 09.01.1969.

URL.http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/1827265/DOC_0005976553.pdf

⁴²⁸ The Department of State bulletin, Oct-Dec. 1969. P. 409-410.

можно было установить на данный момент, и без разницы к какому блоку эти государства принадлежат, если такое сотрудничество выгодно Бонну. Эту политику Брандт называл «политикой мирного риска и ненасильственного преобразования конфликта»⁴²⁹. В частности, Брандт пытался выработать особую формулу отношений ФРГ к советско-американским переговорам, которая бы нацеливалась на «достижение разрядки без ущерба для безопасности» Западной Европы и которая бы учитывала интересы всех государств региона и существовавшие союзнические обязательства. Конкретным шагом в этом направлении стал призыв к союзникам на уже упомянутой нами декабрьской сессии совета НАТО в 1969 году принять предложение советской стороны о начале переговоров по созданию системы коллективной безопасности в регионе, которое впервые было озвучено еще в январе 1965 года, а в июле 1966 года было официально оформлено в виде декларации на совещании политического Консультативного Комитета стран — участниц Варшавского Договора. Документ призывал решить проблему европейской безопасности «совместными усилиями европейских государств, всех общественных сил, выступающих за мир, независимо от их идеологических воззрений, религиозных и иных убеждений»⁴³⁰. Тогда западные страны оставили предложение Москвы без ответа.

Теперь же Брандт поддержал советскую идею, полагая, что она по сути очень хорошо могла бы дополнить общую канву советско-американских переговоров по ОСВ. Однако подобные инициативы могли, как казалось Никсону, Роджерсу, Киссинджеру и другим архитекторам внешней политики США, значительно усложнить ход советско-американских переговоров, лишив США ряда рычагов воздействия на Москву.

В записке от 28 января 1970 года президенту США Г. Киссенджер, занимавший тогда пост советника по национальной безопасности сообщил,

429Брандт, В. «Мирная политика в Европе», М., 1969. 113.

430 Документы Совещания ПКС государств — участников Варшавского договора (Бухарест, 4—6 июля 1966 г.), М., 1966.

что он получил сведения из надежного источника об активизации советско-западногерманских переговоров: «немцы во главе с Брандтом и его ближайшим советником по иностранным делам Эгоном Баром уже провели первый этап консультаций в посольстве в Москве на уровне послов... Советская сторона, естественно, продолжает настаивать на признании ГДР, и если озвученное канцлером смягчение позиций в отношении ГДР правда, то вскоре мы узнаем, о чем они договорятся, из газет»⁴³¹. Он особенно акцентировал внимание на том, что Бонн перестал даже создавать видимость крепких американо-западногерманских отношений, не то, что консультироваться с Вашингтоном. Киссинджер прозрачно намекал президенту, что несогласованная с США политика канцлера может привести не только к осложнениям, но и полному срыву американо-советских переговоров. «Ради достижения поставленных перед собой целей Брандт, под давлением Бара, готов предложить все что угодно... Москва обязательно этим воспользуется, зная, что США никогда на это не согласятся...»⁴³² - писал Киссинджер. Резюмируя общий настрой Вашингтона по отношению к восточной политике Брандта, журнал «Foreign Affairs» писал: «Потепление отношений с Москвой – результат многолетних трудов американской дипломатии. В этом смысле намерения Брандта более чем благородны, но относиться к ним нужно с особым вниманием. Известно, что западногерманским политиками свойственно порой впадать в крайности и возводить самим себе же барьеры на пути к собственной цели... не хотелось бы, чтобы история повторилась»⁴³³.

Подобные настроения правящих кругов Вашингтона становились все более распространёнными. В ответ на это ФРГ, вопреки ожиданиям Соединенных Штатов оправдательных заявлений западногерманских

⁴³¹ FRUS. Vol. XL, Germany and Berlin, 1969–1972, Doc. 50. P. 139-149.

⁴³² Ibid.

⁴³³ Foreign Affairs. January 1971. N 49.// A. Hartly. «The Politics of Europe: Europe Between the Superpowers». URL. <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/1971-01-01/politics-europe-europe-between-superpowers>

политиков, начинает проводить тактику внедрения новой западногерманской философии восточной политики в американскую общественную мысль. Американская пресса конца 1969 – 1971 года была насыщена высказываниями В. Брандта, Г. Шмидта, Э. Бара, В. Шееля и их американских сторонников, таких, как З. Бжезинский, Г. Моргентау, Дж. Кеннан. В этих статьях подробно обосновывалась проводимая Бонном Новая восточная политика и делался акцент на том, что она проводится западногерманским государством во благо всего европейского сообщества, а не одного государства. Сам Вилли Брандт писал: «Новая восточная политика – это способ защитить не только ФРГ, но и своих соседей... К сожалению, в Западной Европе пока не было создано единого политического союза государств, который мог бы выступать и выражать интересы всех жителей Западной Европы, поэтому каждый, будь то президент Франции, премьер-министр Великобритании, Италии или западногерманский канцлер, старается это сделать по-своему, беспокоясь не только о национальных интересах, но и благополучии всего региона... Едва ли кто-то из них хочет войны, напротив, все стремятся создать единую и безопасную Европу... и Новая восточная политика способна обеспечить нам ее»⁴³⁴.

Во время первого раунда сложного переговорного процесса между СССР и США, длящегося около 30 месяцев, министр иностранных дел В. Шеель характеризовал сложившуюся международную ситуацию следующим образом: «Западноевропейские страны в состоянии способствовать разрядке в Европе независимо от того, что в каждый отдельный момент показывает стрелка политического барометра в США, и для этого есть вполне достаточные возможности»⁴³⁵.

Реальные плоды Новая восточная политика дала уже в 1970 году. 12 августа между ФРГ и СССР был подписан Московский договор о нерушимости

⁴³⁴ Forreign Affairs. N 50. April 1972. // W. Brandt. Westpolitik. P. 7-8.

⁴³⁵ Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung, Bonn. N 155. 10.11.1970. S. 409.

границ и территориальной целостности всех государств в Европе. В качестве одного из основополагающих намерений договора было достижение разрядки, оба государства высказали свое стремление действовать в интересах стабилизации обстановки в Европе и равномерно развивать отношения со всеми европейскими государствами. В третьей статье договора была закреплена нерушимость границ и территориальная целостность государств в Европе, в частности, это касалось западной границы ПНР по линии Одер-Нейсе, а также границ между ФРГ и ГДР. В договоренности о «намерениях сторон» также входило обязательство ФРГ заключить договор с соседним немецким государством⁴³⁶.

Стоит отметить, однако, что при заключении соглашения в МИД СССР от имени ФРГ было направлено письмо «О германском единстве». Письмо было составлено министром иностранных дел ФРГ В.Шеелем и нацелено, прежде всего, на поддержание единства интересов с христиан-демократами. Это был крайне удачный политический маневр для «Малой коалиции». С одной стороны, стараниями СДПГ письмо не получило широкого резонанса в общественности, а с другой – привлекло внимание оппозиции к тому, что меры по достижению состояния мира в Европе не противоречат основной цели ФРГ – единству Германии⁴³⁷. В этом письме идея «свободного самоопределения» утверждалась как неотъемлемое право немецкой нации, на базе которого Германия может стать единой, «если немецкий народ сам изъявит такое желание», а подписание договора не означало отказа от нее «германское правительство намеревается содействовать такому состоянию мира в Европе, при котором германский народ вновь обретет свое единство»⁴³⁸.

⁴³⁶ «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии». Правда, 01.06.1972.

⁴³⁷ Die Welt. 08.08.1970.

⁴³⁸ Jahresbericht der Bundesregierung. 1970, Bonn, S.36. Ахтамзян А. А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. М. 1991. С. 54.

В целом Московский договор являлся, по существу, базисом для дальнейшего развития разрядки в Европе. По сути своей этот договор стал предтечей создания системы европейской безопасности.

Вслед за Московским договором западногерманским руководством были инициированы переговоры с Польшей, которые закончились 7 декабря подписанием Варшавского договора. Помимо признания границ с ПНР и отказа от территориальных притязаний, важным элементом соглашения стал взаимный отказ государств от угрозы силы и ее применения⁴³⁹. Подписание этих двух соглашений открыло для ФРГ возможность развивать дальнейшие контакты со странами социалистического блока без каких-либо оговорок и ограничений.

Как и предсказывал Киссинджер, итоги советско-западногерманских отношений в период 1969-1979 года оказали серьезное воздействие на ход переговоров Москвы и Вашингтона. Дело в том, что в начале переговорного процесса и США и СССР взяли на вооружение стратегию «увязки» проблем ограничения стратегического вооружения с другими неаффилированными требованиями. Например, США, помимо всего прочего, настаивали на содействии СССР в ходе парижских консультаций по Вьетнаму. СССР же, в качестве увязки, выдвигал требование урегулировать проблемы Западного Берлина прежде, чем перейти к встрече СССР и США на высшем уровне, в которой был заинтересован Никсон. Ввиду такой «увязки», Новая восточная политика Брандта ставила США по сути в безвыходное положение, и буквально вынуждала их преступить к четырехсторонним переговорам по Германии. При таком раскладе, дальнейшее затягивание переговоров с учетом активной позиции Москвы и Бонна могло поставить под сомнение миролюбивость политики США. Так, министр обороны США Лэйрд на одной из пресс-конференций заявил, что «не намерен расставаться с идеями

⁴³⁹ Die Vertrag der Bundesrepublik Deutschland mit der Union der Sozialistischen Sowjetrepubliken und mit der Volksrepublik Polen. Вотню 1971. S. 9.

сохранения стратегического превосходства США и не согласен идти на переговоры не с позиции сильного»⁴⁴⁰.

Важной причинной, осложнившей переговоры Вашингтона с Москвой в 1970 году, стала также концепция стратегической «достаточности» США, которая была озвучена Никсоном незадолго до начала переговоров 27 января 1969⁴⁴¹. Эта стратегия шла в разрез с совместными заявлениями Вашингтона и Москвы о необходимости заключения договора по ограничению систем ПРО. Концепция «достаточности» должна была прийти на замену концепции «превосходства» Лэйрда⁴⁴². Она предусматривала качественное превосходство американских наступательных стратегических сил в пределах, достаточных для причинения противнику неприемлемых потерь, но не полного его уничтожения. Формально она была менее агрессивна, однако она давала Вашингтону больше возможностей развернуть новую систему ПРО, не вызвав очередного витка гонки вооружений. Именно в рамках этой новой концепции сенат одобрил ассигнования на строительство «Сейфгарда» с целью «достижения достаточного стратегического превосходства»⁴⁴³.

Справедливости ради отметим, что опасения относительно начала нового витка гонки вооружений были обоснованы. У советской стороны тоже имелись подобные разработки так называемой «советской стратегической достаточности» на основе ракет СС-9, которые предназначались для нанесения

⁴⁴⁰ Из ответов Министра Обороны США М. Лэйрда на пресс-конференции 7 апреля 1969 года/ Сборник основных документов по вопросу о разоружении. М. 1971. Т. XI. 1969. С. 84-96.

⁴⁴¹ Национальная программа «новых критериев американской стратегической достаточности» была разработана Г. Киссинджером в рамках «Меморандума №3» под названием «Военное положение». Суть критериев сводилась к необходимости постепенного наращивания или сокращения американского ядерного арсенала, в частности, это распространялась и на количество баллистических ракет с разделяющейся головной частью. Это означало отказ Вашингтона от резкого сокращения РГЧ, которое было необходимо для заключения договора по ПРО.

⁴⁴² Из ответов Президента США Р. Никсона на пресс-конференции в Белом Доме 27 января 1969 года/ Сборник основных документов по вопросу о разоружении. М. 1971. (Для служебного пользования). Т. XI. 1969. С. 19-21.

⁴⁴³ Запись беседы А.Ф. Добрынина с Г. Киссинджером. 18 февраля 1970 г. / Советско-американские отношения. Годы разрядки. Кн. 1, Т.1, С. 165-172.

превентивного удара⁴⁴⁴. Киссинджер сильно сомневался, что СССР «добровольно откажется от своей системы ПРО вокруг Москвы и что их вряд ли можно заставить это сделать»⁴⁴⁵. Он убеждал руководство США в необходимости затягивания подготовительного этапа, максимально «выторговывая» вьетнамский вопрос. А с ноября 1969 года, когда начался первый раунд переговоров в Хельсинки, советник по национальной безопасности настаивал на балансирование между интересами национальной обороны и идеями военно-стратегического паритета, в зависимости от «поведения» Советского Союза. Вплоть до 1970 года США, как нам представляется, удавалось успешно проводить такую тактику.

Однако активизация отношений СССР и ФРГ внесла свои коррективы в советско-американские переговоры. Дело в том, что Белый дом выступал категорически против начала Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе прежде, чем Москва и Вашингтон договорятся на двусторонней основе. Желая отложить вопрос «в долгий ящик», американская администрация апеллировала к нерешенности Берлинского и Германского вопросов, которых европейские страны неизбежно коснутся. Москва же, напротив, увязывала начало советско-американских переговоров со скорейшим разрешением комплекса германских проблем и настаивала на том, чтобы США способствовали этому. Таким образом, к концу первого раунда переговоров по ОСВ Брандт перешел к активной стадии реализации Новой восточной политики, в результате чего Вашингтон лишился чуть ли не важнейшего рычага давления на Советский Союз. Московский договор означал готовность ФРГ не только к скорому признанию ГДР, но и к началу конструктивного диалога по Западному Берлину. В частности поэтому на пресс-конференции в Белом Доме Р. Никсон объявил об отсрочке переговоров с СССР, которая была вызвана «упорным торгом, так как затрагиваются

⁴⁴⁴ Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т.4. С. 317.

⁴⁴⁵ Из ответов Госсекретаря США Г. Киссинджера на пресс-конференции 22 января 1974 года/ Сборник основных документов по вопросу о разоружении. М. 1974. Т. XVI. 1974. С. 19-21.

основы безопасности США, СССР и всего мира»⁴⁴⁶. А министр обороны Лэйрд потребовал ускорить развертывание противоракетной системы «Сейфгард», чтобы к началу второго раунда переговоров, который был намечен на 16 апреля 1970 года, американская сторона могла предлагать конкретные шаги по ограничению ПРО, избегая диалога о наступательном стратегическом вооружении⁴⁴⁷.

Примечательно и то, что Вашингтон не желал затрагивать вопрос и об американском ракетно-ядерном вооружении на территории Европы. В этой связи Киссинджер предлагал провести взаимозачет: в обмен на сохранение американских ракет в Европе, США не поднимают вопрос о включении в договор советских ракет среднего или промежуточного радиуса действия⁴⁴⁸. Этим же объясняется и требование американской администрации перенести второй раунд переговоров из Хельсинки в другое место, используя официальную формулировку, что Финляндии сложно будет провести столь крупномасштабные мероприятия, как подготовка к СБСЕ и второй раунд переговоров по ограничению ОСВ, одновременно.

В октябре 1970 года, не только ввиду невозможности договориться в рамках переговорного процесса, но и вследствие нарастающих противоречий в арабо-израильском конфликте, интенсивности советско-кубинских отношений и заключения Московского договора, Никсон был вынужден предложить советскому лидеру Л.И. Брежневу встречу в верхах. Ради этого он пошел навстречу советской стороне и согласился на требование заключить пакт о предотвращении несанкционированного и провокационного применения ядерного оружия⁴⁴⁹. В этот период США и ФРГ находились в противоположенном друг другу настроении относительно разрядки: в начале

⁴⁴⁶ Из ответов Президента США Р. Никсона на пресс-конференции в Белом Доме 8 декабря 1969 г. / Сборник основных документов по разоружению. Т. XI. С. 617-618.

⁴⁴⁷ Запись беседы А.Ф. Добрынина и Г. Киссинджера. 18 февраля 1970 г. / Советско-американские отношения. Годы разрядки. Т. 1. Кн. 1. С. 165-172.

⁴⁴⁸ Там же. С. 228-229.

⁴⁴⁹ Краткая справка о беседе министра иностранных дел А.А. Громыко с президентом США Р. Никсоном. 22 октября 1970 г. / Советско-американские отношения. Годы разрядки. Т. 1. Кн. 1, С. 282.

октября Никсон принимает решение об «ужесточении линии» в отношении СССР в связи с нарастающим кризисом доверия в двусторонних отношениях, а Брандт наоборот активизирует переговоры с ПНР.

И все же вопреки явным трениям в американо-западногерманских отношениях, в это время происходит интенсификация контактов Бонна и Вашингтона по ключевым проблемам, представляющим особый интерес для ФРГ, а именно по вопросам статуса Западного Берлина и объединения Германии. Для Бонна это было особенно важно в силу того, что он по-прежнему находился в определённой военно-политической зависимости от США.

«Федеративная Республика, - было сказано в одном из официальных заявлений федерального правительства, - понимает, что ее политика, направленная на достижение взаимопонимания и сохранение мира, может быть успешной лишь в том случае, если она будет опираться на солидарность союзников по НАТО и находиться в рамках общих усилий союзников, направленных на разрядку в Европе»⁴⁵⁰. Подобные заявления неоднократно делались немецкой стороной с целью повышения своей привлекательности в глазах США для того, чтобы не остаться в «изоляции» от своего основного партнера по НАТО.

Примечательно, что в ходе американо-западногерманского диалога в этот период, Вашингтон делал основную ставку на консервативные силы ФРГ. Белый дом рассчитывал, что под давлением христиан-демократов темпы восточной политики снизятся и случиться это уже входе ратификации бундестагом восточных соглашений.

Действительно, первые серьезные дебаты вокруг восточных договоров развернулись именно в конце мая – начале июня 1972 года. В целом, ХДС/ХСС не возражали против договора с ПНР в части признания западной границы по Одер-Нейсе, что лежало в основе данного соглашения. Московский договор также оказался вполне приемлемым решением с точки зрения

⁴⁵⁰ Bulletin des Presse und Informationsamtes der Bundesregierung, Bonn. N 9, 26.01.1971. S. 74.

западногерманских консерваторов, так как связанные с Германским вопросом положения были вынесены в отдельный договор о намерениях. В этом документе советник Брандта Эгон Бар проявил мастерство юридической мысли, сформулировав возможность признания ГДР лишь с точки зрения фактического сосуществования, обойдя стороной вопрос признания международно-правового статуса Восточной Германии⁴⁵¹.

Несмотря на это, сам факт необходимости ратификации подобных соглашений в 1972 году, вызывал бурю негодования со стороны консерваторов, особенно таких как Ф-Й. Штраус, еще не успевших смириться с полной ревизией доктрины Хальштейна. Все же христиан-демократы осознавали необходимость ратификации соглашений и продолжения диалога с Москвой. Им было необходимо получить максимум выгоды от уже существующих договоренностей с СССР и обернуть ситуацию в свою пользу. Выход был найден, на заседание бундестага 17 мая 1972 года, когда накануне ратификации «восточных договоров» депутат от ХДС/ХСС Р. Барцель сформулировал официальную трактовку соглашений⁴⁵². В основе этой трактовки лежало уже вышеупомянутое письмо «О германском единстве» 1970 года, а также идея того, что соглашения «не создают правовой основы для существующих границ». «За» эту резолюцию проголосовало 490 депутата, пять воздержалось и ни один не проголосовал «против»⁴⁵³. Сразу после голосования стали слышаться заявления со стороны оппозиции о том, что «резолюция – это необыкновенный успех фракции ХДС/ХСС, который пойдет на пользу уже не Брандту, а христиан-демократам», если они выиграют следующие выборы⁴⁵⁴.

⁴⁵¹ Брандт В. Вспоминания. М., 1991. С. 236-237.

⁴⁵² Резолюция «О германском единстве» от 10-12 мая 1972 г. – документ «расширительного толкования», дающий официальную версию «западной» трактовки «восточных соглашений». Baring A. Goertemaker M. Machtwechsel: Die Ara Brandt – Scheel. Stuttgart. 1982. S. 436.

⁴⁵³ VDB.6. Wahlperiode. Bd. 80., 187 Sitzung., 17.05.1972. S. 10933-10943.

⁴⁵⁴ Цит. По: Jager W., Bracher K., Link. W. Republik in Wandel. 1969 -1974: Die Ara Brandt. S. 644.

В целом, летом 1972 года правящей коалиции успешно удалось сдерживать оппозицию не только в бундестаге, но и по стране в целом. Общую характеристику действиям своих оппонентов от лица СДПГ/СвДП дал федеральный министр по особым поручениям и по совместительству глава канцелярии Х. Эмке: «вы являетесь идеальными противниками для социалистических стран со своими националистическими лозунгами и угрозами, которые лишь сплачивают их лагерь... если по ту сторону и боятся кого-то, так это социал-демократов, а не вас с вашим, всем уже привычным, консервативным образом мышления»⁴⁵⁵.

На фоне этих событий, чтобы как-то вернуть контроль над разрядкой в Европе в русле советско-американских переговоров, 25 февраля 1971 года Никсон в радиообращении к американской нации объявляет об установлении «стратегического паритета» в области ядерного вооружения между СССР и США, который подразумевал, что ни одна из сверхдержав не имеет явных преимуществ в ядерной области⁴⁵⁶. Установившийся паритет сводился лишь к номинальному, естественно установившемуся балансу сил сверхдержав, который в случае агрессии гарантировал бы «взаимное уничтожение». Однако признание взаимной уязвимости не решало проблем «гонки вооружений», а лишь давало весомый повод к продолжению американско-советского диалога.

Неопределенность в соотношении важности и первостепенности советско-американских и советско-западногерманских контактов сохранялась вплоть до лета 1971 года, когда США, СССР, Великобритания и Франция парафировали Четырехстороннее Соглашение по Западному Берлину⁴⁵⁷. Заключение Четырехстороннего Соглашения по Западному Берлину 3 сентября 1971 года стало одним из наиболее значимых событий в рамках «Восточной политики» Вилли Брандта. Это соглашение имело большое

⁴⁵⁵ VDB.6. Wahlperiode. Bd. 73. 59 Sitzung, Juni 1970. S. 3272.

⁴⁵⁶ Системная история международных отношений в двух томах. Под ред. А.Д. Богатурова, Т.2, М. 2009. С. 352.

⁴⁵⁷ Соглашение должно было вступить в законную силу 3 июня 1972 года, после майского визита Никсона в Москву.

политическое, экономическое и юридическое значение для истории ФРГ и Западного Берлина⁴⁵⁸.

В правовом смысле договор имел колоссальное значение для всей системы международных отношений. Прежде всего, стоит отметить, что круг вопросов, регулируемых данным соглашением, крайне обширен. Он включал в себя такие важные элементы, как международно-правовой статус города и вопросы частного земельно-территориального устройства. Так как Берлинская проблема являлась проблемой международного характера, она должна была решаться на основе совокупности методов и норм международного права, и в этом смысле доля и характер участия ФРГ в разрядке была крайне велика. По предложению западногерманской комиссии статус Западного Берлина следовало исключить из сферы регулирования национального права и из юрисдикции любого национального суда, то есть данная проблема не могла быть больше решена односторонними действиями какого-либо одного государства⁴⁵⁹. В соответствии с данным соглашением международная правосубъектность Западного Берлина стала носить ограниченный характер. Город имел свои дипломатические и консульские представительства, аккредитованные при соответствующих правительствах США, Великобритании и Франции. СССР с согласия правительств этих стран учредил Генеральное консульство⁴⁶⁰.

Однако решающим пунктом соглашения стал отказ Брандта от притязаний на присоединение территории Западного Берлина к ФРГ. Во второй части пункта «В» договора говорилось о том, что «западные сектора Берлина по-прежнему не являются составной частью ФРГ и не будут управляться ею и впредь»⁴⁶¹. Но особый правовой статус Берлина, который

⁴⁵⁸ См. приложение № 9.

⁴⁵⁹ Ульянова Н. Н. Общие многосторонние договоры в современных международных отношениях. Киев, 1981, С. 189.

⁴⁶⁰ См. приложение № 9. Четырехстороннее Соглашение, Берлин 03.09.1971, Приложение IV, пункт 2.А, пункт 3.

⁴⁶¹ Там же. Часть II, пункт Б, Приложение II.

оговаривался в первой части соглашения, исключал также возможность другим государствам покушаться на суверенитет анклава.

Особый статус Западного Берлина заключался в сохранении оккупационного режима трех западных держав, по-прежнему фактически обладающих всей полнотой власти на территории данного политико-территориального образования, в отличие от статуса «Вольного города», который предлагался советской стороной в конце 1950-х годов как один из вариантов решения Берлинского вопроса.

Необходимо отметить, также, что ФРГ могла представлять Западный Берлин в решениях ряда международных вопросов, которые не касались проблем безопасности Западного Берлина и его правового статуса. При условии, что вопросы безопасности и статуса города не будут затрагиваться, Федеративная Республика Германии могла осуществлять на территории Западного Берлина «консульское обслуживание в отношении постоянных жителей Западных секторов Берлина». Западный Берлин имел право присоединяться к международным договорам, заключенным ФРГ, при условии того, что все соглашения и договоренности «будут оговариваться в каждом случае». ФРГ также получала право на представление Западного Берлина в международных организациях и на международных конференциях, а жители города смогли принимать участие в подобных мероприятиях, наравне с гражданами ФРГ, при одобрении Сената Западного Берлина⁴⁶².

С политической точки зрения Соглашение закрепило и дополнило сложившийся *modus vivendi* (способ сосуществования) вокруг этого своеобразного политического образования. Таким образом, достижение консенсуса по Берлинскому вопросу между четырьмя державами стало одним из основополагающих механизмов постепенного разрешения вопроса о территориальной целостности всей Германии, а ФРГ *de-facto* полноправно

⁴⁶² Там же. Приложение IV, пункт 2.

стала представлять территорию Западного Берлина, несмотря на «юридические тонкости»⁴⁶³.

В свете этого события знаменательным для ФРГ было послание президента Никсона конгрессу в феврале 1972 года. В нем сообщалось, что, несмотря на двусторонний характер советско-американских переговоров, «большинство затрагиваемых вопросов является частью более широкого круга проблем по безопасности, в которых заинтересованы все без исключения члены НАТО», и нельзя допустить, чтобы у СССР «была возможность добиться выборочной разрядки и улучшить отношения только с некоторыми, а не со всеми сразу западными государствами»⁴⁶⁴. Этот пассаж нивелировал заявления Бонна о том, что «ФРГ играет в процессе разрядки согласованную, но самостоятельную роль», и что «возможность идти рука об руку с партнёрами не затмевает того факта, что ряд барьеров и препятствий на этом пути могут ликвидировать только сами немцы»⁴⁶⁵. В ответ на демарш Никсона министр иностранных дел ФРГ Г. Шмидт в интервью немецкому журналу «Шпигель» отметил, что «США открыто претендуют на роль дирижера НАТО, стремясь сохранить за собой контроль над содержанием и интенсивностью разрядки в переговорном процессе с Москвой, отстаивая свой приоритет перед нами»⁴⁶⁶.

Заявление Шмидта носило небеспочвенный характер, однако уже в начале 1972 года курс внешней политики США подвергся корректировке под давлением растущей оппозиции демократически настроенного конгресса. Примером тому служат дебаты в ходе обсуждения военного бюджета в конгрессе. Несмотря на то, что во время доклада по военному бюджету на 1972 финансовый год М. Лэйрд учёл в свое выступление «критерии американской стратегической достаточности», правительству и министерству обороны США

⁴⁶³ Бакирова Г.Я. Объединение Германии: предпосылки, процесс и международно-правовые последствия. Казань, 2003, С. 42-43.

⁴⁶⁴ Unites States Foreign Policy for 70's. The Emerging Structure of Peace. A report by president Richard Nixon to the Congress, 09.11.1972. P. 203-205.

⁴⁶⁵ Texte zur Deutschland Politik. Sitzung des Deutsche Bundestages vom 28,29 Jan.1971. S. 592.

⁴⁶⁶ Der Spiegel, 18.04.197. S. 8.

становилось все сложнее противостоять антивоенно настроенной оппозиции Капитолия.

Таким образом, к моменту окончания второго раунда переговорного процесса США и СССР и в преддверии встречи в Москве в отношениях США и ФРГ оставался достаточно заметный элемент нестабильности. В значительной степени это объяснялось растущими претензиями Бонна на роль лидера в начавшемся процессе разрядки международной напряженности. Новая восточная политика Бонна уже успела доказать свою эффективность в отличие от затянувшихся советско-американских переговоров, не имевших вплоть до 1972 года серьезных практических решений.

После исторического визита Никсона в Москву 22-30 мая 1972 года были наконец-таки расставлены все акценты в отношениях США и ФРГ, что положило конец всем недосказанностям в американско-западногерманских отношениях 60-х годов. В рамках декларации дружественных отношений и сотрудничества было подписано коммюнике⁴⁶⁷, в котором США признавали результаты Новой восточной политики В. Брандта, отмечая ее полную своевременность и соответствие новым международным реалиям.

Существенным сдвигом в трехсторонних отношениях США-ФРГ-СССР стала ратификация бундестагом четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину, которое вступило в силу 3 июня 1972 года. Результатом эволюции внешнеполитической программы ФРГ в духе Новой восточной политики стало создание в 1970-1972 годах системы договоров и соглашений Западной Германии с восточноевропейскими государствами. Это не только положило конец целому ряду территориальных притязаний и установило status-quo в Европе, но и ознаменовало начало нормализации отношений с этими государствами.

⁴⁶⁷ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года.

URL. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml

Несмотря на признание Соединенными Штатами того, что «договоры, заключенные западногерманским руководством с 1969 по 1971 год, устранили основное препятствие на пути к сотрудничеству Востока и Запада»⁴⁶⁸, официальный Вашингтон не хотел акцентировать внимание на успехах своего западногерманского партнера. Спустя два дня с момента их ратификации государственный секретарь У. Роджерс дал хоть и позитивную, но довольно сдержанную характеристику ратификаций данных соглашений в ФРГ от лица всего американского руководства⁴⁶⁹.

Подводя итоги, необходимо отметить определенную эволюцию позиции ФРГ по отношению к американо-советским переговорам. Прежде всего, отметим, что и сами переговоры, и их атмосфера способствовали усилению позиций сторонников разрядки международной напряженности в том числе и в Бонне. Сложно оспаривать факт того, что зачатки к обновлению западногерманских внешнеполитических установок появились еще до начала переговоров по ОСВ. Однако именно советско-американский диалог, наряду с договором ДНЯО, стал своего рода катализатором, подтолкнувшим ФРГ к резкой смене своего внешнеполитического курса.

Помимо этого, сам факт советско-американских переговоров стимулировал Бонн к проведению более независимой, а порой противоречащей интересам США, внешней политике. Дело в том, что, несмотря на стратегическую значимость и очевидную зависимость стабильности и безопасности Западной Европы от успехов советско-американских переговоров (например, вопрос о начале переговоров СБСЕ или аспекты венских переговоров о сокращении вооружений в Центральной Европе), Вашингтон часто вел переговоры с Москвой исключительно в плоскости собственных интересов. Подобный эгоизм Вашингтона в значительной мере отразился на позиции ФРГ, стимулировав начало проведения боннским руководством более независимого внешнеполитического курса с целью

⁴⁶⁸ The New York Times, 02.05.1972.

⁴⁶⁹ FRUS. 1969-1972. Vol. I, Foundations of Foreign Policy. P. 1497-1505.

сохранения и дальнейшего укрепления своих политических и экономических позиций как внутри НАТО, так и в европейской подсистеме международных отношений.

Суммируя вышесказанное, правомерным представляется вывод о том, что переговоры о заключении соглашения по ограничению стратегических вооружений способствовали тому, что в американско-западногерманских отношениях сформировалась новая парадигма взаимодействия этих двух стран, сутью которой стала попытка гармонизации и смягчения основных спорных проблем во взаимоотношениях США и ФРГ, в результате чего был установлен новый баланс взаимовыгодного сотрудничества в рамках Североатлантического альянса.

2. **Американо-западногерманские отношения в ходе подготовки Сессии по безопасности и сотрудничеству в Европе: от идеи к практическим шагам (1972-1974 годы)**

В конце 60-х годов XX века основные концепции создания надежной оборонительной системы НАТО в Европе типа МЯС стали постепенно сменяться идеями о создании прочной системы общеевропейской безопасности. Среди всех западноевропейских государств эта идея возникла именно в ФРГ. Возможности создания подобной системы стали рассматривать в штабе планирования западногерманского МИДа во главе с Э. Баром еще в период правления «большой коалиции» в 1968 году⁴⁷⁰. Теоретики СДПГ и СвДП попытались адаптировать ее к вопросу объединения Германии, и, по их мнению, существовало три варианта реализации подобной системы. Первый вариант (концепция «А»), поддерживаемый В. Брандтом и Г. Шмидтом, сводился к поэтапному разоружению и установлению «равновесия сил» в Европе, что в конечном счете устранило бы основную причину раскола Германии – противостояние военных блоков⁴⁷¹. Вторая концепция «В» предусматривала создание совместного контролирующего органа, гаранта равновесия, находившегося над обоими блоками. Этот орган должен был осуществлять контроль над взаимным разоружением при сохранении баланса сил НАТО и ОВД, а впоследствии лечь в основу постоянной Европейской конференции по вопросам безопасности⁴⁷². Вариант «С», предложенный Э. Баром, был направлен на реорганизацию военно-политических блоков в единую систему безопасности равноправных государств, США и СССР в этом случае отводилась бы роль гаранта мировой стабильности⁴⁷³. Оценки этих

⁴⁷⁰ Первые идеи европейской безопасности все же принадлежат Советскому Союзу, который выдвигал планы по созданию подобной системы еще в 1954 году.

⁴⁷¹ FDP. Praktische Politik für Deutschland. Das Konzept der FDP. Die Wahlplattform bleibt aktuell. O.O., o. J. S. 17.

⁴⁷² W. Mischnik. VDB. 6. Wahlperiode. Bd. 71., 23. Sitzung, 15.01.1970. S. 854.

⁴⁷³ Hahn W.F. west Germany's Ostpolitik. The Grand Design of Egon Bahr. // Orbis. N. 16. Winter. 1973.

концепций были противоречивы, однако на практике концепции «В» и «С» оказались несостоятельны, прежде всего, из-за самих западноевропейских государств, которые в случае реализации последних двух проектов, лишились бы американской военной поддержки на континенте. Самым оптимальным вариантом для Западной Европы, по мнению Брандта, была концепция «А» с долгосрочными перспективами перехода к концепции «С». В интервью западногерманской газете Брандт так обосновал свой выбор: «сначала необходимо установить новые отношения друг с другом, и только после этого искать варианты возможной кооперации в будущем»⁴⁷⁴. Важным положением теории «европейской безопасности» была связь с процессом западноевропейской интеграции на базе ЕЭС. Отметим, что вышеперечисленные концепции СДПГ были вполне реалистичны после того, как в 1969 году, в соответствии с Римским договором 1957 года, был завершён первый этап западноевропейской интеграции. В результате был создан общий европейский рынок на базе ЕЭС. Последующие этапы предполагали уже укрепление и развитие внешнеторгового европейского союза и создание на его основе валютного союза⁴⁷⁵. Более того, по мнению социал-демократов на основе ЕЭС со временем должна была быть создана и устойчивая система безопасности, которая включала бы в себя, в том числе, ГДР, Польшу и Чехословакию.

Гарантии сверхдержав рассматривались в данном случае как основной принцип равновесия блоков НАТО и ОВД. Как говорил Э.Бар «Система блоков в том виде, в каком она существует сейчас, выполняет, помимо всего прочего, функцию обеспечения стабильности в Европе, и это необходимо сохранить»⁴⁷⁶. Официальным документом, который подвёл итог деятельности штаба планирования МИД ФРГ по выработке оптимальной концепции «европейской безопасности», стала записка Э. Бара «К вопросу о внешней

⁴⁷⁴ Der Spiegel. 27.09.1971.

⁴⁷⁵ Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. Под. Ред. А.С. Маныкина. М. 2010. С. 60- 67.

⁴⁷⁶ E. Bahr. Was wird aus den Deutschland? Fragen und Antworten. Rowohit. 1982. S. 22.

политике будущего федерального правительства» от 1 октября 1969 года. В ней сообщалось: «Рассчитывать на создание новой системы безопасности, упраздняющей существующие ныне военные союзы, не приходится. Не исключено, однако, заключение таких договоренностей, которые сведут ныне существующие системы до минимального уровня, способного в то же время стать первой ступенью к новой системе»⁴⁷⁷.

Теоретические обоснования необходимости создания системы европейской безопасности в конце 60-х годов совпадали с изменениями и в международно-политическом климате. Руководство США и СССР, все сильнее увязавшие в военно-политических конфликтах на периферии международных отношений (Ближний Восток, Юго-восточная Азия, Китай), окончательно приходят к выводу о необходимости установления глобальной стабильности на основе военно-стратегического паритета⁴⁷⁸. Потребность status-quo в мире определялась не только военно-стратегическими и экономическими последствиями гонки вооружений конца 60-х годов, но и рядом геополитических причин. С целью избежать прямого столкновения с США, СССР в 1968 году предлагает выступить посредником в ходе урегулирования отношений между Вашингтоном и Пхеньяном, а в результате обострения советско-китайских отношений Москва вообще выступает с инициативой создания системы коллективной безопасности в Азии. Несмотря на то, что эти попытки не увенчались успехом, становится очевидным, что Москва взяла курс на стабилизацию отношений с Соединенными Штатами. В Вашингтоне, в свою очередь, также не намеревались продолжать свою политику в духе эпохи конфронтации. Можно сказать, что советско-американские переговоры по сокращению стратегического вооружения в конце 60-х начале 70-х годов стали одними из первых шагов, ознаменовавших переход к «эре переговоров».

⁴⁷⁷ Цит. По: Jager W., Bracher K., Link. W. Republik in Wandel. 1969 -1974: Die Ara Brandt. S. 173.

⁴⁷⁸ См. Подробнее А.Г. Арбатов. Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984.

После подписания Четырехстороннего Соглашения по Западному Берлину от 3 сентября и бессрочного советско-американского соглашения о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны от 30 сентября 1971 года, США признают свою заинтересованность в успехах западноевропейской интеграции. Как отмечал в то время советник по национальной безопасности Г. Киссинджер, консолидация «Европы - важный структурообразующий элемент единой системы баланса сил современной системы международных отношений, стабильность в Европе основа стабильности в мире»⁴⁷⁹. Начиная с 1972 года, Вашингтон меняет свою стратегию, взяв на вооружение тактику использования единого европейского пространства как плацдарма для мирных переговоров с СССР, в том числе и по созданию системы европейской безопасности, сохраняя при этом свои доминирующие позиции по всему комплексу переговорного процесса с Москвой.

Этому процессу, однако, предшествовал длительный этап плодотворной работы по интеграции самих европейскими государствами, в то время как США, напротив, стремились не только дистанцироваться, но и сохранить определённую долю напряженности в регионе в своих интересах.

Идеи европейской безопасности получают свое активное развитие в конце 60-х годов XX века. В то время, как североатлантический альянс испытывал серьезный «кризис доверия», страны-члены ОВД на своих совещаниях с 1968 по 1969 годам в Софии, Будапеште, Москве и Праге неоднократно поднимали вопрос создания и обеспечения системы безопасности в Европе. В результате чего 17 марта 1969 года странами ОВД было составлено обращение ко всем европейским странам с призывом начать подготовку общеевропейского совещания. Западноевропейские государства-партнеры по НАТО, которые к тому моменту действовали в соответствии с

⁴⁷⁹ Henry Kissinger. Does America Need a Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century. NY., 2001. P. 49.

планом Армея, принятого на сессии совета НАТО 1967 года⁴⁸⁰, одобрительно отреагировали на советскую инициативу. Однако предложение социалистических стран не получило дальнейшего развития, прежде всего, из-за ввода советских войск в Чехословакию⁴⁸¹.

Наряду с желанием установить стабильные отношения с восточноевропейскими государствами, перед западноевропейскими странами также стояла задача вписать в этот процесс своего североатлантического партнера, занятого в тот момент совсем иными задачам. Как мы уже отмечали, США к началу 1969 года были вовлечены в первый раунд советско-американских переговоров и не были заинтересованы в активных действиях альянса по вопросам подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Во-первых, участие американской стороны в другом переговорном процессе не позволило бы США уделять должное внимание и принимать заметное участие в ходе принятия решений НАТО. Во-вторых, сам ход подготовки к совещанию мог сдвинуть акценты с переговоров по ОСВ в свою сторону, особенно на фоне интенсивно развивающейся восточной политики Брандта⁴⁸².

Примечательно, что ФРГ вплоть до прихода к власти «малой коалиции» все же воздерживалась от каких-либо однозначных суждений по поводу перспектив европейской безопасности. Во много это объяснялось нерешенностью на тот момент Берлинского и Германского вопросов. Но уже в октябре 1969 года Брандт, став канцлером, в своем правительственном заявлении призвал западноевропейских союзников «со всем вниманием отнестись к инициативе социалистических стран и предпринять активные шаги по созданию системы безопасности в Европе»⁴⁸³. В ходе апрельской сессии совета НАТО, приуроченной к двадцатой годовщине договора о

⁴⁸⁰ Sicherheitpolitik der Bundesrepublik Deutschland, Dokumentation. 1945-1977, Köln, Bd.1. 1979, S. 363.

⁴⁸¹ Ibid.

⁴⁸² FOIA: Warning of war in Europe. June 27, 1984, P. 20, URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0001486834.pdf

⁴⁸³ Duetschland - und Ostpolitik im Deutschen Bundestag. Bd.2, Bonn, 1973. S. 250.

создании Североатлантического Альянса, Брандт еще раз подчеркнул необходимость с особым вниманием отнестись к советской инициативе⁴⁸⁴. Европейские государства прислушались к Брандту лишь частично. В итоговом коммюнике юбилейной сессии говорилось, что «союзники, сохраняя метод тесных консультаций между собой, предполагают изучить вместе с Советским Союзом и другими странами Восточной Европы вопрос о том, какие конкретные проблемы могут прежде всего стать предметом плодотворных переговоров и скорейшего решения»⁴⁸⁵. Несмотря на то, что к тому моменту принципиальное решение о необходимости созыва совещания было принято, фактических шагов еще долго не предпринималось. Ограничиваясь поочередными публичными заявлениями, одобряющими эту инициативу, вплоть до декабря 1969 года обе стороны избегали прямого диалога.

Конкретные шаги в этой области были предприняты на зимней сессии альянса в Брюсселе. В качестве основных задач взаимодействия с социалистическими странами Брандт видел переговоры о пропорциональном сокращении вооруженных сил в Центральной Европе на базе общеевропейской разрядки. Свои идеи канцлер озвучил на декабрьской сессии. Несмотря на то, что в итоговом коммюнике вновь были подтверждены основные цели союза, нацеленные на решение двойственной задачи: «укрепления обороны на Западе и поиска стабильного мира на Востоке», - а западноевропейскими государствами было принято решение о создании особой комиссии по обсуждению и подготовке совещания в Европе, каких-то конкретных инициатив в документе отмечено не было⁴⁸⁶.

Однако достижение каких либо реальных результатов было невозможно во многом из-за нерешенности Германской проблемы, урегулирование которой без добровольного согласия ФРГ могло привести к

⁴⁸⁴ NATO – official text: Final Communique, 10 Apr. 1969 – 11 Apr. 1969. Washington, URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26754.htm?selectedLocale=en

⁴⁸⁵ Ibid.

⁴⁸⁶ NATO – official text: Final Communique, 04 Dec. 1969 - 05 Dec. 1969, Brussel. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26761.htm?selectedLocale=en

очередному кризису системы. Но после начала Новой восточной политики Западной Германии и ряда громких заявлений Брандта о том, что «конференция подобного рода после тщательной подготовки может стать важным этапом на пути к большей безопасности и прогрессу в отношениях между Восточной и Западной Европой»⁴⁸⁷, совет НАТО на декабрьской сессии в Брюсселе «решился» на созыв совещания при условии «тщательной подготовки и наличия перспектив достижения на нем конкретных результатов»⁴⁸⁸. По мнению западноевропейских государств на сессии совета НАТО в Риме в мае 1970 года одним из таких «конкретных результатов», помимо вопросов социально-экономического, научно-технического, гуманитарного сотрудничества, должно было стать урегулирование Берлинской проблемы⁴⁸⁹. В этой связи объективным выглядит мнение министра внутренних дел ФРГ Г. -Д. Геншера, который называл Западный Берлин «пробным камнем политики разрядки»⁴⁹⁰. Можно сделать вывод, что на начальном этапе ход подготовки совещания был напрямую связан с успехами Новой восточной политики ФРГ.

Помимо Германского вопроса западноевропейские государства настаивали на том, что неотъемлемым условием переговорного процесса со странами Варшавского договора являлось привлечение к подготовке совещания атлантических партнеров НАТО, США и Канады, а также проведение совместных предварительных переговоров о взаимном сбалансированном сокращении вооруженных сил в Европе⁴⁹¹. Участие США и Канады являлось одним из структурообразующих элементов системы Европейской Безопасности, и, несмотря на то, что Западная Европа стремилась к большей независимости и самостоятельности от внешнеполитического курса Вашингтона, по мнению Г. Киссинджера, созыв

⁴⁸⁷ *Jahrebericht der Bundesregierung.*, Bonn, 1969. S. 37.

⁴⁸⁸ NATO – official text: Declaration of the North Atlantic Council. 04 Dec. 1969 – 05 Dec. 1969. Brussel, URL.http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26760.htm?selectedLocale=en

⁴⁸⁹ *Sicherheit Konferenz in Europa. Dokumentation. 1954-1972.*, Frankfurt a.M. 1972. S. 138.

⁴⁹⁰ *Genscher H.-D. Deutsche Aussenpolitik.* Bonn. 1977. S. 22.

⁴⁹¹ *Sicherheit Konferenz in Europa. Dokumentation. 1954-1972.*, Frankfurt a.M. 1972. S. 138.

«общеевропейского совещания был возможен только на многосторонней основе, где представлены все участники международных отношений в равном соотношении»⁴⁹². Вашингтон не исключал возможности присоединения к процессу создания единой системы европейской безопасности, однако сделать это планировалось лишь после установления стратегического паритета с СССР. Как отмечали в то время сенаторы Джон Тауэр, Джордж Макговерн, Эдвард Брук и ряд других американских политиков, «начавшийся европейский процесс – прямое следствие общей стратегической концепции обороны НАТО... разумеется, США заинтересованы в стабильной и безопасной Европе ...но система европейской безопасности зависит от решения и других проблем, выходящих за рамки европейских дел (например, Вьетнам, ОСВ и ПРО). Зачастую такие проблемы носят первостепенный характер, без их принципиального решения конструкция Европейской безопасности будет оставаться шаткой и неустойчивой»⁴⁹³.

Несмотря на то, что Госдеп воздерживался от критики действий западноевропейских партнеров в ходе подготовки европейского совещания, позиция ряда видных политических деятелей США, в том числе министра обороны М. Лэйрда, помощника госсекретаря Э. Ричардсона и самого госсекретаря У.П. Роджерса, сводилась к тому, что западноевропейским партнерам необходимо подробно разработать основные элементы оборонной стратегии НАТО в контексте предстоящего совещания, прежде чем переходить к активной фазе переговоров, до этого момента ограничиваясь «обменом мнений и консультациями по сугубо европейским вопросам стабильности и благополучия региона... вопросы о сокращении вооружённых сил не могут решаться без участия Соединенных Штатов»⁴⁹⁴.

Тем не менее, несмотря на рекомендации Вашингтона, уже к середине

⁴⁹² FRUS. Vol.1, Foundations of Foreign Policy, 1969–1972. P. 39 URL: http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v01/pg_39

⁴⁹³ CR. Vol. 118. Part 21, 1972. P. 27645; Part 22. P. 31512-31512.

⁴⁹⁴ FOIA: Warning of war in Europe. June 27, 1984, P. 20, URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0001486834.pdf

1970 года происходит резкая активизация подготовки совещания. Произошло это во многом благодаря заключению Московского договора в августе 1970 года между СССР и ФРГ, снявшего угрозу возможного срыва всего переговорного процесса в связи с жесткой позицией ФРГ. В ходе визита в СССР В. Брандт специально отметил, что «складывающаяся в настоящее время обстановка в Европе благоприятствует созыву общеевропейского совещания с участием США и Канады»⁴⁹⁵.

В свете этих событий в ноябре 1970 года Финляндия предложила провести предварительные встречи государств, заинтересованных в созыве общеевропейского совещания, в Хельсинки. Западноевропейские страны выступили с поддержкой этой инициативы, однако условия, выдвинутые США на декабрьской сессии совета НАТО о возможности проведения этих встреч только в случае подписания Четырехстороннего Соглашения по Западному Берлину, по-прежнему не были учтены.

Таким образом, складывалась любопытная ситуация, когда две сверхдержавы, уже вступившие в переговорный процесс между собой с целью достижения разрядки международной напряженности, препятствовали началу подобного совещания в Европе. Правда, если Москва ратовала за скорейшее начало переговоров, но без участия США в силу их «геополитической непричастности», то Вашингтон выступал за отсрочку всего мероприятия. Для тех и других проблема статуса Берлина была отличным поводом реализовать свои намерения. Вашингтон выступал за несвоевременность общеевропейского совещания, стремясь увязать европейские проблемы с комплексом глобальных задач американской внешней политики. СССР же подходил к вопросу европейского совещания с иных позиций.

С приходом к власти В. Брандта Москва меняет тактику, начав диалог напрямую с Западной Германией, в итоге заключив «делку» с канцлером. Московский договор 1970 года ставил под сомнение роль США на

⁴⁹⁵ Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1971. М., 1972. С. 112.

Европейском континенте, продемонстрировав возможность Бонна самостоятельно договориться с СССР без посредничества Вашингтона. Таким образом, Советский Союз выстраивал систему переговоров по ОСВ и СБСЕ с точки зрения их равнозначности, относительной автономности, желая, таким образом, понизить влияние США на «европейские дела». В то же время, размежевав два параллельно развивающихся направления разрядки, советское руководство стремилось создать своеобразную систему противовесов между советско-американскими и европейскими переговорами.

Что касается Бонна, то в условиях перехода к активной восточной политике правительство Брандта-Шееля резко меняет вектор отношения к перспективам создания системы европейской безопасности и начинает интенсивно развивать «стратегию равновесия» восточного и западного направления внешней политики, ибо всестороннее «содействие разрядке напряженности облегчало положение разделенной нации»⁴⁹⁶. Как высказался Э. Бар в записке «К вопросу о внешней политике будущего федерального правительства»: «Активная политика в отношении Европейского сообщества является тем более необходимой, так как преследуемая европейская цель никоим иным образом не может быть достигнута быстрее, и ФРГ может путем продолжения своей «европейской политики» заручиться доброй волей своих ближайших европейских союзников для проведения своей «восточной» и «союзной» политики»⁴⁹⁷. Помимо этого, Брандт считал, что именно укрепление солидарности в рамках НАТО и единая стратегия являются «предпосылкой успеха европейской разрядки»⁴⁹⁸. Осознавая неизбежность четырехсторонних консультаций, Брандт занял конструктивную позицию, он считал, что в тот момент было необходимо «установить такой режим в городе, который способствовал бы нормализации жизни его граждан...Западный

⁴⁹⁶ Schmidt H. Strategie des Gleichgewichts. Deutsche Friedenspolitik und die Weltmächte, Stuttgart, 1970, S.143.

⁴⁹⁷ Цит. по: Jager W., Bracher K., Link. W. Republik in Wandel. 1969 -1974: Die Ara Brandt. S. 175.

⁴⁹⁸ Sicherheitspolitik der Bundesrepublik Deutschland: Dokumentation. 1945-1977. B. 1, Köln, 1978. S. 309.

Берлин, его безопасность и не вызывающие ни малейших сомнений связи с Федеративной Республикой Германии стоят во главе угла нашей политики»⁴⁹⁹. Именно поэтому западногерманское руководство прикладывает «максимум усилий для скорейшего урегулирования вопроса»⁵⁰⁰. Почти сразу после заключения Четырехстороннего Соглашения в ходе визита вице-канцлера и министра иностранных дел ФРГ в Москву западногерманские политики высказали свое твердое убеждение в том, что «подготовка совещания на многосторонней основе по согласованию позиций государств готова начаться»⁵⁰¹.

Наряду с этим, совещанию способствовало продвижение советско-американских переговоров. После официального заявления Никсона о достигнутом «стратегическом паритете» с СССР страны Варшавского договора более не могли противиться участию США и Канады в совещании и дали свое принципиальное согласие, выполнив тем самым все требования, выдвинутые западноевропейскими партнерами по НАТО в ходе консультаций 1969-1971 года. Все самые сложные узлы противоречий, связанные с урегулированием отношений вокруг Западного Берлина, признанием ФРГ ГДР и необходимости участия атлантических партнеров по НАТО в конференции, были урегулированы.

В ходе многосторонних консультаций нерешенным оставался вопрос о роли двух сверхдержав в ходе общеевропейского совещания. Дело в том, что к концу 1971 года, несмотря на установленный «стратегический паритет», ход советско-американских переговоров вновь был нарушен в связи с обнародованием военного бюджета США на 1972 год, о котором упоминалось ранее. Несмотря на то, что эта проблема выходила за рамки общеевропейского процесса и касалась двусторонних контактов Москвы и Вашингтона, официальное заявление государств НАТО о начале переговоров в Хельсинки

⁴⁹⁹ Brandt W., Schmidt H. Deutschland 1976. Zwei Sozial-demokraten in Gespräch. Hamburg 1976. S. 128.

⁵⁰⁰ Ibid.

⁵⁰¹ Text zur Deutschlandpolitik. Bd. 9. Bonn. 1972. S. 243-245.

было отложено вплоть до мая 1972 года.

На фоне этих событий в западногерманской общественности начинают преобладать мнение о необходимости дистанцироваться от США. Так, немецкий журнал «Шпигель» писал: «Западная и Восточная Европа наконец-таки нашли приемлемые пути и способы взаимодействия, в этом большая заслуга немецкого канцлера В. Брандта... Руководство ФРГ решительно настроено продолжить действовать в интересах безопасности всей Европы и не хочет останавливаться на достигнутом, ожидая своей очереди, пока «великие державы» договариваются о своих интересах»⁵⁰².

Несмотря на то, что политический консультативный комитет стран ОВД принял решение о начале подготовки общеевропейского совещания еще в январе 1972 года, страны НАТО еще некоторое время затягивали с ответным решением, обсуждая ряд вопросов, связанных с перспективами ядерного планирования НАТО в свете установившегося баланса сил и планов США по сокращению своего военного присутствия в Европе⁵⁰³. Особенно остро эти проблемы стояли перед ФРГ, которая нуждалась в некоторой паузе для адаптации системы «восточных» договоров к американо-западногерманскому диалогу, чтобы не лишиться американской поддержки в переговорах о сокращении вооружений в Центральной Европе. Так, в первой половине 1972 года В. Шеель объявил, что первый этап «политики разрядки» можно считать завершенным, и теперь «эта политика должна быть переведена в спокойное русло», он считал, что «более не следует форсировать отношения с Москвой, давая им развиваться естественным путем», более того, министр иностранных дел отметил, что «дальнейший процесс согласования деталей будущего сотрудничества (основа для которых была заложена в «восточных договорах»)

⁵⁰² Der Spiegtl. Heft 36. 30.08.1971. S. 30.

⁵⁰³ NATO – official text: Final Communique, 09 Dec. 1972 – 10 Dec. 1972. Brussel, URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26812.htm?selectedLocale=en
NATO – official text: Final Communique, 18 May. 1972 – 19 May. 1972. Bonn, URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26846.htm?selectedLocale=en
NATO – official text: Final Communique, 24 May. 1972. Bonn, URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26845.htm?selectedLocale=en

будет длительным и трудным»⁵⁰⁴. Эта же мысль содержалась в послании Э. Бара Г. Киссинджеру 1 апреля 1972 года: «Нет сомнений, что присутствие США в Европе – гарантия стабильности в регионе. Руководство СССР это понимает, подтверждением тому выступает Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину... Продуктивность СБСЕ также сильно зависит от участия Соединённых Штатов в совещании. Европейские государства подготовили почву для его начала (имеется ввиду система двусторонних договоров ФРГ с социалистическими странами), однако диалог по сокращению вооружений в Центральной Европе и ряду других проблемных вопросов без США будет крайне затруднительным»⁵⁰⁵. Бар еще раз выразил свою надежду на то, что Вашингтон подтвердит свои намерения участвовать в судьбе СБСЕ в итоговом коммюнике министерской сессии Североатлантического альянса в Бонне 31 мая⁵⁰⁶.

В таком настроении Бонн пребывал вплоть до мая 1972 года, оказавшимся очень насыщен событиями, в результате которых советско-американские переговоры по сокращению стратегических вооружений, подготовка к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе и Новая восточная политика ФРГ слились в единое целое. Они стали восприниматься многосторонним комплексом мер по дальнейшему развитию процесса разрядки международной напряженности. Начиная с 19 по 24 мая в совете безопасности НАТО велись непрерывные консультации по согласованию предстоящего соглашения США и СССР в контексте военной стратегии НАТО; 26 мая состоялась встреча глав двух сверхдержав, в результате которой был заключен Договор по ПРО и Временное соглашение между Соединёнными Штатами Америки и Союзом Советских Социалистических Республик об определённых мерах относительного ограничения

⁵⁰⁴ АВП РФ. Ф. 82. Оп. 19. П. 107. Д. 29. Л. 53-53; ФВП РФ. Ф. 82. Оп. 18. П. 103. Д. 32. Л. 5.

⁵⁰⁵ FRUS. Vol. XL, Germany and Berlin, 1969–1972, Doc. 50. P. 989-990. URL. <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v40/d349>

⁵⁰⁶ Ibid.

стратегического наступательного вооружения. Помимо этого, в дополнительном коммюнике была дана положительная оценка итогов западногерманской восточной политики; 30 мая на сессии совета НАТО в Бонне западные страны выразили согласие вступить в многосторонние консультации по подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которые были запланированы на июль 1973 года; 3 июня ФРГ ратифицировала в бундестаге весь комплекс соглашений, связанных с установлением дружественных отношений со странами Восточной Европы и Четырехстороннее Соглашение по Западному Берлину.

Таким образом, к лету 1972 года начался новый этап международных отношений, который характеризовался постоянными и непрерывными консультациями по вопросам укрепления стабильности и равновесия биполярной системы. Визит Никона в Москву открыл целую серию встреч глав государств по дальнейшему урегулированию вопросов сокращения стратегических вооружений, которые постепенно интегрировались в процесс подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В итоге ФРГ, проводя активную внешнюю политику в 1969-1972 годах, была полностью вовлечена в общеевропейский процесс. Позиция западногерманского руководства по основным вопросам подготовки совещания, хоть и подвергалась определённой критике даже внутри самой ФРГ, в целом совпадала с позицией других стран-членов НАТО. В ежегодном правительственном заявлении от 18 января 1973 года «О положении нации в разделенной Германии» В. Брандт рассказал о планах вновь сформированного кабинета СДПГ-СвДП после досрочных выборов в бундестаг 1972 года⁵⁰⁷. В качестве основных задач государства он назвал вступление ФРГ и ГДР в ООН, подготовку к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в Европе, расширение участия ФРГ в ЕЭС и повышение доли военных расходов для большего долевого участия ФРГ в НАТО. Относительно восточной политики

⁵⁰⁷ См. приложение № 1 и 2. В результате выборов 1972 года “малой коалиции” удалось сохранить свои позиции, однако перевес СДПГ/СвДП над ХДС/ХСС значительно снизился.

канцлер сообщил, что «решающие предпосылки к разрядке и реформам созданы... теперь их необходимо целенаправленно реализовывать в повседневной жизни»⁵⁰⁸. Он подчеркнул значимость «восточных соглашений», сказав, что без них подготовка общеевропейского совещания была бы невозможна, а ведь именно оно «сейчас дает надежду всему немецкому народу на «воссоединение»⁵⁰⁹.

Как мы уже говорили, наиболее остро полемика вокруг отношений с социалистическими странами разгорелась во время ратификации восточных соглашений, и начала угасать лишь после отставки канцлера в мае 1974 года. В контексте проблем сокращения вооружений в Европе и подготовки СБСЕ христиан-демократы во главе с Р. Барцелем, В. Марксом, Ф. Й. Штраусом опасались, что в ответ на ратификацию договоров, США, по аналогии с 1963 годом, предпримут контрмеры и начнут сокращать свое военное присутствие в Европе. В ответ на это Г. Шмидт отметил, что взаимосвязь между этими двумя явлениям отсутствует, ведь «Никсон заверил, что американские войска в Европе не будут сокращены в одностороннем порядке, только в рамках двустороннего сокращения» в рамках политики разрядки⁵¹⁰. Черту в спорах о ратификации восточных договоров подвел В. Брандт в конце июня 1972 года, заверив своих оппонентов, что курс на «воссоединение Германии» по-прежнему остается основополагающей целью западногерманской политики⁵¹¹. Таким образом, можно справедливо заметить, что изменение внешнеполитической доктрины ФРГ было лишь попыткой найти более гибкие пути решения прежних задач.

Подтверждением тому является уже не раз упомянутое письмо министру иностранных дел СССР «О германском единстве», отправленное вице-канцлером ФРГ В. Шеелем во время подписания Московского договора. Его содержание имело принципиальное значение, так как основные его

⁵⁰⁸ VDB. 7. Wahlperiode. Bd. 81. 7 Sitzung 18.01.1973. S. 121-134.

⁵⁰⁹ Ibid.

⁵¹⁰ VDB. 6 Wahlperiode. Bd. 79. 171 Sitzung, 23 Juni 1972. S. 9924.

⁵¹¹ Ibid.

постулаты легли в основу требований ФРГ в ходе подготовки совещания. По мнению Брандта, основной задачей ФРГ в ходе подготовки к общеевропейскому совещанию в этой связи было добиться закрепления принципа мирного изменения границ и установления тесных контактов между гражданами, «профессиональными группами» и «организациями»⁵¹².

Однако в отношениях с Вашингтоном по-прежнему оставались определенные трудности. Новым поводом к резкой критике правительственного курса в отношении с США стало заключение очередного соглашения о валютной компенсации с 1 июля 1971 года по 30 июня 1973 года на общую сумму 6,65 млрд. марок. Подобные договорённости с США заключались начиная с 1961 года, сроком на два года каждое, однако сумма займа правительству США в соглашении 1971 года превосходила суммы предыдущих платежей. Правительство Брандта-Шееля рассматривало это соглашение как неотъемлемую часть политики «стратегического равновесия», которая позволяла бы ФРГ рассчитывать на поддержку стран НАТО в реализации своей восточной политики. Несмотря на качественно новые условия договора, в частности, то, что доля закупок вооружения была значительно увеличена и ФРГ представлялась возможность закупать только самое современное вооружение для бундесвера, оппозиция упрекала Брандта в том, что, своими «заигрываниями» с Москвой с момента прихода к власти, он неоднократно ставил под сомнение имидж ФРГ в глазах главного союзника. Христиан-демократы назвали эту сделку «финансовыми уступками» взамен на то, чтобы США поддержали западногерманское руководство в проводимой им восточной политике»⁵¹³. Суть выступлений делегатов от ХДС/ХСС сводилась к тому, что соглашение о валютной компенсации лишь первый шаг, дальше ФРГ придется идти на куда большие жертвы, чтобы сохранить отношения с Вашингтоном⁵¹⁴.

⁵¹² KSZE. In Beiträgen und Dokumenten aus dem Europa-Archiv. Bonn, 1976, S. 50.

⁵¹³ Цит. по: Jäger W., Bracher K., Link W. Republik im Wandel. 1969 – 1974: Die Ära Brandt. S. 234

⁵¹⁴ VDB. 6. Wahlperiode. Bd. 72., 42. Sitzung, 15.04.1970. S. 2134-2140.

Дальнейшее развитие двусторонних контактов с США частично подтвердило опасения христиан-демократов и способствовало обострению внутривнутриполитического раскола ФРГ. Несмотря на то, что Никсон неоднократно заявлял, что Вашингтон не намерен в дальнейшем сокращать свои войска в Европе, в том числе и ФРГ, последующая договоренность о валютной компенсации 1973 года фактически нивелировала американские обещания. Она предусматривала полную компенсацию расходов на содержание американских войск и модернизацию военных баз исключительно за счет западногерманского бюджета, в противном случае США рассматривали возможность одностороннего сокращения своего военного присутствия на европейском континенте⁵¹⁵. Таким образом, все бремя расходов на собственную безопасность в Европе ложилось на плечи Западной Германии.

Отметим, однако, что сокращение американских войск в Европе на этом этапе никак не было связано с проведением западногерманской восточной политики. Основной причиной служило обострение противоречий между администрацией и оппозицией в Конгрессе, вызванное новым этапом эскалации вооруженного конфликта во Вьетнаме. Попытки противников администрации Никсона ограничить расходы для ведения войны в Юго-Восточной Азии сказывались на всем комплексе финансовой политики США накануне президентских выборов: в то время, как республиканцы призывали конгресс работать вместе с президентом, чтобы изменить американскую внешнюю политику...»⁵¹⁶, демократы ставили «вопрос о честности администрации...», которая, несмотря на заявления о необходимости смены внешнеполитического курса, продолжала совершать новые бомбовые налеты во Вьетнаме⁵¹⁷. Вашингтон в этот период исходил из сугубо собственных государственных интересов и стремился «перераспределить усилия между членами НАТО в области обороны союза», тем самым скинув с себя

⁵¹⁵ Jager W., Bracher K., Link W. Republik im Wandel. 1969 – 1974: Die Ara Brandt. S. 234.

⁵¹⁶ Congressional Records. Vol. 118. Part 21, 1972. 4 Aug. – 14 Aug. P. 27645.

⁵¹⁷ US News and World Report. 1982. 3 July. P. 8.

ощутимую долю расходов на оборону Европы.

Несмотря на реальные внутривнутриполитические сложности США, оппозиционные силы ФРГ были склонны искать причину смены внешнеполитического курса США в Европе в действиях своего канцлера. Необходимость решения проблемы военных расходов и сохранения «равновесия сил» в Европе всегда рассматривалась западногерманскими политиками, особенно консервативного толка, как первостепенный элемент будущей системы безопасности в Европе, где доля участия США являлась решающей. Именно поэтому заявления США о возможном одностороннем сокращении своего военного присутствия в регионе заставили многих западногерманских политиков «запаниковать», восприняв итоги Новой восточной политики не как триумф, а как «час горькой расплаты», когда рушатся иллюзии и не оправдавшие себя надежды. Интерпретация смысла договоров, данная в письме «О германском единстве», еще некоторое время помогала поддерживать позиции Брандта и оправдывать его внешнеполитические шаги. Однако давление на канцлера неуклонно росло. Даже депутаты правящей коалиции отчасти стали воспринимать доводы ХДС/ХСС о том, что политика Брандта не в полной мере отвечает интересам страны. В этой связи председатель фракции СвДП резюмировал, что система соглашений с социалистическими странами безусловно была «не триумфальным решением западногерманской дипломатии, а патриотическим долгом немцев... это лучше убаюкивания нации в иллюзиях»⁵¹⁸.

К 1974 году положение канцлера заметно осложнилось. Помимо критики его внешнеполитического курса, стало проявляться недовольство его внутренней политикой в сфере образования и социального обеспечения, страна испытывала серьезные финансово-экономические трудности. Так, к началу 1974 года члены Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК) резко стали сокращать добычу нефти, что вызвало повышение цен на топливо. Рост производства в Германии резко замедлился, инфляция возросла на 8%.

⁵¹⁸ VDB. 7. Wahlperiode. Bd. 81. 15 Februar 1973. S. 560.

Уровень безработицы значительно поднялся и достиг рекордной по тем временам цифры. Безработными оказались 1,2 миллиона человек. Помимо этого, предвыборная программа Брандта 1972 года не отличалась своей новизной в сравнении со сходным документом 1969 года. Многие высказывали предположения, что канцлер «выдохся». Кроме того, внутривнутриполитические трудности в стране не позволяли Бонну принимать активное участие в ходе подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, что могло бы сильно сказаться на дальнейшей судьбе ФРГ.

Да и отношения с США, которые, по мнению ряда западногерманских политиков, должны были являться основным союзником ФРГ в ходе подготовки европейского совещания, продолжали находиться в «подвешенном» состоянии. Это объяснялось не только общим желанием США оставаться в стороне от внутриевропейских проблем и вовлеченностью Белого дома в ряд конфликтов на периферии системы международных отношений, но и политическим консенсусом, достигнутым двумя странами после ратификации восточных договоров ФРГ. В соответствии с этим консенсусом Вашингтон освободил себя от обязательств по Западному Берлину, и под давлением продемократически настроенного Конгресса вынужден был снизить свою политическую активность в Европе, сконцентрировавшись на внутривнутриполитических проблемах США.

Несмотря на это, после реализации основных этапов Новой восточной политики, оппозиция «малой коалиции» в лице ХДС/ХСС все активнее искала поддержку у американского руководства. Так, например, председатель партии ХДС, Р. Барцель (предполагаемый претендент на пост федерального канцлера после вынесения вотума недоверия Брандту) и глава парламентской группы ХДС/ХСС К. Карстенс (один из инициаторов вотума) после неудачной попытки отправить канцлера в отставку неоднократно совершали частные визиты в США. Более того, в августе 1973 года ряд сенаторов республиканской партии открыто поддержали христиан-демократов, жестко

отреагировав на заявление депутата Ю. Штайнера на пресс-конференции о «подкупе депутатов в ходе голосования об отставке канцлера». Позиция этих сенаторов сводилась к тому, что Брандт утратил свое влияние в бундестаге и не может больше управлять страной⁵¹⁹. Помимо этого в Конгрессе также стали слышаться заявления о том, что, переживая «кризис доверия власти», ФРГ не только не может эффективно действовать в ходе подготовки к общеевропейскому совещанию... но и значительно тормозит весь процесс разрядки»⁵²⁰. Конечная реакция сенаторов подтвердила общий настрой Вашингтона, который после ратификации соглашений «восточной политики» продолжал видеть в лице В. Брандта угрозу выхода процесса разрядки из-под контроля США.

Точку в политической карьере Брандта поставило разбирательство по «делу Штайнера-Винанда» и скандал, связанный с личным референтом канцлера Г. Гийомом, которого уличили в шпионаже, что сильно ударило по авторитету канцлера. Это сказывалось и на общем уровне доверия к коалиционному правительству во главе с СДПГ, вынуждая его корректировать курс и пересматривать свои программные установки, отступая от достигнутых Брандтом позиций. Для того чтобы как-то стабилизировать ситуацию в стране, сдерживать растущую популярность христиан-демократов и сохранить основные устремления и достижения восточной политики, в 1974 году Брандт принимает решение уйти в отставку.

Кризис политической власти в ФРГ совпал со схожими явлениями в США. В 1972 году Никсона был переизбран на второй срок. Однако его политика в сфере национальной безопасности, направленная на финансирование новых военных программ в Юго-Восточной Азии, как мы уже упоминали, встречала серьезное противодействие со стороны Конгресса. После начала работы нового Конгресса в 1972 году американские законодатели усилили свои позиции и смогли значительно урезать

⁵¹⁹ Congressional Records. Vol. 118. Part 21, 1972. 4 Aug. – 14 Aug. P. 2764.

⁵²⁰ Ibid.

финансирование оборонных программ. Так, военный бюджет на 1974 финансовый год был сокращен на 2,8 миллиарда долларов и составил 74,2 миллиарда⁵²¹. Трудности Никсона объяснялись также желанием Конгресса сократить и численность американских вооруженных сил в Европе. В противовес этому после избрания на второй срок Никсон все чаще стал отмечать, что после «скорого окончания войны во Вьетнаме перед Вашингтоном встанет задача вернуться к разрешению европейских проблем»⁵²². Сенатор от республиканской партии Дж. Тауэр вторил ему: «Решение Конгресса вывести войска из Европы безответственно, и будет означать, что США оставили весь остальной мир Советам»⁵²³. Более того, сенаторы-республиканцы все больше настаивали на том, что «американское присутствие в совокупности с ядерной мощью жизненно необходимы для европейских союзников по НАТО»⁵²⁴. Они утверждали, что поспешность в вопросах вывода американских войск из Европы может негативно сказаться на темпах переговоров о сокращении стратегического вооружения в Центральной и Восточной Европе⁵²⁵.

Под влиянием «Уотергейта» лидеры демократов, имея большинство в обеих палатах Конгресса, пытались всячески упрочить свои позиции, дискредитируя внешнеполитический курс президента, который способствовал лишь экономическому упадку в США. Большинство демократов рассматривали переговоры о сокращении стратегического вооружения в Центральной и Восточной Европе как способ облегчить бремя США по сохранению стабильности региона и сконцентрировать свое внимание на нуждах страны. Так, сенатор М. Мэнсфилд отмечал острую необходимость сокращения расходов на содержание американского контингента в Европе, он

⁵²¹ Congress and the Nation. Vol. 4, № HR-11575. P. 155.

⁵²² The President's News Conference of Jan. 31, 1973// Public Papers of the President R.Nixon// URL:

<http://www.nixonfoundation.org/index.php?sre=gendoes&link=PublicPapersofPresidentNixon&category=Research%20Center>

⁵²³ Congressional Records. Vol. 119. Pt. 24, 1973, 20-27 Sept. P. 31512-31513.

⁵²⁴ US News and World Report. 1973. 30 April. P. 36.

⁵²⁵ Ibid.

призывал «вкладывать эти деньги в благополучие собственной страны, отмечая, что экономическая ситуация в стране очень тяжелая, инфляция охватила всю Америку, и последствия этого непредсказуемы»⁵²⁶. Исходя из этих соображений, демократы трактовали вывод американских войск как превентивное средство достижения мира и стабильности в Европе и ускорение темпов разоружения на собственном примере.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в период с конца 1972 года до начала 1974 года США и ФРГ претерпели относительно серьезную политическую трансформацию, обусловленную кризисом политической власти в стране. Это было связано не только с внутривнутриполитическими аспектами их развития, но и влиянием внешнеполитических факторов. В первую очередь, перед государствами стояла задача определить свою долю участия в мировой политике.

Вопреки определённой схожести внутривнутриполитических процессов, характер партийно-политической борьбы в ФРГ и США отличался противоположенными тенденциями. В США демократические силы оказывали постоянное давление на консервативных республиканцев с целью сократить расходы на развитие американского военно-стратегического комплекса и сконцентрировать свое внимание на инициативах, нуждавшихся в минимальном использовании силовых методов давления на противника. Республиканцы же во главе с Никсоном, напротив, видели единственный путь к разрядке через постоянное давление на СССР за счет усиления своих военно-стратегических позиций в Европе и в мире в целом.

В ФРГ ситуация складывалась иначе. Либерально настроенные социал-демократы во главе с В. Брандтом испытывали серьезное противодействие со стороны консервативно настроенных христиан-демократов. Партия ХДС/ХСС обвиняла коалиционное правительство в излишнем либерализме, который вел страну к экономическому и политическому регрессу. Они настаивали на

⁵²⁶ Congressional Records. Vol. 119. Pt. 24, 1973, 20-27 Sept. P. 31510.

усилении собственного военного потенциала и интенсификации связей с США.

Несмотря на это, канун 1974 года стал неким рубежом в американо-западногерманских отношениях в ходе подготовки СБСЕ, когда оба государства начинают остро осознавать необходимость интенсификации этого процесса и переходят к активной стадии непрерывных многосторонних консультаций.

3. Эволюция подходов США и ФРГ к проблеме европейской безопасности: общее и особенное (1972-1974 гг.)

В середине 1972 года после преодоления очередного витка противоречий, связанных с проведением Новой восточной политики ФРГ и ее согласования с американским внешнеполитическим курсом, Вашингтон и Бонн вновь начинают идти на сближение. Отношения двух стран неоднократно испытывали спады и подъемы, однако этот этап их взаимодействия отличался от предыдущих тем, что впервые с 1949 года их диалог не был так сильно обременен «привязкой» к Германской или Берлинской проблематике. Такое явление можно было объяснить двумя стремительно развивающимися тенденциями. Во-первых, после реализации активной фазы Новой восточной политики В. Брандта и установления особого международно-правового статуса Западного Берлина вопросы объединения Германии перестали носить столь острый характер, как это было прежде. Они все больше воспринимались мировым сообществом как сугубо «германское дело». Во-вторых, установление международных контактов ФРГ с социалистическими странами способствовало ослаблению участия США в международно-политической жизни Западной Германии. Как следствие, США частично утратили свое влияние на развитие западноевропейского сообщества. Однако важное значение для двух стран по-прежнему отводилось основополагающим процессам разрядки международной напряженности. Относительно европейского континента речь шла, в первую очередь, о вопросах становления системы безопасности и проблем ограничения вооружений в регионе, которые к 1974 году, наконец, стали обретать первые конкретные очертания и были немыслимы без непосредственного и активного участия США и ФРГ.

Давая характеристику международно-политической ситуации в конце 1973 – начале 1974 года, необходимо также учитывать определенный

диссонанс в действиях западноевропейских государств и США. Во многом это объясняется сменой расстановки сил в Западном Блоке.

В начале 60-х годов страны Западной Европы были вовлечены в своего рода «соревновании» с целью обладания более выгодным положением в НАТО и в глазах США. В начале 70-х годов отмечается иная тенденция. После того, как Соединенные Штаты почти на десятилетие сосредоточили свое внимание на конфликтах в «горячих» точках планеты в противостоянии с СССР, у европейских государств появилась возможность интенсифицировать свои интеграционные процессы. Речь шла не только об укреплении экономических связей, но и о развитии регионального сотрудничества на культурной и социально-политической платформе без особо активного вмешательства заокеанского партнера. Этим тезисом мы не в коей мере не подвергаем сомнению прочность североатлантического альянса в начале 70-х годов, однако именно самосознание европейских государств как единого целого в начале 70-х годов оказало довольно сильное воздействие на темпы развития Хельсинского процесса и восприятие Соединенных Штатов как равного себе партнера. При этом справедливо отметить, что американские и западноевропейские политики не переставали рассматривать друг друга как основную точку опоры своей внешней политики в отношениях с социалистическими странами.

Прежде чем перейти к обсуждению вопросов эволюции подходов двух стран к проблеме европейской безопасности, хотелось бы отметить, что серия переговоров по ОСВ между США и СССР, венские переговоры по ограничению стратегических вооружений в Центральной Европе, а также подготовка к Совещанию по безопасности и сотрудничеству в начале 70-х годов представляются нам единым комплексом мер по становлению разрядки международной напряженности, несмотря на все свои различия в происхождении процессов, подходах, составе субъектов и предмете диалога. Так, например, рассматривая позицию США в ходе подготовки общеевропейского совещания, нужно понимать, что в силу своих

геополитических особенностей, статуса сверхдержавы и лидера Западного блока Вашингтон преследовал основную цель - достичь выгодной им глобальной стабильности во всем мире. И в этом смысле диалог с СССР по сокращению стратегического вооружения был напрямую связан с развитием и становлением системы европейской безопасности. В то же время, Вашингтон пресекал любые попытки западноевропейских государств оказать даже косвенное влияние на их ход. Подтверждением тому служит «уведомительный» характер выступлений представителей США на сессиях НАТО в 1969-1972 годах, о чем мы подробно писали ранее: принятие тех или иных международных решений сводилось к формальному одобрению партнерами представленной американцами резолюции и ограничивалось номинальным обсуждением по факту уже свершившихся договоренностей сверхдержав.

Однако после подписания временного соглашения ОСВ-1 в 1972 году стало очевидно, что проблема сокращения стратегического вооружения Москвой и Вашингтоном не была решена полностью. Прежде всего это касалось различного рода тактического вооружения, которое не отвечало требованиям установленного регламента, а, соответственно, не являлось предметом договора. Договоренности ОСВ-1 не предусматривали регулирование количества бомбардировщиков дальнего радиуса действия, а также численность РГЧ, что фактически означало возможность бесконтрольного умножения разделяющихся боеголовок, не выходя за рамки основных договоренностей. Более того, поправка Г. Джексона, принятая в ходе ратификации сенатом временного соглашения и договора по ПРО в 1974 году, вовсе снимала ограничения на те виды стратегических вооружений США, уровень которых у СССР был выше⁵²⁷.

У критиков никсоновской внешней политики все больше складывалось впечатление, что его администрация лишь прикрывается заявлениями о «паритете», по факту добиваясь фактического превосходства США по

⁵²⁷ Congress and the Nation. Vol. 4. Pt. 1014-1015.

отдельным видам вооружения⁵²⁸. Все же стремление достичь военного превосходства не было единодушным. Кризис политической системы США, вызванный истощением бюджета страны в результате Вьетнамской войны, развертыванием новых военных программ в Камбодже и Лаосе, а также развитием «Уотергейтского скандала», способствовал обострению противоречий между президентом и Конгрессом, где численное превосходство было за демократами. После принятия резолюции о военных полномочиях президента в 1973 году, Белый дом стал испытывать серьезные трудности в реализации своих внешнеполитических программ⁵²⁹.

Особенно заметно противодействие инициативам Белого дома проявлялись в конгрессе, например, в ходе обсуждения Билля по закупке военного оборудования и техники в части поправки о подлодках класса «Трайдент»⁵³⁰. Поправка была одобрена благодаря огромным усилиям республиканцев, поддерживавших политику президента. Консерваторы настаивали на финансировании оборонных программ США, используя СССР в роли «врага». Справедливо отметить, что часть сенаторов со стороны демократов, вопреки своим желаниям сократить военные расходы, также выступала за эту поправку, осознавая, что ОСВ - это всего лишь «верхушка айсберга», которая вовсе не исключает дальнейшую гонку вооружений. Так например, демократ Г. Джексон, выступая в поддержку поправки, сравнивал эти субмарины с программой «Поларис», которую в свое время многие считали «не нужной, а сейчас она стала основным звеном ядерной безопасности США»⁵³¹. Сенатор С. Нанн, демократ консервативного толка, и вовсе отмечал, что «если сторонники поправки не смогут добиться ее принятия, если «Трайдент» не появится до 1980 года, то тогда в течение 13 лет с 1966 по 1980 год у нас не будет разработано ни одной новой субмарины с

⁵²⁸ См. Подробнее А.Арбатов. Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984.

⁵²⁹ Congressional Records. Vol. 119. Pt. 28, 1973. 6-15 Nov. P. 36204; Congress and the Nation. Vol. 4. P. 850.

⁵³⁰ Congress and the Nation. Vol. 4. Pt. 10167.

⁵³¹ Ibid. P. 31812.

ядерными боеголовками, в то время как русские смогут создать не менее 80 экземпляров»⁵³².

Еще более острые дебаты в конгрессе были вызваны вопросом о сокращении вооруженных сил США в Европе, о чем подробнее мы писали в предыдущем параграфе. Заявление президента о намерении вернуться к решениям европейских проблем было расценено демократами с точки зрения «Вьетнамского синдрома» и желания предстать в роли «творца мира» после неудач на Юго-Востоке Азии. Сторонники сокращения численности военного контингента, такие, как Мэнсфилд и Фулбрайт, уповали на то, что в условиях разрядки присутствие американцев на континенте более не имеет практического смысла. Сенатор-демократ Дж. Пасторе в этой связи задавался вопросом: «Если опасность так велика для Европы, то почему европейцы сами не берут на себя ответственность за свою оборону?»⁵³³. Он подчеркивал, что европейские государства больше склонны «укреплять собственную валюту и готовиться к Совещанию по безопасности и сотрудничеству, а не растрачивать бюджет на призрачную угрозу... в то время как доллар обесценивается на глазах»⁵³⁴.

Как вспоминал позднее Г. Киссинджер, жестко стоявший на необходимости продолжения финансирования американских программ и постоянного военного присутствия в Европе: «мы делали эти шаги, но постоянно подвергались атакам со стороны конгресса и СМИ»⁵³⁵. Президент и республиканская партия всячески стремились сохранить американские войска в Европе. Сенатор от республиканской партии Дж. Тауэр заявлял, что «желание выводить войска из Европы – безответственный акт со стороны конгресса, так как, сделав это, США превратятся в изоляционистов, оставив весь мир Советам»⁵³⁶. В контексте подготовки СБСЕ военное присутствие

⁵³² Congressional Records. Vol. 119. Pt. 24, 1973. 20-27 Sept. P. 31809.

⁵³³ Ibid.

⁵³⁴ Ibid. P. 31520.

⁵³⁵ Kissinger H. The White House Years. P. 198.

⁵³⁶ CR. Vol. 119. Pt. 24., 1973. 20-27 Sept. P. 31512-31512.

американцев расценивалось администрацией Никсона как важный стратегический элемент воздействия на весь комплекс переговоров с Москвой. Однако президент и исполнительная власть находились в непростой ситуации и не могли заручиться поддержкой сената, чтобы оказать достаточное давление на Москву в решении вопросов по разоружению в регионе. В результате, Никсон был вынужден пойти на уступки демократам, инициировав идею о необходимости проведения обособленных от СБСЕ переговоров по сокращению вооружений в Центральной Европе, тем самым выигрывая время для маневров в Конгрессе.

Г. Киссинджер в своих мемуарах открыто признается, что при сложной внутривластной и финансовой ситуации в разгар разрядки международной напряженности США «сильно уступали нажиму русских... затягивали предварительные переговоры, стараясь исключить все, что могло бы нанести ущерб интересам США», чего прежде всего желал Советский Союз «в обмен на принятие той или иной мирной инициативы со стороны США». В этих условиях «дополнительные консультации с европейскими партнерами по согласованию более точных формулировок основных идей еще сильнее затянули бы предварительные переговоры», а с учетом шаткого процесса разрядки это было бы «непозволительной роскошью». Однако он был абсолютно уверен, что «наши партнеры солидарны с нами и поддерживают наши инициативы по установлению мира»⁵³⁷.

При такой же модели взаимодействия со своими партнерами в июне 1973 США заключили договор с СССР о согласовании «Основных принципов переговоров по ОСВ-2». Давая характеристику этому соглашению, необходимо отметить, что, несмотря на активную стадию переговорного процесса СБСЕ в Европе в этот период, США намеренно отказывались от любых перспектив переплетения этих двух инициатив, и, более того, в действиях США наблюдалась преобладающая стратегия переговоров по ОСВ как отдельного и независимого кластера, зародившегося задолго до

⁵³⁷ Kissinger H. Years of Upheaval. P. 1016, 1019.

начала «большой разрядки». Так, например, в ходе заседания комитета Сената США по международным отношениям его председатель и противник наращивания вооруженных сил США Дж. Фулбрайт однозначно высказал мнение комитета, что «ограничение стратегических вооружений, как и становление системы противоракетной обороны, играет особую роль на сцене мировой политики и является самым приоритетным направлением... попытки найти связь, а тем более привязывать эти два процесса к сезонным колебаниям переговоров по безопасности в Европе или любым другим событиям международной жизни могут привести к очередному кризису системы, когда мир окажется на грани ядерной войны... мы не можем рисковать, реагируя на переменные успехи и провалы европейской политики, лавируя между ними во время переговоров с Москвой»⁵³⁸.

В ходе визита Л.И. Брежнева в США в июне 1973 года, помимо подписания компромиссного соглашения о перспективах дальнейшего сокращения стратегических вооружений, лидеры двух стран обсудили ряд крупных международных геополитических проблем, таких, как ситуация в Индокитае, на Ближнем Востоке и Европе. Брежнев и Никсон подчеркнули конструктивность переговоров по созданию системы европейской безопасности и отметили необходимость для европейцев в скорейшем переходе от предварительных к полномасштабным переговорам⁵³⁹.

Итоги советско-американской встречи способствовали ускорению темпов переговоров в Хельсинки, которые к тому моменту затянулись уже на пять месяцев. Уже 3 июля европейские государства прислушались к призывам сверхдержав, и в рамках второго этапа переговоров по СБСЕ официально был принят свод рекомендаций для перехода ко второй фазе совещания, которое предполагалось провести с августа 1973 по июль 1975 года в Женеве.

⁵³⁸ CR. Vol. 119. Pt. 24. 1973. 20-27 Sept. P. 31807.

⁵³⁹ Советско-американское коммюнике от 24 июня. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. Сборник документов. 1973. М. 1974. С. 70-78.

Более того, упоминание общеевропейского совещания в таком ключе более чем соответствовало ожиданиям немцев. Согласно тексту ежедневного доклада главы ЦРУ президенту, американцы оценивали отношения с ФРГ в контексте предстоящих переговоров следующим образом: «европейские государства, особенно ФРГ, с нетерпением ждут начала активных действий в ходе их переговоров с восточно-европейскими странами... Немцы надеются на публичное одобрение США инициатив, вносимых ими в повестку предстоящей конференции,... в ходе заседания Бундестага от 24 апреля министр иностранных дел дважды ссылался на характер отношений США с СССР, говоря, что ФРГ и США действуют в одном ключе»⁵⁴⁰. Это мнение полностью соответствовало западногерманской реакции. Давая оценку первой фазе СБСЕ, В. Шеель отметил не только достигнутый прорыв в ходе переговоров, но и подчеркнул особый вклад Вашингтона в этот процесс: «благодаря достижениям Соединенных Штатов в области разрядки, Европа также не ограничится достигнутым и пойдет дальше в этом направлении»⁵⁴¹. Этим общее в позициях двух стран, по мнению западных немцев, и ограничивалось. Вице-канцлер призвал западноевропейские страны к дальнейшему расширению сотрудничества в Европе на базе «контактов между разными государствами, людьми и разоружением»⁵⁴².

Во время пресс-конференции 2 июля, посвященной итогам встречи с Брежневым, Никсон выразил особые надежды на то, что «европейские государства поддержат инициативы США и СССР и в скором времени смогут прийти к обсуждению наиболее важных аспектов безопасности, чтобы эффективно провести общеевропейское совещание»⁵⁴³. Президент сделал акцент на том, что решение вопроса о сокращении вооруженных сил в Европе должно предшествовать Совещанию по безопасности и сотрудничеству в

⁵⁴⁰ FOIA CIA. The president's daily brief 27 April 1973. URL. http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/182725/DOC_0005976571.pdf

⁵⁴¹ АВП РФ. Ф. Оп. 17 П. 103. Д. 32. Л. 66.

⁵⁴² Там же.

⁵⁴³ US News and World Report. 02.07.1973. P. 7-8.

Европе, а не начинаться с него: «этот вопрос подлежит первостепенному обсуждению, если страны Европы и правда хотят когда-нибудь организовать общеевропейское совещание, они должны самостоятельно нести ответственность за безопасность в Европе, хотя бы на уровне обычных вооруженных сил»⁵⁴⁴.

После этой пресс-конференции западноевропейские государства в конце июля 1973 года были вынуждены форсировать события и наметить встречу в Вене для переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил в Центральной Европе на 30 октября того же года. Необходимость вынести вопрос о «разоружении» Европы в отдельный переговорный процесс назревала давно, однако нежелание западноевропейских стран подвергать его более детальному обсуждению, ограничиваясь совместными громкими заявлениями, затягивало решение не только самой проблемы «разоружения», но и все общеевропейское совещание. Сенатор Дж. Пасторе был близок к истине, говоря, что «как только американцы заикаются о необходимости сократить свое военное присутствие в Европе, европейцы сразу же начинают кричать: - Советы идут, советы идут!»⁵⁴⁵.

Все же отметим, что сосредоточенный в Центральной Европе американский военный потенциал рассматривался западноевропейскими государствами не только с точки зрения оборонительной способности блоков, но и гарантией политического доминирования в регионе. Неравномерное сокращение военного контингента, а тем более в одностороннем порядке, означало бы изменение расстановки политических сил в Европе, что воспринималось Западной Европой как прямая угроза ее безопасности. Именно поэтому в основе венских переговоров, по мнению западноевропейских стран, должны были лежать интересы именно

⁵⁴⁴ FRUS.1969-1976, Volume E-2, Documents on Arms Control and Nonproliferation. 1998. P. 30890.

⁵⁴⁵ CR. Vol. 119. Pt. 24, 1973. 20-27 Sept. P. 31520.

европейской военной разрядки, а не проблемы сокращения гонки вооружения сверхдержав.

Для ФРГ эти переговоры носили действительно особый характер, так как из всех крупных западноевропейских стран ее территория полностью входила в зону сокращений. ФРГ, как никто другой, была заинтересована в постепенности, равномерности и сбалансированности этого процесса. Поэтому желание ФРГ оставить вопросы разоружения в рамках СБСЕ было вполне объяснимо с точки зрения интенсивности «разоружения» Центральной Европы: руководству социал-либеральной коалиции до сего момента довольно удачно удавалось сохранять видимость стремления к разрядке в военной сфере, избегая конкретных шагов в этом направлении.

Необходимо отметить, что европейская безопасность в лексиконе политических деятелей и военных специалистов ФРГ трактовалась, как правило, в плане контроля над вооружениями, а не его сокращения. Подобной политики Бонн придерживался еще со времен присоединения к Договору о нераспространении ядерного оружия, когда федеральное правительство стало разрабатывать различные модели европейской безопасности и сокращения вооруженных сил в Европе. «Малая коалиция» преследовала несколько основных целей – перевести переговоры по безопасности и сотрудничеству в русло своих интересов, обходя стороной проблемы границ в Европе, сохранить военное присутствие США и снизить общий уровень равновесия сил в регионе. В марте 1971 года министр обороны ФРГ Г. Шмидт выдвинул первое предложение по разоружению Центральной Европы на 5% от общего числа военной техники в регионе⁵⁴⁶. Парадокс в том, что оно было озвучено в рамках обсуждения «срочной программы» развития вооруженных сил бундесвера в комитете по обороне бундестага 26 марта⁵⁴⁷. Более того, этим комитетом в том же месяце активно обсуждалась новая концепция оборонной

⁵⁴⁶ Verwalte Aussenpolitik: sicherheits- und entspannungspolitische Entscheidungsprozesse in Bonn. Köln, 1978. S. 168.

⁵⁴⁷ VDB. 6 Wahlperiode. Bd. 75., 111 Sitzung. 26.03.1971. S. 7064.

политики ФРГ. В ее основе лежала «Типовая концепция СвДП» (иначе «10 пунктов СвДП»), автором которой выступал депутат Ф.Й. Юнг).

Эта стратегия предполагала увеличение численности и боеспособности бундесвера. В соответствии с этой программой предусматривалось создание «соединений милицейского типа», которые, в отличие от уже существовавших «активных оперативных соединений», не должны были входить в состав сил НАТО, а значит, они и не подлежали бы сокращению на блоковой основе⁵⁴⁸. Эта концепция получила повсеместное одобрение как от СДПГ, так и от ХДС/ХСС.

Канцлер делал акцент на необходимости отойти от основ понимания «разоружения» в духе ОСВ, говоря об иной природе этого явления в Европе. Министр обороны ФРГ Г. Лебер в этой связи высказывал идеи реконструкции оборонной политики альянса, необходимости переноса акцентов на «национальные силы западноевропейских стран при сохранении необходимой опоры в виде вооруженных сил НАТО»⁵⁴⁹. В правительственном заявлении от 29 ноября 1973 года Г. Лебер подтвердил свои слова, подытожив первые результаты военных реформ бундесвера в рамках «Типовой концепции СвДП»: «Германский бундесвер достиг наивысших успехов и образует сегодня вместе с 300 000 солдат США хребет НАТО», в то же время «ФРГ обладает собственным военно-стратегическим потенциалом для защиты своих границ... ФРГ безусловно ценит союзнические обязательства и основы политики разрядки, но опирается, прежде всего, на свои ресурсы и национальные интересы»⁵⁵⁰. Логично предположить, что в случае прекращения выплаты валютной компенсации за размещение американских войск на территории ФРГ после истечения срока американо-западногерманского соглашения в июне 1975 года, эти средства могли быть перенаправлены на модернизацию самого бундесвера в рамках новых

⁵⁴⁸ Ibid. S. 6523-6539.

⁵⁴⁹ Ibid. 6546-6547.

⁵⁵⁰ Die Welt. 03.04.1975., Das Parlament. N 50. 15.12.1973.

программ. Таким образом, социал-либеральная коалиция четко придерживалась в своей внешней политике «двойной стратегии» на основе «доктрины Армея», принятой на вооружение НАТО в 1967 году. Г. Шмидт характеризовал эту стратегию следующим образом: «Политика безопасности является частью общей внешнеполитической концепции федерального правительства, она включена в общую политическую стратегию западного альянса. Со времен «доктрины Армея» политика безопасности определяется НАТО как «оборона и разрядка»⁵⁵¹. Иными словами, контроль над вооружениями с самого начала рассматривался правящими кругами ФРГ в сочетании с наращиванием военного потенциала.

Западногерманский вариант «разоружения» в Европе вполне отвечал интересам и других западноевропейских государств. Как писала в то время американская газета «New York Times»: «Запад считает, что переговоры могут продолжаться долгие годы... и многие довольны такой перспективой»⁵⁵². Подтверждением тому служит и внесенное, по инициативе ФРГ, совместное предложение западноевропейских государств об «асимметричном сокращении» вооруженных сил, которое касалось исключительно США и СССР. Предполагалось, что Советский Союз снизит численность танковой армии, а США – общую численность военнослужащих. Асимметрия заключалась и в том, что, с учетом географического положения США и их удаленности от Европы, американская боевая техника подлежала бы не выводу, в отличие от советских боевых единиц, а консервации на складах западноевропейских государств⁵⁵³. Этот маневр позволил бы, прежде всего ФРГ, увеличить численность национальной армии, а с учетом потенциала бундесвера, еще и сохранить при этом американскую военную технику. Однако советская сторона напрочь отвергла подобное предложение⁵⁵⁴.

⁵⁵¹ VDB. 6 Wahlperiode. Bd. 75., 111 Sitzung. 26.03.1971. S. 6519.

⁵⁵² New York Times. 27.09.1975.

⁵⁵³ РААА. Bestand III. Sicherheitspolitik des Bundesrepublik Deutschland. Dokumentation. 1945-1977. Köln, 1979. Bd. 2. S. 365-366; Handbuch der deutschen Aussenpolitik., Munchen, Zurich. 1975. S. 528.

⁵⁵⁴ См. Подробнее: Ефремова А.Е. Европейская безопасность и кризис НАТО. М., 1975.

Несмотря на это, В. Шеель, говоря о результатах первых консультаций в Вене, заявил, что вскоре будет достигнуто понимание о твердых сроках «сбалансированного сокращения вооруженных сил в Европе», подчеркнув, правда, что «процесс очень сложный, противоречивый и будет длиться «десятилетия», при этом необходимо постоянно поддерживать равновесие сил в Европе»⁵⁵⁵.

Вскоре после неудавшегося варианта «асимметричного разоружения» НАТО и ОВД, в ФРГ разработали новую стратегическую концепцию, согласно которой целью переговоров в Вене должно было стать «сокращение преимущества Советского Союза в области обычного наступательного и оборонительного вооружения (в соотношении 1:2,4 в пользу НАТО), помимо снижения общей концентрации вооруженных сил в Центральной Европе», что, по сути, означало сохранение американской военной техники в регионе. Однако Москва вновь отклонила предложение, отрицая тезис о военном превосходстве сил ОВД над НАТО в регионе⁵⁵⁶.

Западная Германия сменила свою тактику после того, как последний, четвертый этап строительства бундесвера был завершен, и ФРГ перешла к этапу дальнейшего военного развития Западной Германии в рамках программ министра обороны Г. Лебера⁵⁵⁷. С конца 1974 года вице-канцлер ФРГ Г.-Д. Геншер стал открыто настаивать на сохранении американского присутствия в Европе, называя военную разрядку «временным явлением»⁵⁵⁸. Военный бюджет ФРГ к этому времени составлял уже около 26% общегосударственных расходов и был равен 29,8 млрд. марок (в 1955 году - 0,1 млрд. марок). Активному развитию бундесвера способствовала также передача в его распоряжение ряда авиабаз НАТО на территории ФРГ и создание больших запасов боеприпасов. В случае вывода американских войск из Центральной

⁵⁵⁵ Der Spiegel. 29.July. 1974.

⁵⁵⁶ См. Подробнее: Ефремова А.Е. Европейская безопасность и кризис НАТО. М., 1975.

⁵⁵⁷ См. Приложение № 5. На четвертом этапе развертывания бундесвера Бонн в кратчайшие сроки не только полностью укомплектовал свои войска, авиацию и флот всеми видами боевой техники, но и начал процесс их модернизации.

⁵⁵⁸ Bullutin des Press. 02.04.1975.

Европы в результате венских переговоров, ФРГ не только потеряла бы заинтересованный источник усовершенствования бундесвера, но и была бы вынуждена, в силу своего геополитического положения, взять на себя основное бремя ответственности за систему обороны НАТО⁵⁵⁹.

В этой связи примечательно выступление лидера оппозиции ФРГ, председателя ХДС Р. Барцеля в январе 1974 года: «Настраивая нашу экономическую и военную политику на процесс военной разрядки, мы ставим общественное благо выше собственных национальных интересов ради достижения стабильности и безопасности всего человечества... мы ожидаем от наших заокеанских партнеров того же и надеемся, что ради достижения собственных благ они не бросят нас в этом нелегком деле»⁵⁶⁰. А министр иностранных дел Шеель впервые призвал европейские государства не проводить параллель между военной и политической разрядкой, так как «цели, темпы и средства достижения понимания сильно разнятся и увязывать одно с другим по меньшей мере не представляется возможным, потому что европейская политическая разрядка - сугубо европейское дело, а сокращение военных вооружений - очень сложный и длительный процесс, который просто невозможен без диалога с США и СССР»⁵⁶¹.

К 1974 году ФРГ окончательно сменила свою риторику в вопросах военной разрядки. В конце 60-х и в первые три года 70-х годов западногерманское правительство настаивало на интегрировании вопросов военной разрядки в контекст общеевропейского совещания, чтобы растворить и сгладить нежелательность фактического сокращения вооружений. С 1974 года кабинет Шмидта-Геншера в силу целого ряда внешне- и внутривополитических причин берет курс на размежевание венского и общеевропейского совещания с целью затягивания первого и развития второго. Как отмечал новый федеральный канцлер в мае 1974 года сразу после

⁵⁵⁹ Handbuch der deutschen Aussenpolitik., Munchen, Zurich. 1975. S. 528-530.

⁵⁶⁰ Schmidt H. Jahrhundertwende. Berlin. 1998. S. 149.

⁵⁶¹ KSZE. Analyse und Dokumentation, Koln, 1978. S. 636-637.

отставки Брандта, «разрядка в Европе не ограничивается только созывом Совещания по безопасности... было бы глупо упустить шанс связать свои собственные интересы с процессом разрядки и не преследовать их только потому, что это выходит за рамки обсуждаемых тем»⁵⁶².

Такая стратегия ФРГ была неприемлема для американской политики «разоружения». Палата представителей отклоняла любые предложения американской администрации найти компромисс в этом вопросе, в частности, в 1973 году были заблокированы все поправки, которые могли бы сократить американские вооруженные силы за рубежом на 300 000 человек⁵⁶³. В то же время одобрение сената получило предложением Мэнсфилда о сокращении войск в Европе на 40%. Лишь в силу случайных обстоятельств (нарушения процедуры голосования) поправка не была принята, а во время второй попытки сенаторы-республиканцы одержали победу, проголосовав против законопроекта с небольшим перевесом, и то благодаря тому, что пара демократов во время второй попытки изменила свое мнение, а часть сенаторов просто не дождалась повторного голосования и разошлись по домам⁵⁶⁴.

Таким образом, можно наглядно увидеть, насколько сложно предсказуем был процесс выработки внешнеполитических решений Вашингтона на данном временном отрезке. Формирование американской внешнеполитической стратегии по вопросу военного присутствия в Европе, исходило не столько из тактических планов Вашингтона и хода советско-американских переговоров, сколько являлось следствием непредсказуемости развития Уотергейтского скандала и борьбы исполнительной и законодательной власти на этом фоне⁵⁶⁵. Важно сказать, что скандал

⁵⁶² Ibid. N 60. 17.05.1974.

⁵⁶³ Вспомним, что, по словам министра обороны ФРГ Г. Лебера, в конце 1973 года именно это число американских военнослужащих, находившихся на территории ФРГ, вкупе с немецким бундесвером, составляло хребет НАТО.

⁵⁶⁴ Congress and the Nation. Vol. 4. P. 1014.

⁵⁶⁵ См. подробнее: Самуилов С.М. Уотергейт: Предпосылки, последствия, уроки. М., 1991. С. 76-86.

способствовал сильной деградации американской власти в целом, став пятном на репутации не только президента, но и всей республиканской партии.

Все же в 1973 году Никсону удалось получить от Конгресса поддержку и практически полное финансирование оборонных программ на новый финансовый год. Несмотря на это, естественным выглядит стремление западноевропейских государств если не заручиться гарантиями, то хотя бы на время законсервировать важные для их региона процессы военной разрядки. На этом фоне было вполне закономерно и то, что в середине 1974 года, после наметившегося охлаждения американо-советских отношений из-за ситуации на Ближнем Востоке и разгорания энергетического и валютно-финансового кризиса, Бонну удалось все же на некоторое время замедлить ход военной разрядки. В рамках венских переговоров о разоружении в Центральной Европе, на летней сессии еврогруппы НАТО в Брюсселе, были достигнуты договоренности о повышении расходов на вооружение в следующем году на 4%, а также переброске в Европу двух новых военных бригад США⁵⁶⁶. Однако ФРГ вновь не смогла добиться гарантий от США по сохранению своего военного присутствия.

После того, как вопрос о сокращении стратегических вооружений в Центральной Европе окончательно был выведен за рамки общеевропейского совещания и получил свое независимое развитие, процесс становления системы безопасности и сотрудничеству в Европе заметно ускорился. Сразу после первой встречи в Вене в декабре 1973 года на пресс-конференции госсекретарь Г. Киссинджер сформулировал общую позицию США в связи с СБСЕ: «Мы предпримем осознанные усилия с тем, чтобы установить правила поведения, а также определенную взаимосвязь интересов для сохранения стабильности в мире, установить связь между главами государств и между официальными лицами на любом уровне, чтобы во время кризиса уменьшить

⁵⁶⁶ NATO. Final Communique: Helsinki MPTs considered (CSCE) - MBFR - SALT- Germany and Berlin - Balance of payment problems. URL. http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_26872.htm?selectedLocale=en

риск случайностей и недопонимания сторон. Такова наша политика...»⁵⁶⁷. Тем самым Киссинджер трактовал роль Соединенных Штатов в ходе подготовки совещания в Европе скорее как координатора и наблюдателя, не имеющего каких-либо особых интересов в регионе, преследующего сугубо глобальные цели и несущего «ответственность за судьбу мира на земле»⁵⁶⁸.

Однако и здесь западноевропейские страны далеко не полностью были солидарны с позицией США. Они рассматривали перспективу участия США в совещании в духе концепции Э. Бара, которая предусматривала создание единой системы безопасности равноправных государств при сохранении политических блоков, где США и СССР отводилась роль гарантов мировой стабильности⁵⁶⁹. Таким образом, структурообразующий элемент предполагаемой многополярной системы международных отношений просто не мог находиться на позиции наблюдателя или координатора. А само совещание должно было стать действующим на постоянной основе органом международного права⁵⁷⁰.

Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель в конце 1973 года, выступая перед студентами Гейдельбергского Университета, отмечал, что «американцы не желают рассматривать европейский процесс как основу нового мироустройства и приписывают предстоящему совещанию исключительно региональный характер, желая выступить в роли арбитра на процессе... нельзя отрицать, что урегулирование части вопросов действительно локально... но не будем забывать, что Европа находится в центре современной системы международных отношений и долгое время была на авансцене Холодной войны. Однако в этот раз западноевропейские государства без чьего либо вмешательства смогли разрешить сложнейшие узлы противоречий эпохи жесткой конфронтации... сейчас мы пытаемся создать новую модель мира, где

⁵⁶⁷ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 60. П. 270. Д.28. Л. 2-24.

⁵⁶⁸ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 60. П.270. Д.28. Л.2-4.

⁵⁶⁹ Hahn W.F. west Germany's Ostpolitik. The Grand Design of Egon Bahr. // Orbis. N. 16. Winter. 1973.

⁵⁷⁰ Заключительные рекомендации консультаций в Хельсинки // От Хельсинки до Будапешта, История СБСЕ/ОБСЕ в документах 1973-1994. Т. 1, С. 33.

основную функцию сдерживания будет нести не баланс военных сил, а взаимовыгодное сотрудничество и безопасность»⁵⁷¹.

Помимо теоретических рассуждений о том, каким должно быть устройство системы международных отношений по итогам СБСЕ, участие США в совещании имело практическое значение для Западной Германии. Прежде всего речь шла о перспективах мирного объединения Германии. Бонн понимал, что единственным союзником по данному вопросу в ходе совещания мог быть только Вашингтон. Во-первых, другие страны-члены НАТО всегда опасались территориальной экспансии ФРГ в любом ее виде и не поддержали бы Западную Германию, во-вторых, США не имели никакого прямого интереса к вопросам территориальной целостности Германии и, в-третьих, возможность мирного изменения территориальных границ суверенных государств на основе принципа свободного самоопределения наций открыла бы, по мнению ФРГ, новый механизм в борьбе с «советской экспансией»⁵⁷².

Как мы уже говорили, Германия даже во время проведения Новой восточной политики не отказывалась от идей «воссоединения», а главную роль совещания видела в укреплении военно-политического сотрудничества НАТО и ОВД, которое, наряду с ЕЭС, должно было лечь в основу европейской безопасности и развития экономического сотрудничества⁵⁷³. Именно на базе синтеза военно-политического и экономического сотрудничества европейских стран и должен был в дальнейшем произойти мирный пересмотр границ. Поэтому важное значение для ФРГ имело закрепление на многосторонней основе принципа мирного изменения границ и гуманитарного сотрудничества, что позволило бы Бонну оставить Германский вопрос открытым.

⁵⁷¹ Munzinger-Biographie: Walter Scheel / Internationales Biographisches Archiv - Personen aktuell. Ravensburg. 2014. URL. [http://katalog.ub.uni-heidelberg.de/cgi-bin/titel.cgi?katkey=101630318&sess=c8249d58fe1f16c37e164f65675a93cc&art=f&kat1=freie](http://katalog.ub.uni-heidelberg.de/cgi-bin/titel.cgi?katkey=101630318&sess=c8249d58fe1f16c37e164f65675a93cc&art=f&kat1=freie%20xt&kat2=ti&kat3=au&op1=AND&op2=AND&var1=&var2=walter%20scheel&var3)

⁵⁷² KSZE. In Betragen und Dokumenten aus dem Europa-Archiv., Bonn, 1976. S. 50.

⁵⁷³ Schmidt H. Sicherheit und Zusammenarbet in Europa// In die neue Gesellschaft. 1972. N3. S. 164.

Министр иностранных дел ФРГ В. Шеель, выступая 4 июля 1973 года во время первого этапа совещания в Хельсинки, провозгласил, что, как и прежде, «политической целью ФРГ является достижение состояния мира в Европе, при котором немецкий народ путем свободного самоопределения вновь обретет свое единство»⁵⁷⁴, после чего сосредоточил свое внимание на развитии сотрудничества между государствами и контактами между людьми и внес сразу же четыре проекта документов по вопросам сотрудничества между государствами, однако, ни одно из немецких предложений тогда не было воспринято⁵⁷⁵. А после того, как 18 сентября 1973 года ФРГ и ГДР были приняты в ООН, и немногим позднее США открыли свое посольство на территории Восточного Берлина, Бонну стало очевидно, что избежать острых дискуссий по вопросам признания существующих границ в рамках СБСЕ не удастся.

С приходом к власти нового кабинета Шмидта-Геншера в ходе дебатов о путях достижения «единства немецкого народа» консервативно настроенная оппозиция вынуждена была пойти на уступки и согласиться с общим курсом нового канцлера. Произошло это после того, как Шмидт в ходе заседания бундестага представил общественному вниманию три основных цели, преследуемых ФРГ в СБСЕ.

Во-первых, западногерманским политикам предстояло «текстуально увязать принцип нерушимости границ с отказом угрозы силы и ее применения», во-вторых, закрепить возможности мирного изменения границ в контексте принципа их нерушимости, и, в-третьих, заключительный акт СБСЕ должен был содержать условия взаимозависимости и взаимосвязанности установленных принципов⁵⁷⁶. Таким образом, Бонн намеревался с помощью международно-правового регулирования добиться возможности «воссоединения Германии» легальным способом. Для

⁵⁷⁴ KSZE. Analyse und Dokumentation. Köln, 1978. S.636-637.

⁵⁷⁵ KSZE. In Beiträgen und Dokumenten aus dem Europa Archiv. Bonn, 1976. S. 210-212.

⁵⁷⁶ (BT ParlA). Berlin. W. Scheel: erste Wahlperiode: 1974-1979. N 405-31/3.

реализации поставленных задач МИДом ФРГ были разработаны пояснительные документы к основным международно-правовым принципам воздержания от угрозы силы и ее применения, территориальной целостности государства и нерушимости границ, последний трактовался как производный от принципа неприменения силы или угрозы ее применения, а также уважения права нации на самоопределение, что допускало мирное изменение границ.

Реакция Вашингтона на действия нового западногерманского руководства была довольно сдержанной. Как отмечал в одной из телеграмм президенту Г. Киссинджер: «в ходе переговоров по созданию системы европейской безопасности, безусловно, все страны стараются отстоять собственные интересы, и ФРГ не исключение... В целом ФРГ занимает активную позицию по вопросам нефтяного эмбарго, придерживается политики невмешательства в конфликт на Ближнем Востоке, принимает участие в ходе европейского совещания и поддерживает общий курс разрядки международной напряженности. При этом она настаивает на противоречивости положениях о территориальной целостности и в то же время уведомительном режиме передвижения войск через территорию соседних государств. Более того Бонн выступает за обсуждение перспектив дальнейшей трансформации особого политического статуса Западного Берлина, считая, что подобный международно-правовой статус города не может носить долгосрочный характер... Без поддержки США в Женеве ФРГ не сможет решить эти вопросы даже частично... мы же, в свою очередь, в целом поддерживаем позицию союзника»⁵⁷⁷. Сенатор Фулбрайт отмечал, что «после заключения восточных соглашений ФРГ старается отстоять свои позиции и не признает то, что этим соглашением сделала объединение Германии невозможной... Несмотря на это, правительство придерживается достигнутых договоренностей...»⁵⁷⁸.

⁵⁷⁷ FRUS. Vol. XXXIX. European Security. Doc. 205. P. 626-630. Telegram From the Department of State to Secretary of State Kissinger in Jerusalem. URL. [dhttps://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v39/d205](https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1969-76v39/d205)

⁵⁷⁸ CR. Vol. 119. Pt. 28, 1972. 6 Nov. – 15 Nov. P. 36204.

По мнению Вашингтона, позиция ФРГ в ходе подготовки СБСЕ почти по всем основным направлениям стала воплощением общей западноевропейской концепции разрядки, если не учитывать ее особенности в отношении вопроса «мирного изменения границ» и долгосрочности правового статуса Западного Берлина, особого акцента на гуманитарное сотрудничество и особой заинтересованности Бонна в вопросах военной разрядки.

Как писал Г. Киссинджер, для США «Берлинский вопрос – капля воды, в которой отражается вся Германская проблема, упустить Западный Берлин – значит окончательно деморализовать ФРГ, положить конец объединению. В этом случае западногерманская политика потерпит фиаско. Это покажет другим странам Запада неразумность ориентации на США»⁵⁷⁹. Такой подход объясняет и довольно сдержанную реакцию Вашингтона на то, что, когда инициативы ФРГ на совещании в Хельсинки большинством делегатов были отклонены, конституционный суд ФРГ⁵⁸⁰ 31 июля признал территорию города землей Федеративной Республики и повысил численный состав государственных учреждений ФРГ на территории Берлина⁵⁸¹. Мало того, что действия ФРГ нарушали основные положения Четырехстороннего Соглашения, ставя тем самым под удар отношения с СССР, они подрывали правовые позиции государств союзной комендатуры и, прежде всего, США. Разумеется, США, Великобритания и Франция сделали совместное заявление о том, что Конституционный суд ФРГ не имеет полномочий в Западном Берлине, так как город живет по особому западноберлинскому правовому регулированию. Но, попустительствуя ФРГ, 9 октября военные администрации западных стран в Берлине сообщили, что «нельзя утверждать, что текст Четырехстороннего соглашения и связанные с ним документы основываются на принципе сокращения федерального присутствия в

⁵⁷⁹ Н.А. Kissinger. *The Necessity for Choice*. NY., 1961. P. 119.

⁵⁸⁰ Статьи 23 и 144 Основного Закона ФРГ, в которых говорится о принадлежности территории Западного Берлина ФРГ, были приостановлены в своем действии актами союзной комендатуры в 1949 году и не подлежали с тех пор ревизии. URL. <http://lawers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm>

⁵⁸¹ Аналогичное решение Конституционный Суд ФРГ уже выносил 21 мая 1957 года.

Западном Берлине»⁵⁸². Тем не менее, ряд сенаторов со стороны демократов, таких, как Г. МакГи и М. Мэнсфилд, в день годовщины окончания Берлинского кризиса высказали общее мнение, что «Западная Германия не только забыла печальный опыт 1961 года... но и своими действиями пренебрегает нормами международного права, на которых сейчас строится новый мир без войн и конфликтов»⁵⁸³. Однако официальная позиция Белого дома сводилась к тому, что «нельзя исключать возможности объединения двух государств, и нельзя запрещать немцам думать об этом и готовиться к этому... но выходить за рамки закона недопустимо, это ошибки властей, которые ставят под сомнение свою эффективность»⁵⁸⁴. С другой стороны, резкая эскалация политической активности Бонна на территории Западного Берлина после заключения Четырехстороннего Соглашения объяснялась Госдепом США как желание канцлера «стабилизировать те последствия, которые были вызваны его политикой на Востоке...нельзя рассматривать политику Бонна как акт агрессии или возвращение к старым доктринам»⁵⁸⁵.

Не менее значимым жестом со стороны США стала поддержка формулировок Бонна, выдвинутых им в связи с толкованием термина гуманитарного сотрудничества. В ходе совещания развитие межгосударственных связей на базе гуманитарного сотрудничества трактовалось западноевропейскими государствами как способ влиять на внутренние порядки социалистических стран на уровне культурно-социального воздействия. ФРГ же подразумевала развитие практических «связей»⁵⁸⁶ между людьми, «профессиональными группами и обществами»⁵⁸⁷,

⁵⁸² См. Приложение № 9. Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину.

В указанном заявлении США ссылались на часть II Четырехстороннего Соглашения.

⁵⁸³ CR. Vol. 119. Pt. 27. 1973. 5 Aug. – 12 Aug. P. 26105.

⁵⁸⁴ FRUS.1969-1976, Volume E-2, Documents on Arms Control and Nonproliferation. 1998. P. 30890.

⁵⁸⁵ Ibid.

⁵⁸⁶ Термин «Bindungen» с немецкого языка переводится как «связи», в смысле «узы». В тексте английского соглашения используется термин «ties», который переводится только как «узы».

⁵⁸⁷ KSZE. In Beiträgen und Dokumenten aus dem Europa-Archiv. Bonn, 1976. S. 50.

а также воссоединение семей, свободные браки между гражданами различных государств и обмен информацией⁵⁸⁸. Такая формулировка позволила бы Бонну, помимо распространения своего влияния, ослабить границу между двумя частями Берлина, увеличив поток беженцев. ФРГ в ходе совещания внесла 7 проектов, посвященных данной тематике, и по всем предложениям получала постоянную поддержку со стороны американских делегатов. В результате активного лоббирования такой трактовки «гуманитарных связей» и поддержки США эта проблема была вынесена в отдельный сектор обсуждения на белградской встрече⁵⁸⁹.

Подводя итог вышесказанному, хочется отметить, что в период 1973-1974 года в отношениях США-ФРГ проявились два основных направления. Первое касалось укрепления связей между США и ФРГ после продолжительного охлаждения их отношений. Это становится заметно уже во время начального этапа переговоров по СБСЕ в Хельсинки, когда Вашингтон сам начинает трактовать свою позицию как гаранта достигнутых в период 1969-1972 года соглашений.

С приходом нового канцлера Г. Шмидта отношения США и ФРГ и вовсе приобрели как никогда ранее стабильный характер. Вашингтон был удовлетворен тем, что западногерманская политика, при сохранении основ политики Брандта, направленных на «разрядку международной напряженности», перестала носить революционный характер, была последовательна и главное согласовывалась с внешней политикой США⁵⁹⁰. В условиях постепенного «охлаждения» отношений с СССР в середине 70-х годов, Соединенные Штаты и Федеративная Республика уже могли эффективно использовать друг друга как рычаг для корректировки внешнеполитической ситуации в своих интересах.

⁵⁸⁸ PAAA. Weisbuch. 1973/1974. Zur Sicherheit der BRD und zur Entwicklung der Bundeswehr., Bonn, 1974. S. 45.

⁵⁸⁹ KSZE. Folgetreffen und seine Bedeutung für den Entspannungsprozess. In Europa-Archiv. 1977. N 18. S. 582.

⁵⁹⁰ FOIA CIA. USSR/FRG – CSCE. 02.10.1974. URL. <http://www.foia.cia.gov/document/cia-rdp78s01932a000100180046-9>

Второе направление окончательно было обозначено после заключения в 1973 году договора между США и СССР о намерениях продолжить сокращение стратегических вооружений. С целью замедления процесса политического раскола из-за растущей оппозиции в Конгрессе в связи с «Уотергейтсом», Никсон был вынужден активизировать переговорный процесс о «разоружении» в Центральной Европе. С учетом того, что после присоединения ФРГ к ДНЯО и заключения четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину, Бонн стал для США самым беспроblemным и стабильным партнером по НАТО, сохраняя при этом самую многочисленную армию среди западноевропейских стран, президент США несомненно хорошо понимал особую роль ФРГ в данном вопросе. Взаимопонимание с Бонном в этой области означало бы не только снижение уровня давления со стороны Советского Союза по ОСВ, но и решение вопроса сокращения американского военного присутствия в регионе с минимальными потерями для своего «статуса» в глазах западноевропейских государств.

Для ФРГ вопросы военной разрядки на начальном этапе европейского совещания были темой крайне болезненной. Вплоть до 1973 года Западная Германия в своей военной политике придерживалась концепции «двойного ключа» НАТО, одобренной еще в 1967 году. Военная разрядка в Центральной Европе, по мнению Бонна, должна была ограничиваться громкими заявлениями о стремлении к разоружению без каких-либо конкретных шагов. Однако после того, как Бонну стал очевиден факт, что американское военное присутствие, собственно как и весь процесс «разоружения» в регионе, зависит исключительно от политической воли США, Бонн соглашается с необходимостью размежевания двух переговорных процессов. Более того, с приходом Шмидта ФРГ начинает рассматривать Венские переговоры скорее в качестве логичного продолжения комплекса американско-советских переговоров об ограничении стратегического вооружения в их региональном аспекте, чем в контексте общеевропейского совещания.

Заключение

Подводя итоги исследованию, необходимо сказать, что 1960-е – 1970-е года годы стали временем серьезных перемен на европейском континенте. Эта эпоха определялась бесспорным доминированием США в Западном мире. Именно Вашингтон определял векторы и стратегию развития внешнеполитической активности Западного блока. Американские позиции в европейском регионе на протяжении всего исследуемого нами периода опирались на безоговорочный статус «сверхдержавы», прежде всего в вопросах военной политики, которые в условиях Холодной войны имели приоритетное значение для западноевропейских государств. В основе военного планирования Североатлантического альянса в 1960-е годы лежали проблемы обеспечения безопасности, которые определялись в основном с точки зрения обороноспособности альянса. В этом смысле США выступали не только в качестве гаранта сохранения мира и стабильности в Европе, но и являлись творцами внешнеполитической стратегии всего блока.

Однако несмотря на то, что военная политика лежала в основе взаимодействия стран-членов НАТО, существовал ряд других не менее значимых аспектов, определявших динамику их взаимоотношений. В первую очередь речь идет об экономическом факторе, который в середине 1950-х годов заново распределил акценты и предопределил дальнейшую расстановку сил в альянсе. В результате западногерманского «экономического чуда» уже в начале 1960-х годов Федеративная республика обладала достаточным экономическим и военно-стратегическим потенциалом, чтобы приобрести значительное политическое влияние и занять одну из ключевых позиций в Североатлантической организации.

Не менее важным фактором, способствовавшим постоянному присутствию ФРГ на авансцене мировой политики, являлось ее геополитическое положение. Находясь на стыке двух социальных систем в условиях разделенной нации и обладая значительной военной мощью,

Западная Германия с самого начала позиционировала свои интересы как доминантные в принятии решений альянса, сначала в ходе формирования оборонной политики, а позднее и в процессе становления единой системы европейской безопасности.

Период с момента вступления ФРГ в НАТО в 1955 году и до окончания Берлинского кризиса в августе 1961 года характеризовался интенсивным военным сотрудничеством двух стран. США активно участвовали в оснащении бундесвера новейшими видами вооружения, выделяя на эти цели немалые средства. Несмотря на то, что и в США, и в ФРГ существовали определенные разногласия по отдельным деталям, касавшимся характера их сотрудничества, к началу 1960-х годов Вашингтон оставался удовлетворенным тем, что в центре Европы он получил надежного союзника, сумевшего в кратчайшие сроки создать наиболее боеспособную армию в Западной Европе. Бонн же, в свою очередь, устраивало то, что Вашингтон в целом поддерживал его политику, направленную на «воссоединение Германии» любой ценой.

С 1950-х годов ФРГ начала четко определять круг своих внешнеполитических интересов по всем основополагающим стратегическим направлениям. В вопросах «восточной политики», являвшейся приоритетными для ФРГ, канцлер Аденауэр руководствовался принципами доктрины Хальштейна, в соответствии с которой ФРГ являлась «единственным законным представителем Германии». Такой подход поначалу с одобрением воспринимался в США, и на любых переговорах с СССР Вашингтон поддерживал западногерманские требования заявлениями о незыблемости и первостепенности союзнических отношений. Однако чрезмерная жесткость аденауэровской политики в годы Берлинского кризиса и упорное нежелание правящих кругов Федеративной республики отступить от доктрины Хальштейна после его окончания не позволяли Бонну преодолеть антитезу «экономический гигант-политический карлик».

С отставкой Аденауэра в 1963 году закончилась целая эпоха, на протяжении которой Бонн в течение 14 лет формировал свой внешнеполитический курс с позиции откровенной конфронтации с Москвой. Тенденция к определенному снижению напряженности международных отношений, проявившаяся как один из основных уроков Берлинского и Карибского кризисов, требовала корректировки внешнеполитического курса ФРГ. Однако канцлер Аденауэр, как показали посткризисные события 1961-1963 года, оказался не способен ее осуществить.

Новое руководство страны во главе с Л. Эрхардом отнюдь не во всем разделяло взгляды своего предшественника. Несмотря на сохранившуюся преемственность в вопросах «восточной политики», руководство Западной Германии начинает искать новые методы осуществления своих внешнеполитических задач. В результате этих попыток внутри ФРГ обостряется спор «атлантистов» и «голлистов», ставший лейтмотивом всего процесса выработки внешнеполитического курса страны в 1960-е годы.

В США в это время также происходил процесс модернизации внешнеполитической стратегии. В условиях углубляющегося «кризиса доверия» в НАТО Вашингтон постепенно меняет характер отношений с западноевропейскими державами, перенося акцент с двусторонней основы на многостороннее взаимодействие внутри НАТО. Не отказываясь от основных постулатов Холодной войны, США продолжают активно разрабатывать новые концепции в области военного планирования и политики безопасности в Европе в рамках НАТО. Подтверждением тому служит почти на десятилетие растянувшаяся дискуссия о создании многосторонних ядерных сил. Более того, после двух международных кризисов Вашингтон постепенно начинает осознавать необходимость снижения темпов гонки вооружений. Уже Дж. Кеннеди после Карибского кризиса попытался нащупать почву для более конструктивного диалога с Москвой. С 1963 года в международных отношениях начинается этап так называемой «малой разрядки», старт которому дал Московский договор о запрещении испытания ядерного оружия

в трех сферах. Необходимо отметить, что в отличие от «большой разрядки» в то время подобные устремления были скорее интуитивны. Именно этим объясняется ее неравномерность и прерывистость, однако «малая разрядка» остается важной чертой международных отношений в 1960-е годы.

В свете уроков Берлинского кризиса архитекторы внешней политики США стремились минимизировать обсуждение «восточной политики» в диалоге с ФРГ, сводя их переговоры к вопросам западноевропейской интеграции, укрепления НАТО и развития ЕЭС. В этом смысле «законсервированный» Берлинский вопрос использовался Вашингтоном исключительно как действенный механизм давления на ФРГ.

Во второй половине 1960-х годов ситуация в ФРГ вновь претерпевает определенные изменения. Руководство страны все больше убеждается, что прежние установки не отвечают новым политическим реалиям. Прямым следствием этого оставался продолжающийся рост диспропорции между удельным весом ФРГ в экономической сфере (в мировой торговле Западная Германия к этому времени следовала непосредственно за Соединенными Штатами) и их политическим влиянием на международной арене. В 1966 году к власти приходит правительство «большой коалиции», внешнеполитическое ведомство впервые за всю историю существования ФРГ возглавляет социал-демократ В. Брандт. Новый министр иностранных дел медленно, осторожно, но очень последовательно начинает менять внешнеполитический курс ФРГ в сторону глубокой «разрядки» в отношениях с восточным блоком. Не выступая на первых порах резко против основных постулатов доктрины Хальштейна, он уже в середине 1960-х годов внес в нее значительные коррективы, расширявшие границы маневров в Восточном направлении. Однако этого было недостаточно, чтобы изменить отношение ФРГ к политике безопасности, которая, как и прежде, воспринималась в Бонне в контексте наращивания обороноспособности страны и укрепления вооруженных сил НАТО. Правда, уже тогда серьезным корректировкам подвергалась западногерманская политика по ядерным вопросам. Если еще в середине 1960-х годов в ФРГ идеи

об отказе владеть собственным ядерным оружием воспринимались как предательство, то к концу 60-х и они начинают казаться не только актуальными, но и соответствующими объективным изменениям в международной обстановке, возводятся в ранг государственных интересов.

Очевидно, на наш взгляд, что подобная эволюция подходов ФРГ к ключевым вопросам европейской политики была бы нереальна без глубоких изменений на международной арене. К середине 1960-х годов внутри Североатлантического альянса быстрыми темпами разрастался «кризис доверия», финальным аккордом которого стал выход Франции из военной организации НАТО в 1966 году. После этого внутри блока начало происходить неизбежное перераспределение сил, США и ФРГ все сильнее испытывают взаимную заинтересованность друг в друге. Стремясь обходить спорные моменты двусторонних отношений, державы инициируют конструктивный диалог и на уровне НАТО. На фоне этого изменения внешнеполитического курса ФРГ начинает восприниматься не как вынужденная мера, а как необходимость во благо собственных государственных интересов.

Несмотря на то, что необходимость внешнеполитической трансформации коснулась обеих стран, темпы и векторы их трансформации не совпадали. В конце 1969 года и в США, и в ФРГ вновь происходит смена политических лидеров. Парадоксальность ситуации состояла в том, что в США на смену либеральной демократической партии к власти вновь приходят консервативные республиканцы во главе с Р. Никсоном. А в ФРГ происходят диаметрально противоположные изменения. За долгие годы руководства страной из состава правительства впервые выходит оплот консерватизма, блок партий ХДС/ХСС. К власти приходит правительство «малой коалиции» в составе СДПГ и СвДП, которое берет курс на резкий поворот в сторону «разрядки».

Под воздействием изменений в соотношении сил в мире и все чаще звучавших со стороны социалистических стран призывов к диалогу об

ограничении стратегических вооружений в США и в ФРГ началась неизбежная для них обоим активная стадия «политической трансформации».

ФРГ берет курс на «новую восточную политику», отказываясь от идеи доступа к «ядерной кнопке», присоединяется к договору о нераспространения ядерного оружия, первой принимает предложение СССР провести конференцию по безопасности и сотрудничеству в Европе и становится одним из лидеров процесса военной и политической разрядки международной напряженности в Европе. Соединенные Штаты, не отказываясь от своих программно-целевых установок, меняют лишь тот инструментарий, который ранее использовался для их достижений. Особенно заметно это проявляется в контексте американо-советских переговоров, которые неизбежно вели к смягчению международного климата. В этом смысле разрядка в Европе, по мнению американцев, должна была стать тем полем, на котором сверхдержавы осуществляли бы маневрирование, укрепляющее их позиции.

Однако из-за активизации «восточной политики» Брандта планы США были нарушены. Для того чтобы как-то взять под контроль разрядку в Европе, США пришлось ставить вопрос о скорейшем решении Берлинской проблемы, которую Вашингтон предпочитал обходить стороной с момента возведения в 1961 году стены. После заключения Четырехстороннего Соглашения по Берлину и серии «восточных договоров», подписанных ФРГ, Вашингтон утратил острую заинтересованность в предварительных переговорах о подготовке СБСЕ, сконцентрировав внимание на двусторонних отношениях с СССР по ОСВ и решению проблем, вызванных Ближневосточным кризисом. В результате США на начальном этапе подготовки Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе не принимали в нем активного участия.

В ходе подготовки СБСЕ ФРГ усиленно лоббировала свои интересы, прежде всего, связанные с перспективами воссоединения Германии. В целом, США поддерживали позицию ФРГ, которая играла одну из ведущих ролей в ходе совещания, так как именно доверительные отношения с ФРГ позволяли Вашингтону контролировать процесс разрядки в Европе.

Серьезным камнем преткновения в начале 1970-х годов в отношении США и ФРГ являлся вопрос о разоружении в Центральной Европе. Основной задачей США в ходе Венских переговоров было сократить свое военное присутствие в этой части континента, переложив основное бремя ответственности за систему обороны обычными видами вооружений в регионе на плечи самих западноевропейских государств. ФРГ, напротив, настаивала на достижении военного паритета за счет сокращения европейских вооруженных сил, а американские вооружения предполагала оставить в регионе, в качестве резерва. Западногерманское руководство видело процесс разоружения в Центральной Европе исключительно в свете отдалённых перспектив военной разрядки, потому любые реальные предложения США в этой сфере вызвали серьезное сопротивление Бонна. Соединенные Штаты же в силу разворачивающегося «Уотергейтского скандала» и сильной оппозиции демократов в Конгрессе так и не смогли выработать компромисс с ФРГ по этому вопросу. В результате проблема военной разрядки в Европе в ходе Венских переговоров фактически была вынесена за скобки общеевропейского совещания и не включена в Заключительный акт.

ФРГ также не удалось добиться внесения оговорки о «мирном изменении границ» в формулировку принципа нерушимости границ, с тем чтобы ослабить его значение. Однако эта оговорка была внесена в формулировку первого принципа Заключительного акта⁵⁹¹, куда было также включено положение, согласно которому все принципы межгосударственных отношений имеют «первостепенное значение и, следовательно... будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других»⁵⁹².

Безусловно, мы можем утверждать, что по итогам СБСЕ были заложены основы договорной системы европейской безопасности. Все же некоторые

⁵⁹¹ Суверенное равенство, уважение прав, присущих суверенитету.

⁵⁹² Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Правда, 1975, 2 авг.

постулаты, которые изначально предполагалось включить в программу СБСЕ, были опущены, а формулировки, выработанные в ходе конференции в качестве компромиссов, существовали на бумаге и были трудно реализуемы на практике. Так например, даже после согласования текста Заключительного акта представители ФРГ не оставляли попыток толковать принцип нерушимости границ в удобном для себя духе, делая при этом упор не на факт принятия этого принципа, а на оговорку о возможности «мирного изменения» границ. Именно поэтому, подводя итоги совещания, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер в ходе выступления в бундестаге сообщил, что «что совещание не закрепило статус-кво в Европе», оставляя этот вопрос по-прежнему не закрытым⁵⁹³.

Таким образом, на защиту нами выносятся следующие заключительные соображения:

Во-первых, основы западноевропейской политики США определялись расчетами далеко не регионального порядка, а исходили из их глобальных интересов. Не желая быть полностью вовлеченным в европейские дела, Вашингтон предпочитал ограничиваться диалогом в рамках НАТО по общим стратегическим вопросам и поддерживать двусторонние контакты с западноевропейскими государствами по отдельным интересующим их сюжетам. Вопросы же европейской безопасности во второй половине 1960-х годов по-прежнему рассматривались Вашингтоном в контексте генеральной политики безопасности альянса и вопросов сохранения статус-кво в мире, возлагая решение конкретных проблем региона на плечи своих основных партнёров.

Во-вторых, выстраивая свои отношения с западноевропейскими странами, США так же, как и в других регионах, руководствовались логикой биполярного противостояния. После Берлинского и Карибского кризисов Вашингтон взял курс на изменение отношений со странами ОВД в сторону их постепенной нормализации, что в перспективе способствовало началу

⁵⁹³ Texte zur Deutschlandpolitik. Reihe II. Bd. 3. Bonn, 1976. S. 163.

разрядки. Возрастающая мощь западногерманского государства, государственные интересы которого все менее отождествлялись с американскими, стимулировала тенденцию, направленную на проведение Бонном все более самостоятельного внешнеполитического курса.

В-третьих, проводившаяся в течение длительного периода Холодной войны политика Вашингтона и Бонна, построенная на использование ФРГ в качестве основной ударной силы против стран социалистического блока, к концу 60-х годов казалась уже не состоятельной. С одной стороны, это приводило к нарастающей внешнеполитической изоляции ФРГ, что не могло не беспокоить ее руководство, а с другой – сковывало движения Вашингтона в его глобальной, да и европейской политике. В результате в двусторонних отношениях заметно ослаб один из ее основных компонентов, цементирующих союз США и ФРГ, пока у руля последней находились христианско-демократические правительства: поддержка Вашингтоном прежних реваншистских доктрин Бонна и в ответ на это безусловное следование ФРГ в фарватере американского внешнеполитического курса.

В-четвертых, после двух мировых кризисов Вашингтон заметно снизил свою долю участия в европейских делах, сосредоточившись на проблемах периферии международных отношений. Отсутствие существенного давления со стороны сверхдержавы послужило для западноевропейских стран своеобразным катализатором в активизации процессов интеграции и выработке их единой позиции по ключевым проблемам мировой политики на основе собственных региональных интересов. В частности, именно в этот период западноевропейскими государствами были сформулированы единые принципы восприятия политики безопасности и сотрудничества в Европе. Роль Западной Германии в этом процессе становится особенно заметна во второй половине 1960-х годов после выхода Франции из военной организации НАТО. ФРГ стала самой мощной державой альянса на европейском континенте и невольно заняла место своеобразного рупора Европы в диалоге с США, прежде всего, в сфере национальной безопасности.

В-пятых, попытки Западной Германии утвердить себя в роли политического лидера в Западной Европе, несмотря на надежды Вашингтона осуществлять через нее руководство процессом западноевропейской разрядки, привели в результате к нарастанию разногласий с Соединенными Штатами. Однако осознание того, что ФРГ в споре с СССР не сможет противостоять Советскому блоку в одиночку и вряд ли сможет убедить своих союзников встать на защиту интересов Германии, подтолкнуло Бонн к гораздо более реалистичному курсу Новой восточной политики. Сочетание объективных факторов для поворота во внешней политике и субъективных условий – приход к власти сил, готовых произвести этот поворот - позволило Западной Германии сделать важные шаги в направлении разрядки международной напряженности в Европе, тем самым покончив с антитезой «экономический гигант - политический карлик». Поворот от старой политики реваншизма к Новой восточной политике укрепил положение Федеративной республики в ЕЭС, в Западной Европе и в мире в целом, предоставив Бонну новые возможности для более гибкого маневрирования в отношении США.

В-шестых, само восприятие безопасности к началу 70-х годов XX века существенно изменилось. Все громче звучали идеи не «защищаться» от внешних угроз за счет укрепления системы обороны, а «договариваться» с соцстранами о создании системы коллективной безопасности. Одной из основных предпосылок, предопределивших такую тенденцию, безусловно, стал отказ ФРГ от доктрины Хальштейна, но еще более значимую роль здесь сыграли американо-советские переговоры. Они продемонстрировали европейцам не только возможность диалога с Москвой на весьма щекотливые темы без риска ядерной войны, но и создали благоприятную для такого диалога обстановку. Ни одному европейскому государству больше не приходилось сомневаться в правильности своих намерений наладить отношения со своими восточными соседями, раз уж на это пошли Соединенные Штаты, а за ними, чуть ли не опережая их, в том же направлении действовала ФРГ во главе с В. Брандтом.

В-седьмых, именно Новая восточная политика, проводимая Брандтом в духе разрядки международной напряженности, позволила ФРГ в начале 1970-х годов выйти за рамки интересов США и в определённый момент стать локомотивом процесса разрядки. Однако слишком быстрый прогресс в развитии Новой восточной политики пошатнул позиции В. Брандта в стране, которая лишь недавно начала отходить от привычных ей постулатов доктрины Хальштейна, а недовольная «социалистическими экспериментами» канцлера консервативно настроенная оппозиция в лице ХДС/ХСС, напротив, набирала политические очки. Это способствовало тому, что уже к 1973 году коалиционное правительство СДП-СвДП, чтобы не утратить свою популярность, было вынуждено умерить темпы проведения Новой восточной политики, сбалансировав ее западноевропейским направлением, адаптируя достигнутые Брандтом договорённости с соцстранами к общеевропейской конъюнктуре понимания разрядки.

В результате этого маневра, начиная с 1973 года Вашингтон перестал видеть в лице Бонна угрозу интересам американской стратегии разрядки, выстраивая новые доверительные отношения с ФРГ, которые позволяли США воздействовать на интересующие их элементы политики европейской безопасности без «прямого давления». После завершения создания системы «восточных договоров» Бонн стал активно влиять на переговорный процесс в Европе, часто оказывая решающее влияние на выработку политических решений Западноевропейских государств в ходе общеевропейского совещания. В то же время стремление Бонна к воссоединению страны вновь вернуло Белому дому неплохой инструментарий для регулирования интенсивности западногерманской внешнеполитической активности и лоббирования своих интересов в ходе переговоров по СБСЕ.

Несмотря на всю неоднозначность западногерманской внешней политики, она в конечном счете всегда ориентировалась на внешнеполитические установки США и сочеталась с ними, особенно по вопросам военной политики альянса. Однако если в конце 1950-х - начале

1960-х в диалоге с Бонном Вашингтон имел ярко выраженные лидерские позиции, то в начале 1970-х годов, после начала подготовки Совещания по европейской безопасности, где мнение ФРГ была одним из ведущих, удельный вес Бонна на мировой арене значительно повышается. ФРГ становится лидером европейского процесса, и как следствие американо-западногерманские отношения приобретают равнопартнерский характер.

Проводя аналогию с сегодняшним днем, можно сделать вывод, что расстановка сил в Североатлантическом альянсе с середины 70-х годов XX века подверглась незначительным изменениям. Несмотря на то, что европейский сегмент в виде Европейского союза стал намного обширнее, роль первой скрипки в Европе по-прежнему принадлежит ФРГ. В тоже время европейцы несомненно выступают в качестве основного американского партнера и союзника. Европа лишь отчасти превратилась в полноценную «третью силу». Сбросив с себя ярлык американского сателлита, сегодня европейские страны оказывают существенное влияние на мировую политику, порой даже вопреки желаниям Вашингтона. Тем не менее, в большинстве случаев они остаются солидарны с политикой Соединенных Штатов, сохраняя тенденцию следования в фарватере американского внешнеполитического курса. В силу тех или иных причин особенно ярко в наше время эта тенденция просматривается именно в части проблем безопасности региона. В ходе принятия решений по данному вопросу европейские страны склонны делать акцент не на структуры ЕС, а как и прежде, предпочитают обсуждать их в рамках НАТО с участием США.

Библиография

Архивные материалы:

1. Архив программы ядерной истории, Марбург, ФРГ

Nuclear History program (NHP)

Aktenmaterial des Bundesministeriums der Verteidigung. 1955-1966.

2. Политический архив министерства иностранных дел ФРГ, Берлин, ФРГ

Politisches Archiv des Auswaertiges Amt (PAAA). Berlin.

Bestand B14.IIA7,307. Verteidigungsfragen, NATO

Bestand B.32.IIA6. USA, Kanada

Bestand B2.IIIA5. Buro Staatssekretaere

3. Архив христианско-демократической политики, Бонн, ФРГ

Archive fur Christlich-Demokratische Politik (ACDP), Bonn

Bestand CDU/CSU-Fraktion, 8-001

Nachlass Gunther Bachmann, 01-798

Nachlass Kurt Birrenbach, 01-433

Nachlass Felix von Eckardt, 01-010

Nachlass Hans Globke, 01-070

Nachlass Kurt Georg Kiesinger, 01-226

Nachlass Hermann Kopf, 01-027

Nachlass Horst Osterheld, 01-172

Nachlass Gerhard Schroder, 01-483

4. Архив социал-демократии, Бонн, ФРГ

Archive der sozialen Demokratie (AdsD), Bonn

Nachlass Egon Bahr

Nachlass Rudolf Dux

Nachlass Gerhars Jahn
Nachlass Herbert Wehner
SPD-Partei Vorstand, Bestand Kurt Schummacher
Willy-Brandt-Archive

5. Федеральный архив Германии, Кобленц, ФРГ
Bundesarchiv (BA) Koblenz

Bestand B102, Bundesministerium für Wirtschaft
Bestand B102 II, Bundesministerium für Atomfragen
Bestand B136, Bundeskanzleramt
Bestand B122, Bundespresidentialamt
Bestand B106. Bundesministerium der Verteidigung
N 1239. Nachlass Heinrich von Brentano

6. Парламентский архив немецкого Бундестага, Берлин, ФРГ
Parlamentsarchive des Deutschen Bundestages (BT ParlA), Berlin

Bundesgesetzblatt des 2. Wahlperiode, W53 (1953-1957)
Bundesgesetzblatt des 3. Wahlperiode, W57 (1957-1961),
Bundesgesetzblatt des 4. Wahlperiode, W61-I (1961-1965),
Bundesgesetzblatt des 5. Wahlperiode, W65 (1965-1969).

7. Архив Внешней политики РФ (АВП РФ).

Ф. 47 (Отдел Международных Организаций) . П. 146. Д. 24;
Ф 82. Оп. 19. П. 107. Д. 29; Оп. 18. П. 103. Д. 32., Оп. 17 П. 103. Д. 32.
Ф. 129. ОП. 60. П. 270. Д.28.

Документы государственных органов США:

1. American foreign policy. 1960-1965. Basic documents. Vol. 1-2. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1957.

2. American foreign policy. 1961, 1962, 1966-1969. Current documents. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1962-1970;
3. Department of State Bulletin, 1961-1966. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1961-1966.
4. Documents on American foreign relations. 1961.1964 Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1962-1965.
5. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1955-1956, 1958-1964, 1966-1969. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1994-1998
6. Issues in relations between the US and Western Europe, fall 1971. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1971.
7. Public Papers of the Presidents of the United States: Dwight David Eisenhower - Richard Milhous Nixon. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1959, 1963-1969.
8. Special message to the Congress of the Defense Budget by President John f. Kennedy, March 28, 1961. Online by Gerhard Peters and John T. Woolley, The American Presidency Project. URL. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=8554>.
9. The Department of State bulletin. Washington DC, U.S. Gov. print. off.: Office of Public Communication, Bureau of Public Affairs 1959-1966, 1969.
10. Treaties and other international acts. Series 2911. Mutual defense assistance. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1995.
11. U.S. Congress, House. Foreign assistance authorization: hearings before the Committees on foreign relations and the Subcomm. On foreign assistance of the Comm. On foreign relations, U.S. Senate, 95th Congr. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1971
12. U.S. Congress, House. Legislative review activities of the Committee on Foreign affairs. 92d Congr. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1968.
13. U.S. Congress, House. National security policy: hearings before the defense police of the Comm. On armed services. House of representatives. 95th Congr. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1971.

14. U.S. Congress. Congressional Record. Proceeding and debates of the 87th-91th Congress, vol. 101-115. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1957-1969.
15. U.S. Congress. Congressional Record. Proceeding and debates. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1961-1966, 1969.
16. U.S. Congress. United Nations reform: hearing before the Comm. on foreign relations, US Senate. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1972.
17. U.S. President Kennedy(1961-1963): new opportunities in the search of peace. Washington DC, U.S. Gov. print. off. 1963.

Публикации документов негосударственных учреждений США:

1. American Foreign Relations 1965-71. A doc. Record. A Council on Foreign Relations book, NY., 1970-1975.
2. American strategy for the Nuclear Age. New York: Doubleday and Co., Inc., 1960.
3. Government resources available for foreign affairs research. Office of External Research, Department of State. Washington DC, U.S. Gov. print. off., 1965.

Документы государственных органов ФРГ:

1. Akten zur Auswärtigen Politik der Bundesrepublik Deutschland (AAP). 1959, 1963-1967. Munchen: R. OldenburgVerlag, 1994-1998.
2. Aussenpolitik der Bundesrepublik Deutschland. Vom Kalten Krieg zum Frieden in Europa. Dokumente von 1949-1989. Bonn: Aktuell, 1990.
3. Bulletin des Presse – und Informationsamtes des Bundesregierung, Bonn: Presse- u. Informationsamt, 1960-1971.
4. Deutsche Aussenpolitik 1959-1969. Eine Dokumentation, hrsg. vom Auswärtigen Amt, Bonn, 1963-1969.
5. Deutsche Politik. Tatigkeitsbericht der Bundesregierung. Berlin: Germany (West). Presse- und Informationsamt, 1966.

6. Deutsche Politik. Tätigkeitbericht der Bundesregierung. Berlin: Germany (West). Presse- und Informationsamt, 1963,1965,1966,1969-1971.
7. Die Geschichte der CDU: Programm und Politik der Christlich Demokratischen Union Deutschlands seit 1945. Bonn: CDU-Bundesgeschäftsstelle, 1980.
8. Dokumentation des Auswärtigen Amtes, Bonn: Presse- u. Informationsamt, 1962, 1966-1969;
9. Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der atlantik – Charta 1941 bis zur Berlin – Sperre 1967. Zurich. Hauptband III. 1968.
10. Dokumentation zur Deutschlandfrage. Von der atlantik – Charta 1941 bis zur Berlin – Sperre 1961. Wien. Zurich. Hauptband I-III. 1961.
11. Dokumentation zur Abrüstung und Sicherheit. Bd. II-XI. Berlin, 1961-1969.
12. Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung in Deutschland seit 1945. Berlins Dokumenten Verl. Wendler. 9 Bd. 1962-1971; Bd.I.- 1962; .Bd.2.- 1963; Bd.3. 1963; Bd.4. 1965; Bd.5. 1966.
13. Programme der politischen Parteien in der Bundesrepublik. München: Beck Verl., 1975.
14. Protokolle des CDU-Bundesvorstandes. Stuttgart: Forschungen und Quellen zur Zeitgeschichte, 1953-1957.
15. Statistisches Jahrbuch für Bundesrepublik Deutschland 1969,1971, Stuttgart/Meinz, 1970, 1972.
16. Verhandlungen des Deutschen Bundestages. Stenographische Berichte. Bonn: Bonner Universitäts-Buchdruckerei. 1959, 1963, 1966, 1969.

Публикации официальных документов негосударственных учреждений ФРГ:

1. Archiv der Gegenwart - Deutschland 1949-1999", Bd. IV-VII, Berlin, 2000.
2. Bruno Heck. Die CDU und ihr Programm. Programme Erklärungen Entschlie Bunden. Verlag Ernst Knoth. Melle. 1989.

3. Die Dokumente zur Deutschlandpolitik. III-IV Reihe (1955-1959). Frankfurt-am-Main, 1961-1972.
4. Neue Dokumente zur Deutschland- und Ostpolitik Adenauers. Bearbeitet und eingeleitet von Klaus Gotto, in: Adenauer – Studien III.
5. Nukleare Miteirkung: Die Bundesrepublik Deutschland in der atlantischen Allianz 1954-1970. Berlin, 1972.
6. Sicherheit und Zusammenarbeit in Europa. (KSZE). Analyse und Dokumentation. Hrsg.von H.-A.Jacobsen et al.-Koln:Wissenschaft und Politik, 1973.

Документы, размещенные в сети Интернет:

1. Электронные версии сборника Foreign Relations of the United States на сайте библиотеки университета Висконсина.
<http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS>.
2. Коллекции электронных документов библиотеки Эйзенхауэра.
<http://www.eisenhower.archives.gov/dl/hd.htm>.
3. Страница коллекций электронных документов ЦРУ (поиск – по названию или дате документа).
http://www.foia.cia.gov/search.asp?pageNumber=1&freqReqRecord=nic_prod_nie.txt
4. Материалы ООН на русском и английской языках (материалы Совета Безопасности ООН, документы о ядерных и специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН):
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml;
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/abm.pdf;
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf;
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/seabed_wmd_prohibition.shtml;

- http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.
5. NATO Strategy Documents. Ed. by G. Pedlow. Brussels, 1997.
<http://www.nato.int/archives/strategy.htm>.
 6. Johnston's Archive Nuclear Weapons. <http://johnstonsarchive.net/nuclear/>.
 7. Lyndon Baines Johnson Library.
<http://www.lbjlib.utexas.edu/johnson/Links.hom/sitemap.shtml>.

Пресса:

1. Archiv der Gegenwart: Die weltweite Dokumentation für Politik und Wirtschaft (AdG), 1961, 1966-1969.
2. Berlin Morgenpost (West-). 1961-1964, 1969-1971.
3. Bild (West-). 1965-1972.
4. Die Welt. 1959-1969.
5. Foreign Affairs. 1960-1963, 1967-1971.
6. Handelsblat, 1960-1962. 1969.
7. New York Herald Tribune. 1966.
8. Newsweek 1961, 1963, 1969.
9. Spiegel. 1961, 1963, 1966, 1969-1970.
10. The Economist 1958-1968.
11. The New York Times. 1967-1970.
12. The Times. 1961-1966.
13. The Washington Post. 1969-1971.
14. U.S. News & World Report. 1971-1973
15. Правда. М. 1958-1968
16. Мировая экономика и международные отношения. М., 1967.

Мемуары:

1. Брандт В. Воспоминания. Москва: Новости. 1991.
2. Никсон Р. На арене. М.: Новости, 1992.
3. Штраус Ф. Й. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991.

4. Adenauer K. Erinnerungen 1945 -1953, 1953-1955, 1955-1959; 1959-1963. Fragmente, Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt. 1965-1968.
5. Brandt W. My life in politics, London: Hamish Hamilton, 1992.
6. Grewe W. Ruckblenden, 1951-1976. Frankfurt/M: Propylaen, 1979.
7. Eisenhower D. Waging peace, 1956-1961. Washington: Doubleday. 2000.
8. Kissinger H. Years of Upheaval. NY.: Little Brown & Co (T). 1982.
9. Makmillan H. Pointing the Way. London: Macmillan Co, 1972.
17. Osterheld H. "Ich gehe nicht leichten Herzens...", Adenauers letzte Kanzlerjahre – Ein dokumentarischer Bericht, Mathias-Grünewald-Verlag, Mainz 1986 (Veröffentlichungen der Kommission für Zeitgeschichte, Adenauer-Studien V). In: Das Parlament, 23. Mai 1987, // K. Adenauer. Ein biografisches Essay. Berlin: Verlag edition q, 1993. S.13.

Публицистика

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.
2. Брандт В. «Мирная политика в Европе», М.: Прогресс, 1969.
3. Bahr E. Was wird aus den Deutschland? Fragen und Antworten. Reinbek: Rowohlt, 1982.
4. Ball G. Diplomacy for crowded World. London: Bodley Head, 1976.
5. Brandt W. Friedenspolitik in Europa. Stuttgart: Degerloch Seewald, 1969.
6. Brandt W. Begegnungen und Einsichten. Die Jahre 1960-1975. Hamburg: Hoffmann and Campe. 1967.
7. Brandt W. Der Wille zum Frieden. Perspektiven der Politik. Hamburg: Hoffmann and Campe, 1971.
8. Dulles J.F. War or peace , NY.: Macmillan Co. 1950.
9. Fullbright J.W. Prospects for the West. London: Cambridge, 1963.
10. Kissinger H. American Foreign Policy. NY.: W.W. Norton, 1977.

11. Kissinger H. Does America Need a Foreign Policy?: Toward a Diplomacy for the 21st Century. NY: Simon and Schuster, 2001.
12. Schmidt H. Strategie des Gleichgewichts. Deutsche Friedenspolitik und die Weltmächte, Stuttgart, 1970.
13. Schmidt H. Verteidigung oder Vergeitung, Stuttgart, 1961.
14. Schroeder G. Decision for Europe. London: Thames and Hudson, 1964.
15. Strauss F.-J. Entwurf für Europa. Stuttgart: Degerloch Seewald, 1966.
16. Strauss F.-J. Herausforderung und Antwort. Ein Programm für Europa. Stuttgart: Degerloch Seewald, 1968.

Литература:

Отечественная литература:

1. Анисимов Л.Н., Мазуров В.К. Европейская безопасность. Минск. 1976.
2. А.Арбатов. Военно-стратегический паритет и политика США. М., 1984.
3. Ахтамзян А. А. Объединение Германии. Обстоятельства и последствия. Очерки. М., 1991.
4. Бакирова Гульназ Яновна. Международно-правовые аспекты объединения Германии : Дис. кандидата юридических наук : 12.00.10. Казань, 2000.
5. Батюк В. И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы (1945 – 2010). Саарбрюкен, 2011.
6. Белецкий В.Н. За столом переговоров. Обсуждение германских дел на послевоенных международных совещаниях и встречах. М., 1979.
7. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.
8. Введение в теорию международных отношений. Отв. Ред. Манькин А.С. М., 2001.
9. Власов С.Н. Внешнеполитическая концепция социал-демократической партии (1968-1982). Киев, 1985.

- 10.Воронцов Г.А. Атлантические отношения и современность / Международные отношения. М., 1977.
- 11.Ворошилов С.И. Малая коалиция у власти в ФРГ. М., 1979.
- 12.Восленский М.С. «Восточная» политика ФРГ: 1949-1966. М., 1967.
- 13.Галкин А.А., Мельников Д.Е. СССР, западные державы и германский вопрос(1945-1965). М., 1966.
- 14.Гарань А.В. Трансатлантические дебаты: поворот Западной Европы к разрядке и позиция США. Киев, 1990.
- 15.Глазунов Н.К. Бундесвер и НАТО. История создания и развития вооружённых сил ФРГ (1955-1978). М., 1979.
- 16.Гордон А.Е. ФРГ и НАТО (1966-1969). М., 1972.
- 17.Громыко А.А. Внешняя политика США: Уроки и действительность, 60-70-е гг. Ереван, 1981.
- 18.Губернаторов И.Ю. США и проблема европейской безопасности, 1954-1960 гг. : диссертация кандидата исторических наук : 07.00.03. Москва, 2006.
- 19.Давыдов В.Ф., Оберемко Т.В., Уткин А.И. США и западноевропейские "центры силы". М., 1978.
- 20.Дмитриев Б. Пентагон и внешняя политика США. М., 1961.
- 21.Дурникова Т. И. СДПГ: концепция «совместной безопасности». М., 1989.
- 22.Егорова Н.И. Понятие разрядки в 1950-е годы: советская и западная интерпретация /Холодная война и политика разрядки: Дискуссионные проблемы. М., 2003.
- 23.Ежов В. Конрад Аденауэр. Немец четырех эпох. М., 2003.
- 24.Ефремов А.Е. Ядерное оружие. М., 1976.
- 25.Ефремова А.Е. Европа и ядерное оружие. М., 1972.
- 26.Ефремова А.Е. Европейская безопасность и кризис НАТО. М., 1975.
- 27.Западная Европа и США: очерк политических взаимоотношений, М., 1968.

- 28.История дипломатии. Изд. 2-е. Т. 5. Кн. 1. М., 1974.
- 29.Истягин Л.Г. ФРГ и НАТО- М., 1963.
- 30.Калюжников В.М. Эволюция концепции СДПГ по вопросам европейской безопасности и «молодые социалисты» (1966-1976). М., 1977.
- 31.Кузнецов Е.Л. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами создания многосторонних ядерных сил НАТО: 1960-1966 гг.: диссертация кандидата исторических наук : 07.00.03. Томск, 2005.
- 32.Ладыжников И.М. Позиция СДПГ в Германском вопросе. Спб., 1989.
- 33.Манькин А.С. Системность в международных отношениях: содержание, причины формирования и этапы развития // Основы общей теории международных отношений: Учеб. пособие / Под ред. А.С. Манькина. М., 2009.
- 34.Мельников Ю.М. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970.
- 35.Мельников Ю.М. Сила и бессилие: внешняя политика Вашингтона. М., 1983.
- 36.Модели региональной интеграции: прошлое и настоящее. Под. ред. А.С. Манькина. М. 2010.
- 37.Нарочницкая Н.А. США и «новая восточная политика ФРГ». М., 1977.
- 38.Николаев Н.А. Политика Советского Союза в Германском вопросе 1945-1964. М. Наука. 1966.
- 39.Обременко Т.В. Отношения США и ФРГ в комплексе американо-западноевропейских связей (1969-1978). М., 1979.
- 40.Овчаров Г.А. Развитие концепции «восточной политики» СДПГ 1963-1966. Томск, 1990.
- 41.Павлов Н.В., Новиков А.А. Внешняя политика ФРГ от Аденауэра до Шредера. Москва, 2005.
- 42.Первов М. Межконтинентальные баллистические ракеты СССР и России. М., 1998.

- 43.Петровский В.Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976.
- 44.Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона: демократическая партия США в борьбе за избирателя. М., 2008.
- 45.Пилько А.В. Кризис доверия НАТО: альянс на пороге перемен (1956-1966). М., 2007.
- 46.Пилько А.П. Выход Франции из военной организации Североатлантического альянса (1965-1966)/Преподавание истории и обществознания в школе, № 6, М., 2010.
1. Пржездомский А.С. СДПГ и многосторонние ядерные силы НАТО. М., 1981.
2. Рахманинов Ю.Н., Проблема европейской безопасности: исторический опыт ее решения. 1917-1977. М., 1979.
3. Рахманинов Ю.Н., Уранов Г.В. Европа: безопасность и сотрудничество. М., 1974.
4. Рошин А.А. Международная безопасность и ядерное оружие. М., 1980.
5. Руссков В.В. Политика ФРГ и США по вопросам развития европейской системы безопасности. Томск, 2007.
6. Савельев В.А. США: сенат и политики. М., 1976.
7. Системная история международных отношений. Под ред. А.Д.Богатурова. Т.2., М., 2009.
8. Усачев И.Г. Международная разрядка и США. М., 1980.
9. Уткин А.И. Стратегия глобальной экспансии. М., 1986.
- 10.Филитов А.М. Германский вопрос: от раскола к объединению. М., 1993.
- 11.Халоша Б.М. НАТО и атом. М., 1975.
- 12.Шестов К.П. Позиции социал-демократической партии по внешнеполитическим вопросам (1959-1966). М., 1969.

Переведенная литература:

1. Грайнер Б., Штайнгаус К. На пути к 3-й мировой войне? М., 1982.
2. Кеохейн Р., Дж. Най. Сила и взаимозависимость. Переходный период мировой политики. М. 3 изд., 2000.
3. Кисинджер Г. Дипломатия. М., 1997.
4. Манфред И. Париж-Бонн. Франко-западногерманские отношения во внешней политике Пятой республики. 1958-1968, М., 1970.
5. Мис Г. Поворот вправо? После 13 лет пребывания СДПГ в правительстве: итоги и перспективы. М., 1983.
6. Митковска-Кайзер И. Этапы восточной политики ФРГ (1949-1969)/ Ежегодник германской истории. М., 1982.

Зарубежная литература:

1. American strategy for the Nuclear Age. NY., 1960.
2. Angerer Jo "Amerikanische Freunde : die Politik der US-Streitkräfte in der Bundesrepublik", Frankfurt, 1990.
3. Asmus Ronald D. West German NATO policy: the next five years. Santa Monica, 1989.
4. Bader W. The United States and the Spread of Nuclear Weapons. NY., 1968.
5. Ball G. W. The Discipline of power: Essentials of Modern World Structure. Boston. 1968.
6. Barnett R.J. The Alliance: America, Europe, Japan – Makers of the Postwar World. NY., 1983.
7. Barry Buzan, Ole Wæver, Jaap de Wilde. Security: A New Framework for Analysis. Boulder, 1998.
8. Bender P., Zehn Gründe für die Anerkennung der DDR, West-Berlin, 1968.
9. Besson W. Die Außenpolitik der Bundesrepublik: Erfahrungen und Masstabe. München, 1970.

10. Brinklye D. Dean Acheson and John Kennedy: Combating Strains in the Atlantic Alliance. 1962-1963// John Kennedy and Europe/ Ed. By D. Brinkley and R.T. Griffiths. Baton Rouge, 1999.
11. Brown S. The faces of Power. Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Johnson. New York-London, 1968.
12. Bulmer S. The Changing agenda of West German public policy. Dartmouth, 1989.
13. Burns A.F. The United States and Germany. NY., 1968.
14. Crawford B. Power and German foreign policy: embedded hegemony in Europe". NY., 2007.
15. Czempiel E. O., Schweitzer C.Ch. Weltpolitik der USA nach 1945. Berlin, 1987.
16. Daum Andreas W. Kennedy in Berlin. Washington, 2008.
17. Detente: Cold War Strategies in Transition, Ed. By E.L. Dulles and R.D. Crane, NY., 1965.
18. Dockrill S. Eisenhower's New Look National Security Policy, 1953-1961. NY., 1996.
19. Ehmke H. Politik als Herausforderung. Reden. Vortrage, Aufsätze 1975-1979. Karlsruhe, 1979.
20. Eine schwierige partnerschaft: BRD u. USA im Atlantischen Bündnis. Quorum, 1988.
21. Engelhardt K., W. Hahn. Bonn – Washington: Analyse eines Bündnisses. Berlin, 1967.
22. Entspannungspolitik in Ost und West. Hrsg. von H.-P. Schwarz und B. Meissner. Koln, 1979.
23. Erdman A.F.N. War no longer has any logic whatever. /Cold War statesmen confront the Bomb. Nuclear Diplomacy Since 1945. Hardback, 1991.
24. Fornsworth David N. The senate committee on foreign relations. Urbana, 1961.

25. Fox W.T.R., Fox A.B. NATO and the range of American choice. NY.- London, 1967.
26. Frederick W. Marks III. Power and Peace: The Diplomacy of John Foster Dulles. Westport, 1993.
27. Freedman L. The evolution of Nuclear Strategy. London, 1989.
28. Gala M. The Multilateral Force: A Brief history of the American efforts to maintain the nuclear status quo within the Atlantic alliance//Anno XII, 1998, № 1.
29. Genscher H.-D. Deutsche Aussenpolitik. Bonn, 1977.
30. Geyelin P. Lyndon B. Johnson and The World. NY., 1996.
31. Gotto K. Neue Dokumente zur Deutschland- und Ostpolitik Adenauers. Bearbeitet und eingeleitet von Klaus Gotto, in: Adenauer – Studien. III. Stuttgart, 1991.
32. D.W. Grantham, T. Maxwell-Long. Recent America: the US since 1945. Wheeling IL., 2011.
33. Gregory Sh. R. Nuclear Command and Control in NATO: Nuclear Weapons and the Strategy of Flexible Response. NY., 1996.
34. Haftendorn H. Eine schwierige partnerschaft: BRD u. USA im Atlantischen Bundnis. Quorum, 1988; Crawford Beverly. Power and German foreign policy: embedded hegemony in Europe. NY., 2007.
35. Hahn W.F. West Germany's Ostpolitik. The Grand Design of Egon Bahr. // Orbis. N. 16. Winter. 1973.
36. Halperin M. Bureaucratic Politics and Foreign Policy. Washington DC, 1974.
37. Hamilton Daniel S. "Conflict and cooperation in transatlantic relations", Washington DC, 2004.
38. Hammond P. LBJ and the Presidential Management of Foreign Relations. Austin, 1992.
39. Hanrieder, Wolfram F. Deutschland, Europa, Amerika : Die Aussenpolitik der BRD, 1949-1989. Paderborn, 1991.

40. Helmut Lindemann. Gustav Heinemann. Ein Leben für die Demokratie. — München: Kösel, 1986 (1-е изд. 1978).
41. Heuser B. NATO, Britain, France and the FRG: nuclear strategies and forces for Europe, 1949-2000. Hampshire, 1999.
42. Jeffrey M. Diefendorf . American policy and the reconstruction of West Germany, 1945-1955. Washington DC, 1993.
43. Kaplan L. The MLF debate// John F. Kennedy and Europe. Brinkley D., Griffiths R. (eds.), Baton Rouge, 1999.
44. Kelleher C. Germany and Politics of Nuclear Weapons. London, 1975.
45. Kleinmann H.-O. Geschichte der CDU 1945-1982. Bonn, 1993.
46. Klessmann C. Adenauer Deutschland – und Ostpolitik 1955-1963/Adenauer und die Deutsche Frage. Munchen, 1989.
47. Koehane R. International Institutions and State Power: Essays in International Relation Theory. Boulder, 1989.
48. Krasner S. Structural causes and regime consequence; regimes as intervening variables. // International organization. 1982.
49. Lebow R.N. Between Peace and War. The Nature of International Crisis. Baltimore, 1981.
50. Manke D. Nukleare Miteirkung: Die Bundesrepublik Deutschland in der atlantischen Allianz 1954-1970. Berlin, 1972.
51. Mayer Frank A. Adenauer and Kennedy: a study in German-American relations, 1961-1963. NY., 1996.
52. McGhee G.C. At the creation of a new Germany From Adenauer to Brandt : An ambassador's account. New Haven, 1989.
53. Melason R.A. American foreign Policy since the Vietnam War: The Search of Consensus from Nixon to Clinton. NY., 1991.
54. NATO's Northern Allies. Ed. by. G. Flynn. Totowa, 1985.
55. Nerlich, Uwe a. James A. Thomson. The Soviet problem in American-German relations. NY., 1985.

56. Ninkovich F. Germany and the United States. The transformation of the Germ. question since 1945. Boston, 1988.
57. Osgood Ch. An Alternative to War or Surrender. Urbana, 1962.
58. Payne J.L. The American Threat. Chicago, 1971.
59. Poidevin R., Bariety J. Frankreich und Deutschland: die Geschichte ihrer Beziehungen 1815 – 1975. München, 1982.
60. Pridham Geoffrey. Christian democracy in Western Germany: the CDU/CSU in government and opposition, 1945-1976", NY., 1977.
61. Putz K.H. Die Aussenpolitik der USA. Eine Einführung. Hamburg, 1974.
62. Rasmus Ronald D. West German NATO policy: the next five years. Santa Monica, 1989.
63. Ravenal E.C. NATO: the Tides of Discontent. Berkley, 1985.
64. Schertz A. Die Deutschlandpolitik Kennedys und Johnsons: Unterschiedliche Ansätze innerhab der amerikanischen Regierung. Koln, 1992.
65. Schick J.M. The Berlin Crisis. 1958-1962. Philadelphia, 1971.
66. Schlesinger A.M. Thousand Days: John. F. Kennedy in White House. Boston, 1965.
67. Schulz Matthias, Schwartz Thomas A. "The strained alliance : U.S. European relations from Nixon to Carter", Washington DC, 2010.
68. Schwartz T.A. Lyndon Johnson and Europe: in the Shadow of Vietnam. Cambridge, 2003.
69. Schwarz H.-P. Die Ara Adenauer 1957-1963// Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Band 3. Stuttgart, 1983.
70. Smyser W. R. Kennedy and the Berlin Wall : "a hell of a lot better than a war". Lanham, 2009.
71. Streeck W. Industrial relations in West Germany: agenda for change. Berlin, 1987.
72. Trachtenberg M.A. Constructed Peace: The Making of the European Settlement, 1945-1963. Princeton, 2001.

73. Tusa A. *The Last Division. A History of Berlin*. Reading. Salt Lake City, 1997.
74. Ulam A.B. *Expansion and Coexistence: the History of Soviet Foreign Policy, 1917-1967*. NY., 1968.
75. Van Hook, James C. *Rebuilding. Germany: the creation of the social market economy, 1945-1957*. Cambridge, 2004.
76. Waltz K. *Realist through the neorealist Theory.//Controversies in international relations theory*. NY., 1979.
77. Winand P. *Eisenhower, Kennedy, and the United States of Europe*. NY., 1993.

Приложение

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Результаты выборов в бундестаг Германии (1957 – 1969 гг.)

Табл. 1. Результаты выборов в бундестаг Германии 15 сентября 1957 года

Партия	Голосов	%	Мест	Δ
ХДС	11 875 339	39,7%	215	▲ 24
СДПГ	9 495 571	31,7%	169	▲ 18
ХСС	3 133 060	10,5%	55	▲ 3
СвДП	2 307 135	7,7%	41	▼ 7
Немецкая партия	1 062 293	3,4%	17	▲ 2
Другие	2 032 030	7,0%	0	▼ 30

Табл. 2. Результаты выборов в бундестаг Германии 17 сентября 1961 года

Партия	Голосов	%	Мест	Δ
СДПГ	11 427 355	36,2%	190	▲ 21
ХДС	11 283 901	35,8%	192	▼ 23
СвДП	4 028 766	12,8%	67	▲ 26
ХСС	3 014 471	9,5%	50	▼ 5
Другие	1 796 408	5,7%	0	▼ 17

Табл. 3. Результаты выборов в бундестаг Германии 19 сентября 1965 года

Партия	Голосов	%	Мест	Δ
СДПГ	12 813 186	39,3%	202	▲ 12
ХДС	12 387 562	38,0%	196	▲ 4
ХСС	3 136 506	9,6%	49	▼ 1
СвДП	3 096 739	9,5%	49	▼ 18
Другие	1 186 449	3,6%	0	0

Табл. 4. Результаты выборов в бундестаг Германии 28 сентября 1969 года

Партия	Голоса	%	Мест	Δ
СДПГ	14 065 716	42,7%	237	▲ 20
ХДС	12 079 535	36,6%	193	▼ 1
ХСС	3 115 652	9,5%	49	—
СвДП	1 903 422	5,8%	30	▼ 19
НДПГ	1 422 010	4,3%	0	—
Другие	379 689	1,1%	0	—

Табл. 5. Результаты выборов в бундестаг Германии 19 ноября 1969 года

Партия	Голосов	%	Мест	Δ
СДПГ	17 175 169	45,8 %	230	▲ 6
ХДС	13 190 837	35,2 %	177	▼ 16
ХСС	3 615 183	9,6 %	48	▼ 1
СвДП	3 129 982	8,4 %	41	▲ 11
Другие	348 579	0,9 %	0	0

URL.

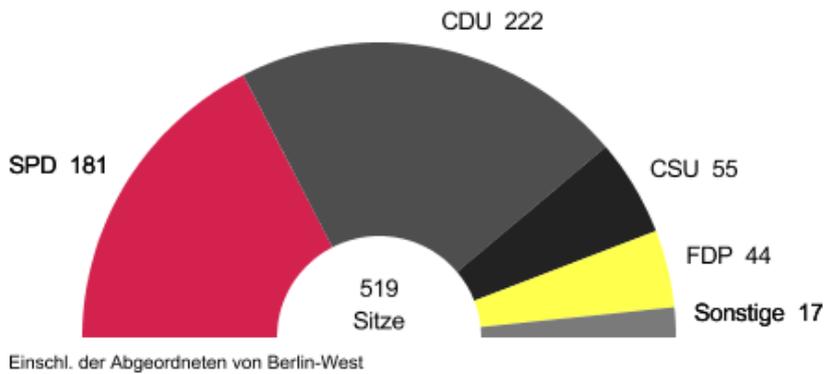
http://www.bundeswahlleiter.de/en/bundestagswahlen/fruehere_bundestagswahlen/btw1972.html

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Распределение мандатов на выборах в бундестаг (1957 – 1976 гг.)

Сitze der Parteien im 3. Deutschen Bundestag 1957

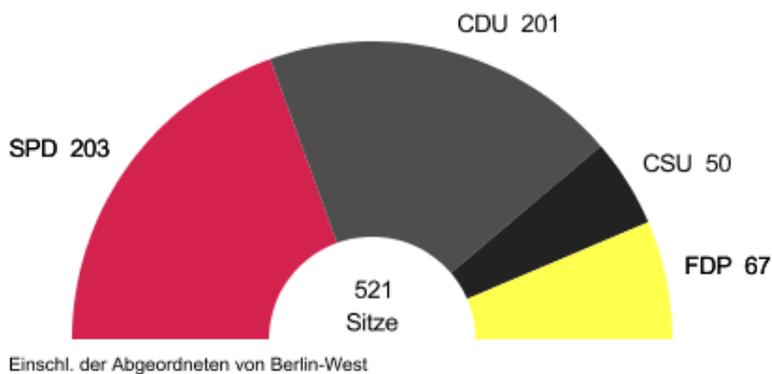
Stand bei der Wahl

Election to the 4th German Bundestag on 17 September 1961

Сitze der Parteien im 4. Deutschen Bundestag 1961

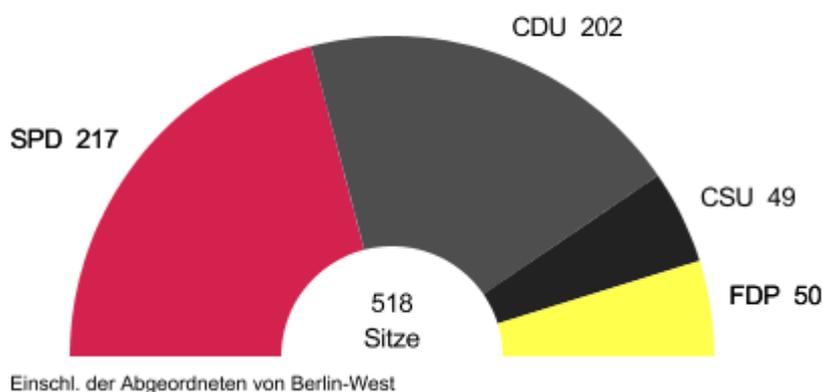
Stand bei der Wahl

Election to the 5th German Bundestag on 19 September 1965

Сitze der Parteien im 5. Deutschen Bundestag 1965

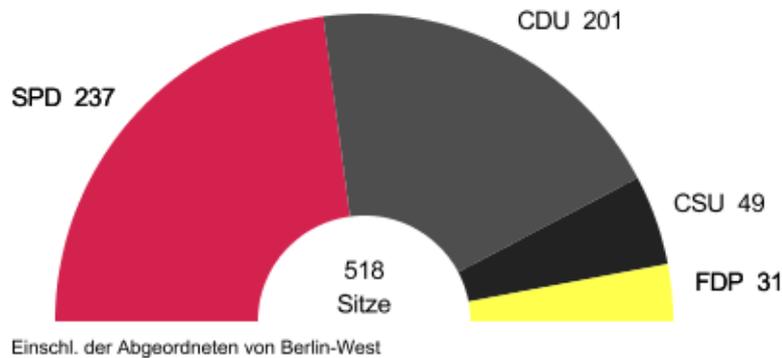
Stand bei der Wahl

Election to the 6th German Bundestag on 28 September 1969

Sitze der Parteien im 6. Deutschen Bundestag 1969

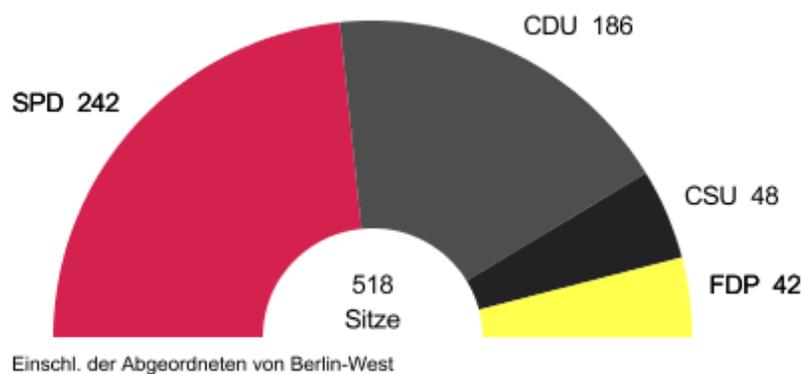
Stand bei der Wahl

Election to the 7th German Bundestag on 19 November 1972

Sitze der Parteien im 7. Deutschen Bundestag 1972

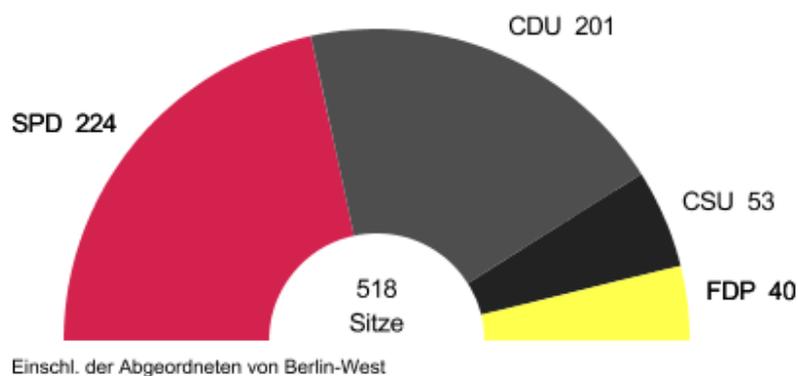
Stand bei der Wahl

Election to the 8th German Bundestag on 3 October 1976

Sitze der Parteien im 8. Deutschen Bundestag 1976

Stand bei der Wahl

URL.

http://www.bundeswahlleiter.de/en/bundestagswahlen/fruehere_bundestagswahlen/btw1972.html

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Увеличение общей численность личного состава бундесвера (1957-1963гг.)

Общая численность:	Декабрь 1957 г.	Декабрь 1958 г.	Январь 1963 г.
Запланированная	100 тыс. чел.	150 тыс. чел.	350 тыс. чел.
Реальная	115 тыс. чел.	175 тыс. чел.	385,5 тыс. чел.

URL. <http://www.istmira.com/istnovei/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-vooruzhennyx-sil-fr/page/40/>

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Формирование и дальнейшее реформирование бундесвера (1945 – 1975 гг.)

Годы	Подготовительный этап («фаза планирования» новых вооруженных сил ФРГ).	
1950 - 1955 гг.	Осуществлялся тайно, в условиях полного запрета иметь собственную военную силу на основании Подсдамских соглашений.	
	1945– май 1955 гг.	Период характерен не столько военными показателями, сколько поиском легализации вооружения и условий для их дальнейшего форсированного развития.
	май 1955– июль 1955 гг.	Период с момента вступления в НАТО, когда начинается открытый этап военного планирования бундесвера до вступления в силу «Закона о добровольцах» (от 23 июля 1955 г.), определивший порядок их набора в целях создания костяка вооруженных сил. Закон о Добровольцах - это закон о подготовке к строительству вооруженных сил. Он определял только переходное регулирование до вступления в силу Солдатского закона и еще не давал никакого права к формированию военных соединений.
Июль 1955- 1958 гг.	Первый этап в развертывании бундесвера (организационный).	
	Характеризуется разработкой и вводом в действие военного законодательства, созданием органов военного управления,	

	<p>массовой подготовкой командных кадров и активным формированием кадровой армии, стремлением ФРГ к военному равноправию в НАТО.</p>
1959-1962 гг.	<p>Второй этап (переходный).</p> <p>его главным содержанием стал переход сухопутной армии на новую форму организации войск и на качественно новую структуру родов войск. Он характеризуется также ускоренным развертыванием военно-воздушных сил и военно-морского флота, передачей в НАТО основной массы боевых соединений и захватом лидерства в гонке вооружений среди партнеров по блоку.</p>
1963-1967 гг.	<p>Третий этап (ракетно-ядерного вооружения).</p> <p>Характерен насыщением видов вооруженных сил носителями ядерного оружия, завершением их формирования по основным показателям и передачей в полном боевом составе в НАТО, где они составили подавляющее большинство по численности и количеству соединений среди западноевропейских партнеров в Центральной Европе.</p>
1968-1974 гг.	<p>Четвертый этап (всестороннего качественного усиления).</p> <p>В его основе лежал пятилетний план развития вооруженных сил и превращения сухопутных войск в качественно новые сухопутные силы за счет объединения с ними войск территориальной обороны.</p>
с 1975 г.	<p>Пятый этап (дальнейшего развития).</p>

	<p>Этап дальнейшего строительства бундесвера, введения новой структуры сухопутных сил и системы военного образования. Каждый этап являлся новой ступенью в развитии бундесвера, наращиванием его количества и качества, возрастанием ударной мощи и роли в объединенных вооруженных силах блока.</p>
--	--

Источник. Федеративная Республика Германии. М. 1973. С. 197.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Модернизация различных видов вооружения бундесвера на 4 этапе военного планирования ФРГ (1973-1974 гг.)

Наименование боевой единицы	Общее кол-во (шт.)	Изготовлены в ФРГ, (шт.)	Общая сумма заказов	Сумма заказов внутри ФРГ
Боевые средние танки	3300	1845	94 млрд. марок	87 млрд. марок
Бронетранспортеры	6515	3760		
Истребительно-противотанковых самоходных орудий	1085	863		
Орудий калибра 105—203 мм	845	845		
Зенитные орудия	500	410		
Боевые самолеты	1100	550		
Транспортные и связные самолеты	475	170		
Вертолеты	650	290		
Боевые корабли	164	20		
Вспомогательные военные судна	41	13		

URL. <http://www.istmira.com/istnovei/istoriya-sozdaniya-i-razvitiya-vooruzhennyx-sil-fr/page/58/>

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Суммарные оборонные расходы стран-членов НАТО (1955-1974 гг.)

Страны	Млн. у.е.	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963
США	Доллары	40,371	41,513	44,159	45,096	45,833	45,380	47,807	52,382	53,243
ФРГ	Марки	6,383	7,211	8,962	6,853	11,087	12,115	13,175	17,233	19,924
Великобр.	Фунты стерл.	1,567	1,615	1,576	1,591	1,589	1,655	1,709	1,814	1,944
Франция	Фр. франки	11,020	14,690	15,600	16,569	17,926	18,940	19,932	21,460	21,570

Страны	Млн. единиц	1964	1965	1966	1967	1968	1969	1970	1971
США	Доллары	51,213	51,827	63,572	75,446	80,732	81,443	77,827	74,639
ФРГ	Марки	19,553	19,915	20,254	21,408	19,310	21,577	22,573	25,713
Великобр.	Фунты стерл.	2,000	2,091	2,153	2,276	2,332	2,303	2,444	2,697

Страны	Млн. единиц	1972	1973	1974
США	Доллары	77,639	76,472	85,906
ФРГ	Марки	28,720	31,908	35,644
Великобр.	Фунты стерл.	3,258	3,512	4,207

Источник

Financial and Economic Data Relating to NATO Defence// Defence Expenditures of NATO Countries.17 Dec. 1963. (1955-1963), 8 Dec. 1971. (1963-1971), 9 Dec. 1975. (1971-1972).

URL.

http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1963_12/20100830_1963-002.pdf

http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1971_12/20100830_1971-017.pdf

http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_1975_12/20100830_1975-018.pdf

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Основные показатели промышленного роста ФРГ

Рисунок 1. Рост промышленного производства ФРГ с 1936 по 1960 гг.

Год	Рост промышленного производства, %
1936	100
1950	110
1953	161,5
1954	181,2
1955	206,9
1960	304,2

Источник. Wirtschaft und Statistik. 1972. N 2.

*Автор данного сборника считает корректным брать за точку отсчета 1936 год.

Рисунок 2. Производство основных видов промышленной продукции в ФРГ.

Вид продукции	Единица измерения	1950г.	1970г.	Увеличение, раз
Автомобили	Тыс. штук	306	3872	12,7
Телевизоры	Тыс. штук	-	2890	2890
Электроэнергия	Млрд. кВт/ч	44	238	5,4
Добыча нефти	Млн. тонн	1	8	8
Хим. Волокна	Тыс. тонн	166	718	4,3

Источник. Statistisches Jahrbuch für Bundesrepublik Deutschland. 1971. N 12-a.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Увеличение экономических показателей по отношению к его величине за предшествующий год, в процентах

Годы		Валовый объем промышленн ое производство , %	Валовые капиталовложен ия, %	Валовый национальный продукт, %
Канцлер Аденауэр	1960	10,7	21,8	9,0
	1961	5,6	14,3	5,4
	1962	4,9	11,8	4,0
	1963	3,4	5,7	3,4
Канцлер Эрхард	1964	8,6	14,4	6,7
	1965	5,3	4,6	5,6
	1966	1,8	0,9	2,9
Канцлер Кизингер	1967	-2,4	-8,4	-0,2
	1968	11,8	8,0	7,3
	1969	13,0	12,1	8,0

Источник. Wirtschaft und Statistik. 1972. N 2; Statistisches Jahrbuch für Bundesrepublik Deutschland. 1971. N 12-a.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Четырехстороннее Соглашение
между Правительством Союза Советских Социалистических Республик,
Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии,
Соединенными Штатами Америки и Французской Республикой
(Берлин, 3 сентября 1971 г.)

Правительства Союза Советских Социалистических Республик,
Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии,
Соединенных Штатов Америки и Французской Республики,

представленные их послами, которые провели ряд встреч в бывшей
резиденции Союзного Контрольного совета в американском секторе Берлина,

на основе их четырехсторонних прав и ответственности и соответствующих
соглашений и решений четырех держав военного и послевоенного времени,
которые не затрагиваются,

учитывая существующее положение в соответствующем районе,

руководствуясь желанием содействовать практическому улучшению
положения,

без ущерба их правовым позициям,

согласились о следующем:

Часть I. Общие постановления

1. Четыре Правительства будут стремиться способствовать устранению
напряженности и предотвращению осложнений в соответствующем районе.

2. Четыре Правительства с учетом своих обязательств по Уставу Организации
Объединенных Наций согласны в том, что в этом районе не должна

применяться сила или угроза силой, и споры должны решаться исключительно мирными средствами.

3. Четыре Правительства будут взаимно уважать их индивидуальные и совместные права и ответственность, которые остаются неизменными.

4. Четыре Правительства согласны в том, что, независимо от различий в правовых взглядах, положение, которое сложилось в этом районе, и как оно определено настоящим Соглашением, а также в других соглашениях, упоминаемых в настоящем Соглашении, не будет односторонне изменяться.

Часть II. Постановления, относящиеся к западным секторам Берлина

А. Правительство Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что транзитное сообщение по шоссейным, железным дорогам и водным путям по территории Германской Демократической Республики гражданских лиц и грузов между Западными секторами Берлина и Федеративной Республикой Германии будет происходить без помех, что такое сообщение будет облегчено с тем, чтобы оно осуществлялось наиболее простым и быстрым образом, и что оно будет пользоваться благоприятствованием.

Конкретные урегулирования, касающиеся этого гражданского сообщения, как они изложены в Приложении I, будут предметом договоренности компетентных немецких властей.

В. Правительства Французской Республики, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки заявляют, что связи между Западными секторами Берлина и Федеративной Республикой Германии будут поддерживаться и развиваться с учетом того, что эти сектора по-прежнему не являются составной частью Федеративной Республики Германии и не будут управляться ею и впредь.

Конкретные урегулирования, касающиеся отношений между Западными секторами Берлина и Федеративной Республикой Германии, изложены в Приложении II.

С. Правительство Союза Советских Социалистических Республик заявляет, что сообщения между Западными секторами Берлина и пограничными с этими секторами районами и теми районами Германской Демократической Республики, которые не граничат с этими секторами, будут улучшены. Постоянные жители Западных секторов Берлина смогут совершать поездки и посещать такие районы по гуманным, семейным, религиозным, культурным или коммерческим мотивам или в качестве туристов на условиях, сходных с применяемыми в отношении других лиц, въезжающих в эти районы.

Проблемы небольших анклавов, включая Штайнштюккен, и других небольших районов могут быть решены путем обмена территорий.

Конкретные урегулирования, касающиеся поездок, сообщений и обмена территорий, как это изложено в Приложении III, будут предметом договоренности компетентных немецких властей.

Д. Представительство интересов Западных секторов Берлина за границей и консульская деятельность Союза Советских Социалистических Республик в Западных секторах Берлина могут осуществляться, как изложено в Приложении IV.

Часть III. Заключительные постановления

Настоящее Четырехстороннее Соглашение вступит в силу в день, установленный заключительным четырехсторонним протоколом, который должен быть заключен, когда будут согласованы меры, предусматриваемые в части II, настоящего Четырехстороннего Соглашения и в приложениях к нему.

Совершено в бывшей резиденции Союзного Контрольного совета в американском секторе Берлина 3 сентября 1971 года в четырех экземплярах, каждый на русском, английском и французском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу.

За Правительство Союза

Советских Социалистических

Республик

П. Абрасимов

За Правительство Соединенного

Королевства Великобритании и

Северной Ирландии

Р.Джеклинг

За Правительство Соединенных

Штатов Америки

К.Раш

За Правительство

Французской Республики

Ж.-В.Сованьярг

Приложение

Министерство иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик удостоверяет, что документы, прилагаемые при этом, являются точной и полной копией Четырехстороннего Соглашения, подписанного в бывшей резиденции Союзного Контрольного совета в американском секторе Берлина 3 сентября 1971 года, и Заключительного Четырехстороннего Протокола, подписанного в бывшей резиденции Союзного Контрольного совета в американском секторе Берлина 3 июня 1972 года;

что упомянутая копия воспроизводит названные Четырехстороннее Соглашение и Заключительный Четырехсторонний Протокол на русском, английском и французском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу;

что Четырехстороннее Соглашение подписали: за Правительство Союза Советских Социалистических Республик П.Абрасимов, за Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии Р.Джеклинг, за Правительство Соединенных Штатов Америки К.Раш, за Правительство Французской Республики Ж.-В.Сованьярг; Заключительный Четырехсторонний Протокол подписали: за Правительство Союза Советских Социалистических Республик А.Громыко, за Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии А.Дуглас-Хьюм, за Правительство Соединенных Штатов Америки У.Роджерс, за Правительство Французской Республики М.Шуман;

что ни одной из Договаривающихся Сторон не было сделано оговорок, касающихся упомянутых документов;

что упомянутые документы вступили в силу 3 июня 1972 года.

В удостоверение всего вышеизложенного подписаны настоящие документы и приложена печать.

Заведующий

договорно-правовым отделом

(О.Хлестов)